

ALMANACCO LETTERARIO

10

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Банк Интеза – российский дочерний банк Группы Интеза Санпаоло (Италия). Интеза Санпаоло является одной из крупнейших банковских групп в еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии.

В России Представительство Интеза Санпаоло действует уже более 45 лет. Группа обслуживает более половины внешнеторговых сделок между Россией и Италией. Кроме этого, участвует в финансировании крупных национальных и международных российских проектов.

Банк Интеза работает в 22 регионах России от Калининграда до Владивостока и предлагает полный спектр банковских услуг для малого и среднего бизнеса, частных и корпоративных клиентов.

В основе деятельности Банка Интеза и Группы Интеза Санпаоло лежат принципы социальной ответственности.

Банк Интеза и Группа Интеза Санпаоло поддерживают проекты в области культуры и искусства как в Италии, так и в России.

Генеральная лицензия Банка России № 2216
Интернет-сайт Банка Интеза – www.bancaintesa.ru

Banca Intesa è la sussidiaria russa del gruppo Intesa Sanpaolo (Italia), il maggior gruppo bancario in Italia e uno dei principali in Europa.

Il Gruppo è presente in Russia da oltre 45 anni e intermedia più della metà dell'interscambio italo-russo. Tra le sue attività anche quella del finanziamento dei grandi progetti russi sia nazionali che internazionali.

Banca Intesa è presente in 22 regioni della Russia da Kaliningrad a Vladivostok e offre una vasta gamma di prodotti e di servizi bancari altamente personalizzati per le piccole e medie imprese, le aziende e i clienti privati.

La responsabilità sociale è uno dei valori fondamentali di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo, particolarmente attivi nella promozione di varie iniziative culturali in Italia e in Russia.

Licenza Bancaria della Banca di Russia № 2216
Sito Internet di Banca Intesa: www.bancaintesa.ru

Conoscere Eurasia Edizioni

X

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Potenziare l'amicizia storica tra l'Italia e la Russia e aprire, al contempo, relazioni virtuose con i Paesi dell'Eurasia, secondo una visione globale che pone la cultura e l'economia tra i pilastri fondamentali del benessere dei popoli: ecco la missione di Conoscere Eurasia, l'associazione non-profit con sede a Verona, fondata e presieduta dal professor Antonio Fallico.

Un'attività a tutto campo è quella perseguita dall'Associazione, che ha all'attivo un fitto calendario di iniziative culturali permanenti, tra cui anche i corsi di lingua russa certificati dall'Istituto Puškin e oltre 100 appuntamenti economici, tra seminari e forum, organizzati in tutta Italia dal 2008 a oggi. Un'azione costante e capillare, riconosciuta anche a livello internazionale, che pone Conoscere Eurasia tra le principali organizzazioni italiane, impegnata com'è a promuovere i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica, e non solo, con una lucida lungimiranza nell'intercettare il cambiamento dello scenario geopolitico in atto.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Ассоциация «Познаём Евразию»

Укрепление исторически сложившихся дружеских отношений между Россией и Италией, налаживание новых связей со странами евразийского региона, основанных на глобальном видении, согласно которому культура и экономика лежат в основе благополучия народов, – таковы основные цели деятельности Ассоциации «Познаём Евразию». Штаб-квартира этой некоммерческой организации находится в Вероне, ее основатель и президент – профессор Антонио Фаллико. Ассоциация ведет обширную культурную деятельность, в частности, организует языковые курсы с выдачей сертификатов Института русского языка имени А.С. Пушкина. Также проводятся семинары и форумы по всей Италии. Всего с 2008 года и по сей день организовано более 100 мероприятий. Непрерывная и разнообразная деятельность Ассоциации «Познаём Евразию», основанная на ясном представлении о происходящих геополитических переменных, получила признание на международном уровне. Это делает её одной из основных итальянских организаций, работа которых направлена на продвижение и развитие связей между Россией, Италией и странами Евразийского экономического союза.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

В 2017 году, в соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина, при Литературном институте был создан Дом национальных литератур – научно-образовательный, просветительский, информационный и культурный центр, призванный заниматься пропагандой чтения, художественного перевода, подготовкой и повышением квалификации переводчиков художественной литературы.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 sono stati introdotti l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa.

Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi “Letteratura” e “Letteratura e traduzione letteraria”. Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali e ha contatti con molte qualificate università straniere.

Nel 2017, per volontà del Presidente della Federazione Russa Vladimir Putin, presso l'Istituto Letterario Gor'kij è stata fondata la Casa delle letterature nazionali – un centro scientifico per l'istruzione, l'informazione e la cultura, che ha la finalità di promuovere la lettura, la traduzione, la formazione e lo sviluppo professionale dei traduttori letterari.

Direttore editoriale e letterario
Flavio Ermini

Progettazione e cura grafica
Unidea Srl

Per i singoli racconti © Autori
Per le traduzioni © Traduttori
Per l'Edizione © 2019 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

Главный редактор
Флавио Эрмини

Разработка проекта и графическое оформление
Унидея

© Рассказы. Авторы произведений
© Переводы. Переводчики произведений
© Составление, оформление. Ассоциация «Познаём Евразию», 2019

37129 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

10

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Il Premio Letterario italo-russo Raduga è giunto alla sua decima edizione. È tempo, dunque, di bilanci. Bilanci che – come ci dicono le statistiche – sono estremamente positivi: più di duemila sono i narratori italiani e russi che ci hanno affidato i loro testi; oltre seicento sono gli studiosi che si sono misurati con le traduzioni dal russo all'italiano e viceversa. Ma la nostra soddisfazione non è limitata al solo dato numerico. Ciò che ci riempie di orgoglio è soprattutto la qualità dei lavori pervenuti, sia da parte dei narratori, sia sul versante della traduzione. Evidentemente l'attività dell'Associazione Conoscere Eurasia, con il suo fitto calendario di iniziative culturali,

ha fatto sì che tanti giovani approfondissero i propri studi, tanto da poter guardare al futuro come casa accogliente più che come luogo dove veder sfiorire le proprie speranze. Indubbiamente gli strumenti di conoscenza forniti attraverso i seminari e i forum da noi promossi in ogni parte d'Italia e a livello internazionale hanno dato i loro frutti.

Il nostro stesso *Almanacco letterario*, grazie alla sua struttura bilingue, aperta all'investimento linguistico, si è costituito come banco di prova per le migliori menti delle nuove generazioni.

Sono scomparse le culture politiche del Novecento, ma non per questo si è creato un vuoto. Tra i nostri giovani si fa sempre più evidente la volontà di lottare per una società più giusta e per poter fissare lo sguardo verso il domani senza accontentarsi nell'appagamento.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

Российско-итальянская литературная премия «Радуга» отмечает десятилетний юбилей. Пора подводить итоги. Опираясь на статистику, можно сказать, что эти итоги радуют: свыше двух тысяч российских и итальянских прозаиков представили на конкурс свои сочинения, более шестисот переводчиков перевели их с русского на итальянский и с итальянского на русский. Но радуют не только цифры. Больше всего мы гордимся качеством полученных работ – как у молодых писателей, так и у молодых переводчиков.

Есть все основания утверждать, что Ассоциация «Познаём Евразию», ведущая активную культурную деятельность, помогла молодежи расширить и углубить свои знания. Благодаря этому молодые воспринимают будущее как гостеприимный дом, а не как место, где их надеждам не суждено сбыться. Можно с удовлетворением констатировать, что семинары и форумы, которые мы проводим по всей Италии и которые нередко имеют международный размах, принесли свои плоды.

Пример тому – наш «Литературный альманах»: двуязычное издание, настоящий лингвистический ресурс, который подарил наиболее талантливой молодежи наших стран возможность проявить себя.

Политическая культура XX века осталась в прошлом, но на ее месте не возникло пустоты. Пришло новое поколение, не довольствующееся существующим положением вещей, готовое бороться за справедливое общество, за лучшее будущее.

Итальянские и русские рассказы, собранные под обложкой этого выпуска альманаха, – живое тому подтверждение. В них говорится о любви к пожилым людям, об отказе от технологий, которые наносят вред природе,

I racconti italiani e russi che questo *Almanacco* propone sono la vivace testimonianza di tali intendimenti. Mettono in campo l'amore per gli anziani; il rifiuto della tecnologia quando questa prende il sopravvento sulla natura; l'attenzione per la dimensione sociale del *noi* rispetto a quella effimera dell'*io*.

Sono orgoglioso di questo risultato, raggiunto grazie all'impegno della nostra Associazione, impegno sostenuto in modo decisivo da Banca Intesa. Sono lieto di condividere con tanti giovani l'aspirazione di liberare le nostre azioni dalle abitudini mentali, dalla pigrizia del pensiero, e nel contempo di favorire un libero intreccio di culture votato ad approfondire sempre più i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica.

Ciò che i nostri giovani chiedono è di abbandonare la corsa febbrile che ci spinge alla ricerca di beni materiali e di scendere nelle regioni segrete della nostra interiorità al fine di riflettere sulle inquietudini dell'anima: quelle nostre, quelle del nostro prossimo, quelle di chi giunge da terre lontane e chiede accoglienza.

È mia ferma convinzione che proprio in questa scia di speranze si collochi il pensare come intimo colloquio: colloquio con il mondo e con se stessi, unica condizione per leggere la realtà nella sua complessa articolazione, nella sua vertiginosa profondità.

L'Associazione Conoscere Eurasia propone con il Premio Raduga l'esperienza della parola narrativa come parola di *verità*, una parola che non trova posto negli automatismi del linguaggio convenzionale, ma si trova perfettamente a suo agio tra le pagine di questo sorprendente *Almanacco letterario*.

о том, что наполненное общественным смыслом «мы» всегда должно быть важнее эфемерного «я».

Я горжусь результатом, которого мы достигли благодаря напряженной работе ассоциации, а работа эта, в свою очередь, была бы невозможна без поддержки Банка Интеза. Мне приятно разделять со столькими молодыми людьми стремление избавиться от устаревших схем, от лени мысли, способствовать свободной встрече культур, что, в свою очередь, позволит еще больше укрепить отношения между нашей страной, Россией и Евразийским экономическим союзом.

Молодежь требует, чтобы мы прекратили лихорадочную погоню за материальными благами, заглянули в самих себя и задумались над тем, что тревожит нашу душу, души наших близких, души тех, кто прибыл из далеких земель и просит приюта.

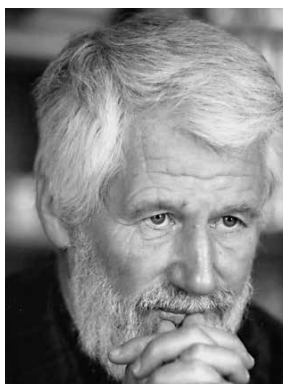
Я твердо убежден, что надежда позволяет превратить мысль в негромкую беседу: беседу с миром и с самим собой. Только тогда действительность откроется нам во всей своей сложности и полноте, во всей головокружительной глубине.

Ассоциация «Познаём Евразию» проводит конкурс Премия «Радуга», чтобы вновь наполнить литературу правдой, вернуть словам утраченный блеск, отказаться от затертых от частого употребления значений. Таким возвращением к исконной чистоте словам уютно на страницах нашего удивительного альманаха.

Борис Тарасов

Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы

В текущем году российско-итальянский конкурс «Радуга» проводился уже десятый раз. Этот мини-юбилей позволяет оглянуться на пройденный путь, отметить его непрерывно растущую популярность, особое место в современном литературном процессе. География конкурса охватывает практически все регионы России (от больших городов до самых удаленных сел и деревень), а также ряд стран ближнего и дальнего зарубежья. В него вовлекается молодежь разных возрастных и профессиональных групп – от вчерашних школьников и студентов, педагогов, филологов, журналистов, юристов до сотрудников НИИ, банков, администраций, рабочих, инженеров, менеджеров, фрилансеров и т.д. Конечно же, среди участников конкурса выделяются те, кто обладает тем или иным литературным опытом, публикуется в печатных и электронных изданиях. Отрадно видеть, что победители и лауреаты конкурса активно включаются в большой литературный процесс и занимают в нем авторитетные и влиятельные позиции.

Boris Tarasov

Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

Quest'anno il Premio italo-russo Raduga ha ormai raggiunto la decima edizione. Questo mini-anniversario permette di voltarsi a dare un'occhiata al cammino svolto, osservare la sua popolarità in continua ascesa e il suo posto speciale nel processo letterario contemporaneo. La geografia del Premio abbraccia in pratica tutte le regioni della Russia (dalle grandi città alle località più remote), così come diversi Paesi stranieri vicini e lontani. Coinvolge giovani di varie età e categorie professionali – da studenti, insegnanti, filosofi, giornalisti, avvocati, fino a dipendenti di istituti di ricerca, banche, amministrazioni, lavoratori, ingegneri, *manager*, *free-lance* ecc. Naturalmente, tra i partecipanti al Premio spiccano quelli che hanno una qualche esperienza letteraria, con pubblicazioni a stampa o in formato elettronico. È un piacere vedere che finalisti e vincitori del Premio sono attivamente inseriti in un ampio processo letterario e vi occupano una posizione autorevole e stimata.

Владимир Григорьев

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям

Российско-итальянская премия «Радуга» – уникальная литературная премия. Во-первых, это премия за произведения в жанре короткого рассказа, очень непростом литературном жанре, несмотря на малое количество страниц. Антон Павлович Чехов, непревзойденный мастер рассказа, справедливо называл краткость «сестрой таланта». Замечательные образцы «малого жанра» оставил классик итальянской литературы Альберто Моравиа. Есть у кого учиться нашим конкурсантам. Однако замечено, что начинающие писатели чаще впадают в грех многословия, писать кратко и образно дано далеко не всем. Не случайно, «Радуга» – премия именно для молодых писателей, для них это не просто «проба пера», но и своего рода «квалификация», подобно

той, что бывает в спортивных соревнованиях.

Во-вторых, это премия двуязычная, и очень интересно наблюдать, как художественные поиски российских и итальянских молодых порой идут в одном русле, а порой диаметрально расходятся. И это замечательно, это залог того, что ребятам и в будущем всегда будет интересно читать друг друга.

А еще это одна из немногих премий, где отмечается и работа переводчика. До учреждения большой премии READ RUSSIA за лучший перевод с русского на иностранный «Радуга» была чуть ли не единственной переводческой премией в нашей стране. А между тем литературный переводчик – ключевая фигура в культурном обмене на уровне художественного текста, и от его работы зависит восприятие книги на другом языке. Хороший перевод – книгу будут читать, перевод не удался – и каким бы великолепным ни был оригинал, книга обречена на долгое прозябание на полках книжных магазинов.

Vladimir Grigor'ev
Agenzia Federale per la stampa e i mass media

Il Premio italo-russo Raduga è un premio letterario unico. In primo luogo si tratta di un premio per opere che afferiscono al genere del racconto breve – un genere letterario molto complesso, nonostante il limitato numero di pagine. Anton Pavlovič Čechov, insuperato maestro del racconto, ha giustamente definito la brevità «sorella del talento». Importanti esempi del “piccolo genere” sono stati lasciati da un classico della letteratura italiana: Alberto Moravia. C'è qualcuno da cui hanno imparato i nostri concorrenti. Tuttavia è stato notato che gli scrittori esordienti cadono più spesso nel peccato della prolissità poiché non a tutti è dato scrivere in forma breve e in senso figurato. Non a caso, infatti, il Premio Raduga riguarda i giovani autori: per loro non è soltanto un “saggio di scrittura”, ma anche una specie di “qualifica” simile a quella delle competizioni sportive.

In secondo luogo si tratta di un premio bilingue, ed è molto interessante osservare come le ricerche artistiche dei giovani russi e italiani a volte seguano lo stesso corso, e a volte vadano in direzioni diametralmente opposte. E ciò è straordinario, è garanzia del fatto che per i ragazzi in futuro sarà sempre interessante leggersi a vicenda.

Pertanto, questo è uno dei pochi premi in cui viene messo in evidenza il lavoro del traduttore. Prima dell'istituzione del grande Premio READ RUSSIA per la miglior traduzione dal russo in una lingua straniera, il Raduga è stato quasi l'unico premio di traduzione nel nostro Paese. Eppure il traduttore letterario è una figura chiave nello scambio culturale a livello di opera testuale, e dal suo lavoro dipende la percezione del libro in un'altra lingua. Con una buona traduzione il libro sarà letto, ma quando la traduzione non funziona – e non importa quanto bello possa essere l'originale – il libro è condannato a vegetare a lungo sugli scaffali delle librerie.

И наконец – это очень стабильная премия, она существует вот уже десять лет, обрастая все новыми лауреатами и расширяя число участников. Десять лет – серьезный возраст для любой премии. Немало ровесников и конкурентов «Радуги» тихо почили за это время, иные превратились в клубное поощрение литераторов, «широко известных в узком кругу». А «Радуга» существует и только набирает силу, прирастая новыми свежими именами из самых разных уголков России и Италии. У премии есть уже своя история, есть свой формат, есть серия прекрасно изданных двуязычных книг с произведениями лауреатов, есть свой весьма популярный бренд, выражаясь современным языком. Кто-то из первых лауреатов премии уже занял свое место в большой литературе, кто-то еще только стремится к этому, для кого-то, возможно, счастливая «проба пера» осталась лишь удачным экспериментом, а выбранный жизненный путь пролег в стороне от нелегкого писательского удела. Но для всех участие в конкурсе стало, безусловно, важным и знаковым жизненным событием, тем более важным, что наверняка пробудило интерес к культуре другой страны, а может, и стало началом личной дружбы на долгие годы.

Хочу высказать огромную признательность Ассоциации «Познаем Евразию», банку «Интеза» в России и особенно их главе профессору Антонио Фаллико за постоянную поддержку гуманитарных контактов между нашими странами, значение которых трудно переоценить, особенно в нынешней непростой ситуации в мире. Спасибо Литературному институту им. А.М.Горького за вдумчивую и внимательную работу с молодыми российскими соискателями. Спасибо членам российского и итальянского жюри, кропотливо выискивающим печать таланта в поступающих на конкурс текстах.

Уверен, что премии «Радуга» суждена еще долгая и счастливая жизнь, что с годами она будет только расширяться и набирать силу, сохраняя при этом свой неповторимый облик.

A stylized handwritten signature in black ink, likely belonging to Antonio Fallico, the president of the association mentioned in the text.

Infine, questo è un premio molto stabile: esiste ormai da dieci anni, raccogliendo sempre nuovi vincitori e ampliando il numero dei partecipanti. Dieci anni sono un'età seria per qualsiasi premio. Molti coetanei e rivali del Raduga riposano in pace da parecchio, altri si sono trasformati in club di incentivo per letterati "ampiamente noti in una ristretta cerchia". Invece il Raduga esiste e si rafforza, aggiungendo nomi freschi e nuovi provenienti da varie parti della Russia e dell'Italia. Ormai il premio ha la sua storia, il suo formato, una serie di ben curati libri bilingui con le opere dei vincitori, il suo *brand* è molto popolare – per dirla con un linguaggio attuale. Alcuni vincitori delle prime edizioni occupano già un posto nella grande letteratura, altri ci stanno provando, per qualcuno – forse – un felice «saggio di scrittura» è rimasto soltanto un esperimento fortunato e il cammino elettivo della vita è andato oltre il difficile destino dello scrittore. Ma per tutti la partecipazione al concorso è stata, senza dubbio, un evento importante e significativo della vita – tanto più importante poiché ha sicuramente destato interesse nella cultura di un altro Paese e, forse, ha segnato l'inizio di un'amicizia personale per lunghi anni.

Desidero esprimere immensa riconoscenza all'Associazione Conoscere Eurasia, a Banca Intesa in Russia e soprattutto al loro presidente professor Antonio Fallico, per il continuo sostegno dei contatti umanitari tra i nostri Paesi, la cui portata è difficile valutare – specie nell'attuale complessa situazione mondiale. Un grazie va all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij per il ponderato e attento lavoro con i giovani concorrenti russi. Un grazie va ai membri delle giurie russa e italiana, che scovano meticolosamente il suggello del talento nei testi in concorso.

Sono sicuro che il Premio Raduga è destinato ad avere ancora una vita lunga e felice, che nel corso degli anni ancora si amplierà e si rafforzerà, pur mantenendo il suo aspetto unico.

Raduga

Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno alla decima edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce soprattutto quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. Lo scopo è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Итальянско–российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в десятый раз, – поддерживать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе.

В первую очередь премия задумывалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско–итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

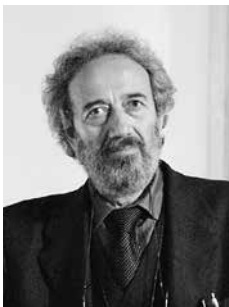
Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Giuria italiana
Итальянское жюри

Marco Drago (Canelli, 1967) è scrittore e autore radiofonico. Tra i suoi libri ricordiamo *L'amico del pazzo* (1998), *Zolle* (2005) e *La prigioniera grande quanto un paese* (2013). Ha diretto per diciotto anni la rivista “Maltese Narrazioni” ed è direttore della collana di e-book “Laurana Reloaded”. Scrive per “Vanity Fair” e “Il Giornale”.

Марко Драго (Канелли, 1967), писатель, радиоведущий. Автор книг «Друг сумасшедшего» (1998), «Глыбы» (2005) и «Тюрьма размером с целую страну» (2013). На протяжении восемнадцати лет руководил журналом «Мальтезе Наррацони», редактор серии электронных книг «Лаурана Релоадед». Сотрудничает в изданиях «Вэнити фэйер» и «Иль Джорнале».

Flavio Ermini (Verona, 1947), poeta e saggista, è autore di numerosi volumi in Italia e in Francia. Dirige la rivista letteraria “Anterem”. Fa parte del comitato scientifico di “Osiris” (Università di Deerfield, Massachusetts) e degli “Amici della Scala” di Milano. Dirige la collana di filosofia “Narrazioni della conoscenza” (Moretti&Vitali).

Флавио Эрмини (Верона, 1947), поэт и литературный критик, опубликовал ряд книг в Италии и во Франции. Редактор литературного журнала «Антерем». Член научного комитета «Осирис» (Университет г. Дирфилд, Массачусетс) и общества «Друзья Ла Скала» (Милан). Составитель серии книг по философии «Рассказы о познании» издательства «Моретти&Витали».

Carlo Feltrinelli (1962) è dal 1988 Amministratore Delegato della casa editrice fondata nel 1955 dal padre Giangiacomo Feltrinelli. Dal 1998 è Presidente delle Librerie Feltrinelli. Nel 2001 è stato nominato Presidente della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, uno dei maggiori centri di ricerca nell'ambito delle discipline storiche e delle scienze politiche, economiche e sociali. Dal 2015 è Presidente del Gruppo Feltrinelli. È autore di *Senior Service*, tradotto e pubblicato a livello internazionale.

Карло Фельтринелли (1962), с 1988 года генеральный директор издательства, основанного в 1955 году его отцом Джанджакомо Фельтринелли. С 1998 года президент сети книжных магазинов «Фельтринелли». С 2001 года президент Фонда Джанджакомо Фельтринелли, одного из крупнейших центров научных исследований в области истории, политологии, экономики и обществознания. С 2015 года президент Группы Фельтринелли. Автор книги «Senior Service. Жизнь Джанджакомо Фельтринелли», переведенной и опубликованной во многих странах.

Maria Pia Pagani (Pavia, 1975), docente dell'Università di Pavia, è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e i suoi legami con la cultura spirituale ortodossa. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij.

Мария Пиа Пагани (Павия, 1975), преподаватель Университета г. Павия, автор книг и научных статей о русском театре и его связи с духовной православной культурой. Лауреат Премии для молодых ученых им. Марии Корти (2003), Премии им. Чезаре Анджелини (2004) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского.

Alberto Rollo (Milano, 1951) è consulente per Mondadori. È stato Direttore Editoriale di Baldini&Castoldi e Direttore Letterario in Feltrinelli. Ha tradotto autori inglesi e americani. Ha scritto per il teatro e ha realizzato documentari per la tv. È autore di *Un'educazione milanese*, Manni, 2016, Cinquina Premio Strega, Premio Pisa, Premio Alvaro-Bigiaretti 2017.

Альберто Ролло (Милан, 1951), консультант издательства «Мондатори». Бывший главный редактор «Бальдини&Кастольди» и главный редактор «Фельтринелли». Переводил английских и американских писателей. Автор произведений для театра, документальных фильмов для телевидения. Его книга «Миланское воспитание» («Манни», 2016) вошла в пятерку финалистов премии «Стрега», а также в 2017 г. получила Премию «Пиза» и Премию «Альваро-Биджаретти».

Stefania Sini, è Professore associato di Letterature comparate e Letteratura italiana all'Università del Piemonte Orientale. Tiene seminari di metrica, retorica e narrativa alla Civica Scuola di Teatro Paolo Grassi di Milano. Si occupa di teoria e critica letteraria. Ha pubblicato lavori su G. Vico, M. Bachtin, i Formalisti russi. Traduce dal russo poesia e saggistica. Ha fondato e dirige la rivista "Enthymema".

Стефания Сини, преподает сравнительное литературоведение и итальянскую литературу в Университете Восточного Пьемонта. Ведет семинары по метрике, риторике и художественной прозе в Школе при Театре Паоло Грасси в Милане. Занимается теорией литературы и литературной критикой. Автор работ о Дж. Вико, М. Бахтине, русских формалистах. Переводит с русского поэзию и эссеистику. Основатель и руководитель журнала «Энтимема».

Российское жури
Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А.М. Горького, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ.

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore e filologo. Professore ordinario, docente dell'Università Statale di Mosca Lomonosov, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bol'saja

Kniga e altri. Membro del Consiglio per la Cultura presso il Presidente della Federazione Russa.

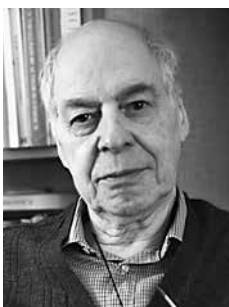
Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie "Oktjabr" e "Znamja". Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*.

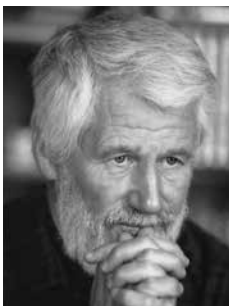
Елена Леонидовна Пастернак, лингвист, переводчик. Доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Президент фонда имени Б.Л. Пастернака. Преподаватель школы литературного мастерства «Хороший текст».

Elena Leonidovna Pasternak, linguista e traduttrice. Professore ordinario della Facoltà di Filologia presso l'Università Statale di Mosca Lomonosov. Presidente della Fondazione Boris Pasternak. Docente della Scuola di scrittura creativa “Buon testo”.

Евгений Михайлович Солонович, поэт, переводчик. Профессор Литературного института имени А.М. Горького, почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапиенца». Лауреат Премии «Мастер» Союза «Мастера литературного перевода», Государственной Премии Италии в области художественного перевода, Премии Монтале, Премии Монделло и ряда других российских и итальянских премий.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Laurea *honoris causa* dell'Università di Siena, dottorato *honoris causa* dell'Università La Sapienza di Roma. Ha ricevuto il Premio Master dell'Unione dei maestri della traduzione letteraria, il Premio Nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Mondello e altri riconoscimenti sia russi che italiani.

Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ректор Литературного института имени А.М. Горького (2006–2014). Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф.М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, professore ordinario, direttore del Dipartimento di Letteratura straniera, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (2006-2014). Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, PhD (Università di Firenze). Доцент Литературного института имени А.М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана, Премии имени Н.В. Гоголя в Италии, Государственной премии Италии в области художественного перевода. Совместно с М. Динелли опубликовала книгу рассказов «Ленин. От «Правды» к «Прада»» (Милан, 2008).

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato di Lingua e letteratura italiana all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana, il Premio N.V. Gogol' in Italia e il Premio Nazionale per la Traduzione (Italia). In collaborazione con M. Dinelli ha pubblicato il volume di racconti *Lenin. Dalla Pravda a Prada: storie di una rivoluzione* (Milano 2008).

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Daniele Dalle Nogare

Angelica Damiani

Riccardo Marin

Paolo Steffan

Lorenzo Vargas

Даниэле Далле Ногаре

Анджелика Дамиани

Риккардо Марин

Паоло Стеффан

Лоренцо Варгас

Daniele Dalle Nogare

Traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Даниэле Далле Ногаре

Перевод на русский язык Станислава Лихоузова

MAURICE L'OSCURO

Da dove siede, Maurice vede l'intera sala della biblioteca. Al margine, percepisce il rimescolarsi del traffico che arriva a lui come musica. Un attimo prima, chiudendo gli occhi, gli era capitato di trovarsi in riva al mare e, riaprendoli, s'era sentito in imbarazzo per non aver portato con sé di che farsi il bagno. E chiudendo di nuovo gli occhi, era rimasto in riva al mare ad ascoltare il va e vieni bagnato delle barche un poco lontane.

Ma ora, dal fondo della sala, Maurice assaggia il concerto quasi immobile delle teste e schiene in ombra, e il contrappunto delle lampade da tavolo che riversano un bagliore spettrale sui tavoli scomposti. L'aria tutta s'ingrigisce d'un colpo: fuori, una nuvola copre l'ultimo sole. Il traffico pure pare smorzarsi e perdere colore. Qualcuno scapocchia ancora e ancora un evidenziatore. Si girano pagine, schioccano i *mouse*. Anche il frullare sparso delle tastiere sembra eseguirsi con intenzione di rubamento. Nel silenzio reso più intenso da rumori minuti, Maurice chiude il libro che gli è ormai indifferente, e in stato di perfetta innocenza richiude gli occhi.

Immerso in una nuova luce bianca, Maurice si vede attraversare la spiaggia e toccare l'acqua. Per quanto ancora la distanza attenui il respiro profondo del mare, Maurice ne può immaginare la forma sonora completa, e l'enorme ripetizione sua nell'opera che mai non finisce. Si toglierà le scarpe. Nel bagnasciuga entrerà a piedi nudi, e solchi si creeranno laddove il peso del suo corpo incontrerà la sabbia. Una serie visibile di tracce: messe in fila, le sue orme disegneranno una linea che negozierà infine con l'acqua e, per l'acqua, si farà invisibile. Tra il mare e il cielo, aperti l'uno all'altro, Maurice si prefigura come una giunzione. Gli occhi ancora fermi, coll'odore di sale sul corpo, si vede di nuovo imprigionato nella biblioteca, piegato su un libro chiuso.

C'è poca gente che cammina intorno a lui. Tutti parlano sottovoce. Il mormorio è indecifrabile. Maurice s'immagina di essere in un luogo aperto. È bosco antichissimo quello che vede: le fessurazioni dei lembi più bassi dei castagni preannunciano la caduta e il moncone: e nel

ТЕМНЫЙ МОРИС

Со своего места Морис окидывает взглядом читальный зал. До него едва доносится уличный шум, который кажется ему музыкой. Минуту назад, закрыв глаза, он увидел себя на берегу моря и сильно смутился, когда опомнился и обнаружил, что не захватил с собой ничего для купания. Поэтому он снова зажмурился и, очутившись на побережье, заслушался, как бьются о причал пришвартованные невдалеке лодки.

А сейчас из глубины зала он наслаждается немим концертном погруженных в полумрак застывших голов и спин, контрапунктом настольных ламп, отбрасывающих призрачный свет на заваленные книгами столы. Вдруг все вокруг становится серым: туча за окном заслонила солнце. Шум улиц, теряя краски, начинает затихать. Кто-то снимает и надевает колпачок маркера. Шелестят страницы, щелкают мыши. Вот и рассеянное жужжание клавиатур, кажется, идет на спад. От этих случайных звуков тишина становится почти осязаемой, Морис захлопывает книгу – она ему уже неинтересна – и без тени смущения снова закрывает глаза.

Вновь окунувшись в ослепительно яркий свет, Морис быстро идет по пляжу напрямик к воде. Глубокое дыхание моря становится все ближе и ближе, теперь можно полностью различить его звучание – отчетливый рефрен в симфонии, которой нет конца. Сняв туфли, он босиком подходит к кромке воды. Там, где ступает его нога, на песке остается бороздка. Вереница тянувшихся друг за другом следов, рисующих линию. Эта линия вступит в бесконечный спор с водой, пока та не сотрет ее очертания. Такие близкие стихии – море и небо, и словно прообраз моста между ними – фигура Мориса. С застывшим взглядом, весь пропахший морем, он снова видит себя в библиотеке скрюченным над закрытой книгой.

Мимо него почти никто не проходит. Все говорят шепотом. Невозможно ничего разобрать. Морис переносится в другое место на свежий воздух. Вот он в вековом

loro vuoto contenuto si gusta già l'assenza tutta. Dalle crepe del suolo qualche pianta si lascia illudere: e nasce il loglio, e attecchisce il chicco di grano. È anche quella una parte di verità, pensa distrattamente Maurice. Le voci mormorano, e più non sa se le voci siano voci, o se sia il vento tra i rami, o se sia il mareggiare dei suoi sogni.

Aprire gli occhi. Davanti a sé una ragazza si alza, indossa il cappotto e se ne va. Maurice la fissa senza vergogna: è ammesso guardare qualcuno che se ne va dal regno di quelli che restano. Un incidente che ha poco di anomalo: tra pochi minuti non ci sarà più nessuno. Una voce metallica annuncerà la prossima chiusura, professerà alla folla di non dimenticare i propri effetti. I neon si spegneranno all'unisono, le tapparelle automatiche si srotoleranno. Maurice si alzerà anch'egli, indosserà anch'egli il cappotto, tornerà a piedi al luogo che chiama per convenzione casa: camminerà sperando di scrollarsi di dosso quella nebbia ispida e infeconda che talvolta gli enfiava il cuore e che ha battezzato per sé, ma non senza oscurità, l'anima dell'indifferenza.

Per la città si lascerà dunque trasportare, inerte, quasi come non fosse lui a camminare. Distratto, si ritroverà a pensare ai fatti della giornata, finché la vista fortuita di una bambina non altererà il corso delle sue divagazioni. Pennerà al sé bambino e ai paradisi perduti: entrerà in una parentesi. (Maurice usava sognare di diventare architetto, ma non per arrangiare lo spazio degli uomini, quanto il tempo loro. Allora, dall'alto della sua innocenza, Maurice percepiva senza concepirla la povertà immaginativa della sua città: dalla nascita di quella prima fabbrica, nel frangente d'uno scivolare di palpebre, si era avverata la disciplina del tempo santo e irremissibile. Ma Maurice sognava un tempo che rovinasse i limiti che lo cingevano. Che potessero esistere castelli di tempo, con anfratti bui e umidi scanditi dallo sgocciolare raro della condensa; e accanto, il tempo della cavalletta, grinzoso come le sue zampe equine, svelto ma placido, precipitoso e pure pieno d'ozio. E ancora, ancora: il tempo dei cappelli, un po' vellutato e un po' stropicciato, quello che conservava l'odore segreto di una persona; il tempo paziente delle cortecce, arrotolate di continuo, pesanti come il derma di un elefante; il tempo delle tubature e dei troppopieni dal clangore arrugginito – era questo anche il tempo delle guerre. C'era il tempo del ponte di pietra, che benché fosse denso e materioso, sul

лесу: глубокие трещины на стволах каштанов уже предвещают скорую гибель и разрушение – в их пустоте есть нечто губительное. Тут и там сквозь потрескавшуюся землю пробиваются ростки, они дарят смутную надежду: взойдут и плевелы, и зерна. И в этом есть своя правда, отвлеченно думает Морис. Слышится бормотание человеческих голосов, но он уже не уверен, то ли это и вправду голоса, то ли это ветер тербит кроны деревьев, то ли ему это чудится.

Он открывает глаза. Девушка, сидевшая перед ним, встает, надевает пальто и уходит. Морис, не смущаясь, неотрывно смотрит на нее: ведь тем, кто остается, позволительно наблюдать за теми, кто уходит. Ничего удивительного: через несколько минут библиотека опустеет. Металлический голос возвестит о скором закрытии и попросит посетителей не забывать личные вещи. В унисон потухнут неоновые лампы, опустятся автоматические жалюзи. Поднимется и наденет свое пальто и Морис. Затем он пешком отправится в то место, которое для удобства зовется домом: по пути он постарается стряхнуть с себя этот колючий и бесплотный туман, проникающий прямо в сердце, в то место, которое он мрачно окрестил про себя безразличной душой.

Безвольно побредет он по городу, словно доверившись какой-то неведомой силе. Рассеянно станет перебирать в уме события этого дня, затем увидит маленькую девочку, и его фантазии повернут в другое русло. Он вспомнит о своем детстве и о потерянном рае: тут стоит вынести кое-что за скобки. (Морис мечтал стать архитектором. Больше всего ему хотелось управлять не столько пространством, сколько человеческим временем. Еще ребенком он смутно догадывался, что в его городе негде разгуляться творческой натуре – как только здесь построили первую фабрику, никто и глазом моргнуть не успел, как для времени установился незыблемый, почти священный порядок. Но Морис мечтал о времени, выходящем за привычные рамки. Он строил из времени замки, окруженные темными, крутыми и скользкими от влаги обрывами. Было и время-кузнечик – все в перепонках, как ловкие лапки насекомого, – проворное и безмятежное, стремительное и не

tornare d'una schiena asinina arrivava che sembrasse perforato da parte a parte, dando infine l'apparenza di appoggiarsi sul vuoto. C'era il tempo di plastica, che era un tempo remotissimo e rinchiuso nei meandri delle terre siberiane: ma era un tempo in continua trasformazione, un tempo ora vegetale, ora marittimo, ora aereo, ora micotico. C'era il tempo dei re mori: un tempo di prosperità per tutti i cetacei, allora non ancora cacciati per le loro falde adipose, ma invitati a prosperare perché la loro pelle viva rifletteva lo splendore dei suoi monarchi: bastava anche solo un piccolo sguardo al guizzante bagliore azzurrino del ventre di una balena, anche una minima sfiatata intravista in lontananza, e nel regno s'indicevano fiere interminabili bagnate dai vini più pregiati.)

Poi più nulla. Passano le notti, passano anche i volti. Passano i topi sull'asfalto prima di imbucare la strada del sottosuolo. L'anima dell'indifferenza scompare e riappare. E il tempo non è che una parola di attesa, e Maurice attende e attende e attende.

Coprendo grandi distanze, Maurice si accorgerà di star camminando sui passi di sempre: sarà un'immutata partitura in ripetizione. Arriverà a casa, ma sarà come non fosse mai partito. Se ne starà quindi alla porta. Esiterà, non sapendo se rientrare in casa, o se uscirne. Nulla lo inviterà ad assumere l'una o l'altra scelta: la notte sarà quieta e bianca, né calda né fredda. Nella più grande indecisione su una materia tanto piccola e inconsequente, Maurice rimarrà a pensare a nulla, lì, sulla soglia.

D'un tratto, un'onda selvaggia gli invaderà il corpo: sarà un dolore antichissimo e tutto nuovo. Sentirà nel petto, nel cuore, una ferita sanguinare: e credeva che il cuore fosse solo la metafora di tanta trita retorica... E invece eccolo qui, il suo proprio cuore, spandere un calore pieno di un male che non saprà descrivere, un caldo sangue che siprofonderà e che lo avvelenerà nel tepore dell'irresponsabilità solitaria. Lo sentirà pulsare con più grande intensità: gli vibreranno gli occhi, anche la testa dolerà. Sarà il dolore di un vivere così, solo sulla porta, e non sapendosi decidere, userà quel dolore come distrazione. Il fare un passo in avanti o il fare un passo indietro deciderebbe di quel male, potrebbe farne cicatrice, potrebbe strapparla alla vita con la violenza di un rapace.

Nel quadro della porta semiaperta, come fosse uno specchio d'acqua, galleggeranno le im-

чуждое праздности. И еще, и еще: время волос – слегка потертое и бархатистое, хранившее человеческий запах. Терпеливое время древесной коры, скрученное и тяжелое, будто слонова шкура. Фанфарное время ржавых труб и водосточков – оно было и временем войны. Было время каменного моста, прочное и массивное, однако стоило подняться на его горб, и казалось, будто мост висит в воздухе. Было и время перевоплощений – очень древнее время, затерянное где-то в сибирской тайге: оно то и дело менялось и становилось то растительным, то морским, то воздушным, то грибным. И время мавританских королей: благословенное время для китов, в то время их не убивали ради жира, а почитали, потому что шкура живого кита, словно зеркало, отражала монаршее величие. Стоило кому-то мельком заприметить вдалеке скользкую блестящую тушу или фонтан брызг, как в королевстве сразу же закатывали пир горой, не скупясь на дорогое вино).

А дальше пустота. Мелькают дни, мелькают лица. Мелькают на асфальте крысы, прежде чем юркнуть в недра земли. Безразличная душа то появляется, то исчезает. Время – ничто иное, как ожидание, и Морис все ждет и ждет.

Пройдя неблизкий путь, Морис вдруг поймет, что идет по своим следам: все та же повторяющаяся партитура. Придет домой, будто бы никуда и не выходил. Замахнется у двери. Задумается, войти ему или выйти. Впрочем, ни то, ни другое его не прельщает: ночь будет спокойной и ясной, ни жаркой, ни холодной. Застыв в нерешительности от такой малости, Морис задумается ни о чем, прямо там, на пороге.

Вдруг он весь содрогнется: древнейшая и неизведанная боль яростно пронзит его тело. Он почувствует в груди, прямо в сердце, кровоточащую рану: а ведь он-то думал, что сердце – это метафора, риторическая уловка... Вот, значит какое оно – его сердце, которое растечется жаром от неопишуемой боли; горячая кровь наполнит его тело и отравит теплотой одиночества. Кровь сильнее застучит в висках: у него задрожат веки, и заболит голова. Это боль от такой жизни – жизни на пороге. Боль ненадолго отвлечет его от нерешенной дилеммы. Сделать шаг вперед

magini del giorno: i volti dei bagnanti, la ragazza col cappotto, l'ondeggiare dei castagni, le strade senza fine della città, il se stesso bambino che gioca col tempo.

Ma non saprà, non saprà, adesso, e neppure adesso, e allora continuerà ad aspettare il nulla, aspetterà senza aspettare. La venuta della notte più fonda lo vedrà aspettare una parola che ancora gli parli quando ogni parola sarà per sempre taciuta; una parola nella cui mente si lascerà in ultimo sorridere.

Per ora, Maurice guarda l'intera sala della biblioteca. Fuori dalla finestra, un filo di fumo da una fabbrica.

или шаг назад – это может унять боль, может оставить шрамы, может отнять у него жизнь, будто хищная птица.

В проеме приоткрытой двери, как в зеркале, всплывут образы уходящего дня: лица купальщиков, девушка в пальто, колышущиеся кроны каштанов, бесконечные городские улицы и он – ребенок, играющий со временем.

И сейчас он не знает ответа и все ждет непонятно чего – и ждет, и не ждет. Глубокой ночью он все будет ждать одного только слова. Он будет ждать его вечно, пока все остальные слова не умолкнут. Одного слова, от которого рассудок растает в последней улыбке.

А пока Морис окидывает взглядом читальный зал. За окном из фабричной трубы струйкой вьется дым.

Nota critica

Daniele Dalle Nogare lo dichiara esplicitamente nella sua biografia: il racconto *Maurice l'Oscuro* è un omaggio al filosofo e narratore francese Maurice Blanchot (1907-2003). È un omaggio alle sue riflessioni sull'immaginario, ovvero sulla negazione del reale. Ed è proprio su questo entrare e uscire dalla realtà che si articola questo racconto, sperimentando forme di "eclissamento" nell'immaginazione, chiamando in causa il tempo, un tempo non più lineare, ma decisamente "indisciplinato".

Il protagonista scopre che non c'è limite al raddoppiamento dei piani d'azione, al labirinto creato dalla letteratura, la quale inganna con le sue narrazioni, perché con esse il tempo s'inceppa e la stessa comunicazione subisce un contraccolpo. Con la voce dello scrittore è in gioco la *verità*, la quale appare in un tempo dislocato tra presente e futuro, trattenendo in sé entrambe le dimensioni, intrecciandole, confondendole, esattamente come accade nel racconto *Maurice l'Oscuro*.

Va distinto il tempo dell'orologio dal tempo soggettivo, dal tempo vissuto, dal tempo dell'io, dal tempo che cambia in ciascuno di noi, di situazione in situazione, di stato d'animo in stato d'animo. Dalle Nogare giunge a precisare che indipendentemente da noi il tempo non è nulla. Quello che conta è il tempo interiore. Il tempo esteriore è labile, effimero, impalpabile; si manifesta nel semplice scorrere, nell'omogeneità. Noi non conosceremo mai il tempo finché lo calcoliamo con le misure della clessidra. Il tempo lo vediamo soltanto con gli occhi di quelli che diventano i suoi annuncianti: i narratori, i quali ci sottraggono con l'immaginazione a una temporalità omogenea, uguale per tutti, per consegnarci a un'esperienza temporale che è solamente nostra.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Даниэле Далле Ногаре признается в своей биографии: «Темный Морис» посвящен французскому философу и писателю Морису Бланшо (1907–2003). Этот рассказ – дань почтения рассуждениям Бланшо о воображаемом мире, точнее – об отрицании реальности. На чередовании реальных и воображаемых событий и построено повествование, автор показывает, как можно ускользнуть в воображаемое, обращается к понятию времени не как к линейной величине, а как к чему-то «неупорядоченному».

Главный герой понимает, что не существует предела для «раздвоения» наших действий, для литературного лабиринта, который вводит в заблуждение, поскольку в литературном повествовании время замирает, акт коммуникации нарушается. Автор пытается найти истину, которая проявляется где-то между настоящим и будущим, и, вобрав в себя оба измерения, постоянно путает и переплетает их, точь-в-точь как это происходит в рассказе «Темный Морис».

Необходимо отличать обычное время от субъективного, прожитого, собственного времени, от времени, что меняется в каждом из нас от случая к случаю, со сменной настроенности. Далле Ногаре пытается сказать, что независимо от нас время не существует. Лишь внутреннее время имеет значение. Внешнее время неуловимо, эфемерно, непрочное; оно просто проходит, равномерно утекает. Мы никогда не познаем время, если будем мерить его привычными величинами. Время можно увидеть только глазами его глашатаев: писателей, которые при помощи воображения выдергивают нас из обычного, одинакового для всех хода событий, чтобы перенести во время, которое принадлежит нам одним.

Флавио Эрмини

Biografia

Daniele Dalle Nogare (1989) ha studiato a Venezia, laureandosi in Lingue nel 2014, e ha ottenuto nel 2018 la laurea magistrale in Studi Anglofoni a Parigi con la tesi “The Wandering Julius: the (Quest)ion of Origins in Teju Cole’s *Open City*”. La sua carriera universitaria e lavorativa l’ha portato a vivere gli ultimi sette anni tra Venezia, Parigi, New York e Melbourne. Appassionato lettore, si avvicina alla scrittura fin da giovane, partecipando a qualche concorso (nel 2007 si classifica semi-finalista alla XII edizione del Campiello Giovani). Attualmente è impegnato nell’elaborazione di una silloge poetica sul tema dell’impossibilità. Negli anni parigini scopre Maurice Blanchot, cui *Maurice l’Oscuro* è un omaggio.

Биография

Даниэле Далле Ногаре (1989) в 2014 году окончил факультет иностранных языков Венецианского университета. В 2018 году в Париже получил диплом магистра в области англистики, защитив дипломную работу по роману Теджу Коула «Открытый город». Последние семь лет работал и занимался исследованиями в Венеции, Париже, Нью-Йорке и Мельбурне. Страстный читатель, рано стал сочинять и принимать участие в литературных конкурсах (в 2007 году вышел в полуфинал XII литературной премии «Кампьерло» как молодой автор). В настоящее время составляет антологию поэзии на тему невозможного. В годы учебы в Париже открыл для себя Мориса Бланшо, которому и посвящен рассказ «Темный Морис».

Angelica Damiani

Traduzione in russo di Elena Kožina

Анджелика Дамиани

Перевод на русский язык Елены Кожиной

DENTRO I CORPI DI ANIMI ESTINTI

Dentro i corpi di questi animali il sangue non è mai defluito, il cuore non ha mai pulsato una sola volta. Le ossa non hanno mai sorretto la struttura muscolare. I corpi di questi animali non sono mai esistiti. Ma è carne.

“Come hai detto che ti chiami?” mi domanda Alberto.

Camilla sbuffa e solleva le iridi azzurre. “È la terza volta che glielo chiedi, Albi. Maia. La mia amica si chiama Maia.”

“La tua amica non è una di tante chiacchiere eh?” domanda a Camilla anche se sono a qualche centimetro da lui.

“Preferisco osservare i dipinti alle tue spalle.” Gli rispondo.

Il tizio pelato inarca le sopracciglia depilate: “Ci vuole coraggio a chiamare dipinti quelle robe appese alle pareti.”

Camilla mi dice di lasciarli perdere, le domando chi è il tizio alla mia destra. “È la *new entry* dell’azienda. Si chiama Max, ha ideato l’ultimo *brand* della nuova linea di hamburger.” Con la mano davanti la bocca mi dice: “In ufficio è Max fat. Da quando c’è lui riesco a uscire anche un’ora prima. Dovresti vedere Katia, tutto il giorno a fargli gli occhi dolci ed elemosinare un aiuto.”

Guardo Max che non stacca gli occhi dalla trentina di piatti che ricoprono la tovaglia di lino ecru, i camerieri continuano a portarne altri. Sopra il tavolo aleggia un sapore di carne appena catturata, possiamo cominciare solo una volta che tutti i piatti sono arrivati.

Ci è concesso un liquore trasparente e molto alcolico, lo beviamo da un’ampolla di vetro fine; è un drink amaro, infiamma l’esofago e lascia un gusto dolce in bocca. Esce dal becco di un germano reale che uno dei camerieri ha premura di versare non appena le ampolle sono vuote. Al termine ne arriva un altro con un vassoio appoggiato sul palmo, preleva con la pipetta qualche goccia di olio ambrato e le rilascia nell’ampolla. Il mix dovrebbe stimolare le papille linguali per assaporare meglio i vari tipi di carni.

В ТЕЛАХ УМЕРШИХ ДУШ

По жилам этих животных никогда не текла кровь, в их груди никогда не билось сердце, к костям никогда не крепились мышцы. Их тела никогда не существовали. Но мясо – вот оно.

– Как, ты сказала, тебя зовут? – обращается ко мне Альберто.

Камилла фыркает и закатывает к потолку свои голубые глаза.

– Ты уже в третий раз спрашиваешь, Альби. Майя. Мою подругу зовут Майя.

– Не больно-то она разговорчивая, а? – Вопрос адресован Камилле, хотя я сию почти на-против.

– Мне интересней разглядывать картины у тебя за спиной, – не остаюсь в долгу я.

Какой-то лысый тип изумленно поднимает выщипанные брови:

– Весьма смело – назвать эту мазню на стенах картинами!

Камилла советует не обращать внимания. Я шепотом интересуюсь, кто мой сосед справа.

– Это Макс, наш новичок. Автор последнего бренда в новой линейке гамбургеров.

Прикрыв рот рукой, Камилла добавляет:

– Мы его прозвали Max fat. С тех пор как он у нас работает, я могу уходить на часок пораньше. Видела бы ты, как Катя строит ему глазки и без конца просит, чтобы Макс ей помог! Я поглядываю на Макса, чье внимание полностью занимают яства, расставленные на скатерти из некрашеного льна. Их уже около тридцати, и официанты продолжают приносить новые. В воздухе витает аромат свежайшего, будто только что добытого мяса, но приступить к еде мы сможем, только когда на столе будут все блюда.

Нам подают ликер, прозрачный и очень крепкий. Разлитый в бокалы тонкого стекла, он горчит на языке, обжигает горло и оставляет сладкое послевкусие. Стоит бокалам опустеть, как один из официантов спешит вновь их наполнить; ликер льется из клюва утки. Другой официант подходит к столу с подносом на ладони и пипеткой добавляет в бокалы по несколько капель янтарно-золотистого масла. Говорят, такое сочетание стимулирует вкусовые рецепторы и позволяет лучше распробовать мясные блюда.

Katia, la ragazza di fronte a me, butta giù il drink, le sua labbra laccate di rosso si contorcono in una smorfia. Tra le dita tozze arrotondate ciocche di capelli biondo platino, le unghie blu elettrico emettono un ticchettio e patine di *glitter* scintillano a ogni movimento delle mani. Nel tavolo a fianco tre signore non si guardano negli occhi, scrutano ogni minimo anfratto del locale. Terminano la frase e si bloccano come statue per rianimarsi quando riprendono il discorso.

“Certo che quest’idea della digressione temporale è così retrò. Dobbiamo essere aperti, guardare avanti.”

“Alissa ha ragione. La nuova moda è rintracciare residui primitivi in quello che ci circonda.” Il suono delle parole è attutito dalle spesse tende di velluto che drappeggiano le pareti, rimane nella penombra delle luci soffuse, si infila tra le fessure del parquet, il suono delle parole, in questo posto, è destinato a nutrirsi di ognuno di noi.

Dall’altra parte del tavolo Guia con occhi gelidi passa in rassegna quelli che si raccontano a vicenda i propri sogni. La sua epidermide è simile a una pellicola, rientra tra quelle persone di cui è facile vedere la struttura muscolare e la diramazione delle vene.

Ora è ferma su di me, mi fissa, apro il telefono, gioco con le posate. Alzo lo sguardo e lei è ancora lì che mi fissa.

“Ehi, Guia! Raccontaci l’ultimo sogno che hai fatto” le dice Alberto.

Come la testa di una civetta la testa di Guia gira verso di lui; alle pareti i cani raffigurati con abiti e pose da lord inglesi sembrano direzionare il proprio sguardo verso di lei.

Tra di sé Guia sussurra qualche parola, ne approfitto per domandare a bassa voce a Camilla cosa le sia successo: “Sembra... Imbalsamata.”

“È sempre stata così. Dovresti vederla in ufficio al mattino” mi risponde bisbigliando Camilla. “Ma dopo un po’ non ci fai più caso.”

“Dai non essere timida. È solo un sogno.” Incalza a voce alta il tizio pelato.

Guia si sistema sulla sedia, accarezza con il polpastrello la sottile vena azzurra della tempia e inizia a raccontare. “Sono immersa in un mare ghiacciato poco distante dalla riva.”

“Uuuuh questo già ci piace.” la interrompe il tizio pelato.

Катя, девушка напротив меня, залпом проглатывает ликер, и ее ярко-красные губы складываются в гримасу. Она беспрестанно накручивает на свои короткие, толстые пальцы прядки платиново-белых волос. Ногти другой руки постукивают по краю стола, и глиттер, нанесенный поверх лака электрик блю, при каждом движении вспыхивает искрами.

За соседним столом три дамы разговаривают, глядя куда угодно, только не в глаза друг другу. Закончив фразу, каждая застывает, как статуя, пока не настанет ее черед снова что-то сказать или ответить.

– Все эти оглядки на прошлое не соответствуют духу времени! Мы должны быть открытыми и смотреть только вперед.

– Алисса права. Что за мода – отыскивать в настоящем следы примитивного прошлого!

Плотные бархатные портьеры на стенах приглушают голоса; слова рассеиваются в мягком свете ламп, оседают в щелях паркета; гул разговоров в зале подпитывается нами, каждым из нас.

Несколько человек начинают рассказывать по очереди свои сны. Гуйя, с другого конца стола, наблюдает за ними холодным взглядом. Кожа у нее тонкая, как пленка, и столь прозрачная, что сквозь нее видны мышцы и переплетения вен.

Вдруг ее взгляд останавливается на мне. Я утыкаюсь в телефон, потом начинаю перекладывать туда-сюда ножи и вилки. Поднимаю глаза – Гуйя все еще смотрит на меня.

– Теперь ты, Гуйя. Рассказывай свой последний сон! – требует Альберто.

Гуйя медленно, как сова, поворачивает к нему голову. И мне кажется, будто изображенные на картинах собаки в облике английских лордов тотчас устремляют взгляды в ее сторону.

Гуйя что-то бормочет себе под нос. Я тихонько спрашиваю у Камиллы:

– Что это с ней? Просто мумия какая-то.

– Да она всегда такой была. Ты бы видела ее с утра на работе! Мы-то уже привыкли, не замечаем, – шепчет в ответ Камилла.

– Ладно, хватит стесняться, это же просто сон! – кричит лысый.

Гуйя устраивается поудобней на стуле, массирует пальцем вену на виске и начинает.

– Я в море, плаваю в ледяной воде недалеко от берега.

“La persona insieme a me è impegnata a estrarre qualcosa dal fondo delle acque. Galleggio e osservo gli oggetti dall’abisso risalire in superficie. Più risalgono e più le loro forme si definiscono. Sono blocchi di ghiaccio, grossi blocchi di ghiaccio che ingigantiscono il contenuto. Il primo a risalire in superficie è una bocca. Emergono gli altri, spuntano a pelo dell’acqua come funghi, non ci sono solo bocche, ci sono mani, piedi e gambe. Non siamo più in mezzo al mare ma ci troviamo al centro di un lago. Dalla sponda opposta un uomo agita in aria le braccia facendoci segno di tornare. Alle sue spalle lampade di varie tonalità di rosa e marrone arredano l’esterno del locale.”

Il cameriere arriva nel momento in cui Guia termina il sogno, risucchia il silenzio e restituisce i suoni; adagia tre piatti sul tavolo, sono gli ultimi.

“Questa è un’orgia di cibo.” Alberto inarca le sopracciglia mentre Camilla scatta foto alla tavola e alle carni ancora intatte. Ne immortalava una ventina all’anatra e al fegato, i nuovi prodotti che la Douglas Meat ha messo sul mercato.

Ognuno compone il proprio piatto, prendo l’anatra e alcune parti di vitello bollito.

Ho davanti a me un vassoio rialzato da un cervo di legno con delle polpette incastrate l’una nell’altra, tutte hanno la stessa forma tonda marrone lucido.

In bocca le fibre del muscolo si sciolgono mentre osservo i succhi della carne colare lungo le corna che avvinghiano il vassoio.

Sulle labbra di Katia il rossetto rosso è ancora intatto, a ogni boccone il cibo si deforma per diventare una poltiglia incolore. Sposto lo sguardo ma l’effetto del bolo è ipnotico come una lingua che continua a toccare il dente pulsante fino a quando il dolore è insopportabile.

A nove anni pranzo alla mensa della scuola. File di luci al neon illuminano tavolate di plastica bianca e viscida e tagliano la sala in segmenti. Da grossi contenitori di metallo due signore sistemano il cibo; l’odore di carne bollita e scatoletta per cani sale su per le narici, è martedì, il giorno delle polpette. Nel piatto la carne grigia rilascia un liquido verdognolo, taglio piccoli pezzi che rigiro nel piatto. Gli altri hanno finito, l’insegnante si avvicina al mio posto, mi chiede perché non ho mangiato, non rispondo, afferra la forchetta e me la spinge in bocca. Sono in apnea per non sentire, i nervi scricchiolano sotto i denti, rigiro il cibo tra le fauci.

– Класс, нам уже нравится! – снова встречается лысый.

– Я не одна; человек рядом со мной что-то вытаскивает из глубины. Тени медленно поднимаются к поверхности. Чем они ближе, тем отчетливей их контуры. Я понимаю: это глыбы льда, огромные глыбы льда. В каждую что-то вмерзло, и лед действует как увеличительное стекло. Первым из-под воды показывается рот. Глыбы лезут из волн, как грибы; внутри не только рты, но и руки, ноги, плечи. Мы – я и тот, другой – уже не в море, а посреди озера. С берега нам машет еще кто-то: видимо, хочет, чтобы мыплыли обратно. За спиной у него ресторан, освещенный розовыми и коричневыми фонарями.

Гуйя, завершив рассказ, умолкает. Вошедший официант вбирает в себя образовавшуюся тишину и возвращает на место звуки. Он ставит на стол три блюда – последние.

– Гастрономическая оргия, – комментирует Альберто.

Камилла достает телефон, чтобы сфотографировать накрытый стол с еще не тронутой едой. Она увековечивает около двух десятков блюд – все из утки и печени, недавно выпущенных «Douglas Meat» на рынок.

Каждый кладет себе на тарелку, что хочет. Я беру немного утки и вареной телятины.

Прямо передо мной стоит блюдо на деревянной подставке в виде головы оленя. На нем разложены фрикадельки, совершенно одинаковые: идеально круглые, темно-коричневые, блестящие от соуса.

Мясо тает во рту, распадаясь на волокна. По рогам оленя стекают мясные соки.

Красная помада на губах у Кати пока не размазалась. Она кладет в рот кусок за куском, и постепенно они превращаются в бесцветную кашу. Я стараюсь не смотреть, но вид разжеванной пищи притягивает взгляд: так, бывает, трогаешь и трогаешь языком ноющий зуб, хотя боль от этого только сильнее.

Когда мне было девять, я обедала в школьной столовой. Люминесцентные лампы освещали длинные ряды столиков из белого скользкого пластика. Две женщины накладывали еду из больших металлических баков; запах вареного мяса и собачьих консервов лез в ноздри. По вторникам всегда были фрикадельки. Серые шарики сочились зеленоватой жидкостью, я отрезала от них маленькие кусочки и возила по тарелке. Однажды, когда остальные уже

Strizzo gli occhi e mando giù. Dalla gola un conato rigetta fuori la poltiglia.

I tag delle foto di Camilla illuminano il telefono, sullo schermo la carne dell'anatra, il filtro ne accentua i colori brillanti, i contrasti e le ombre offrendo una composizione lineare e simmetrica.

“Hai provato gli hamburger? Sapevo lo chef era tra i migliori al mondo ma non fino a questo punto” mi dice Camilla.

“Chi è il proprietario del ristorante?” le chiedo mentre le strisce di fegato rilasciano in bocca il sapore amarognolo e ferroso.

“È un nostro cliente. È rimasto molto soddisfatto dell'ultima commessa e ha voluto fossimo suoi ospiti. È stato un pioniere in questo settore, ma dopo il periodo di crisi dell'anno scorso tra manifestazioni di fanatici, divieti e nuove regolamentazioni non è stato facile. Le due più grandi aziende hanno chiuso e noi siamo rimasti in piedi per miracolo.”

Il tipo vicino a Katia continua a tagliuzzare ogni cosa in micro particelle. “Un livello così alto della carne non si era mai raggiunto” dice parlando tra sé.

Lo osservo mentre il cameriere versa il drink dal becco dell'uccello. “Lui è il Dottor Herter, uno dei biochimici” mi dice Camilla. “Di solito se ne sta con i suoi collaboratori, ma questa sera non sono potuti venire. C'è stato un problema in laboratorio.”

“Che genere di problema?”

“Hanno riscontrato delle anomalie nelle cellule staminali che hanno prelevato dall'ultimo animale. Ma non mi chiedere i dettagli perché di queste cose non ci capisco nulla.”

Alberto si riempie la bocca di ogni cosa, afferra con le mani i cubetti di fegato arrostito e li risucchia in un unico gesto, Guia lo fissa e non lui con Camilla che gli dice di venirle vicino, prende il telefono e scatta altre foto. Alberto si mette in posa, l'espressione si deforma in una serie di smorfie, prende il cibo e simula di imboccare il tizio pelato mentre lei continua a scattare.

Sulle labbra di Katia sono rimaste poche tracce di rossetto, ora sono unte, le unghie blu elettrico che prima afferravano con delicatezza l'involucro dei coni ripieni di coniglio e maiale affondano nel ripieno.

встали из-за стола, учительница подошла ко мне и спросила, почему я не ем. Я не ответила. Тогда она схватила вилку и сунула мне в рот фрикадельку. Чтобы не ощущать вкуса, я задержала дыхание, но на зубах скрипели хрящики и еда не лезла в горло. Зажмурившись, я все-таки сглотнула. Пищевод сам собой вытолкнул тошнотворную массу обратно.

Камилла возится с телефоном, ставит теги к снимкам. На экране фотография утиного мяса; специальный фильтр придает ему аппетитный цвет и подчеркивает текстуру. Композиция проста и гармонична.

– Ты гамбургер пробовала? – спрашивает Камила. – Я, конечно, знала, что здешний шеф-повар – один из лучших в мире, но чтоб настолько!..

– А кому принадлежит ресторан? – интересуюсь я, дожевывая ломтик печени. Во рту остается горьковатый металлический вкус.

– Одному из наших клиентов. Он остался очень доволен последним заказом, вот и пригласил нас. Между прочим, он с самого начала работает в этом секторе. Но теперь, после прошлогоднего кризиса, – знаешь, все эти выступления фанатиков, запреты, ограничения – стало намного сложнее. Две самые большие компании закрылись. Мы тоже чудом выстояли. Сосед Кати нарезает еду в своей тарелке на мельчайшие кусочки.

– Такого высокого уровня мясо еще никогда не достигало, – бормочет он себе под нос.

Я наблюдаю за ним, пока официант наливает нам ликер из утиного клюва.

– Это доктор Гертер, один из наших биохимиков, – говорит Камила. – Обычно он не один – с коллегами – но сегодня они не смогли прийти. У них там проблема в лаборатории.

– Какая проблема?

– Что-то со стволовыми клетками, которые брали у последнего животного. Только подробностей не спрашивай, я в этих делах полный ноль!

Альберто набивает рот едой, хватая руками кубики жареной печени и глотает, не жуя. Гуйя не отрываясь смотрит на Альберто, но в это время его подзывает Камила. Она снова берет телефон и начинает фотографировать. Альберто, позировав, строит гримасу за гримасой, потом делает вид, что кормит из рук лысого. Камила все это запечатлевает.

На губах у Кати все меньше красного. Они блестят от жира, а пальцы с покрашенными ног-

Il tizio pelato cerca di dire qualcosa ma la bocca è piena, insieme ai grugniti fuoriescono pezzetti di cibo che zampillano nel piatto di Katia.

Guia passa in rassegna ognuno di noi, la carne nel piatto è intatta, fissa Alberto, il volto rosso, intento ad allentare il nodo della cravatta.

Alberto è immobile, una patina di sudore scintilla sotto il flash del telefono.

L'immobilità di Alberto si tramuta, con la mano si aggrappa alla camicetta di seta azzurra di Camilla: "Dai Albi smettila così mi fai male!" Con gli occhi incollati allo schermo sceglie i filtri per le foto.

"Non respiro." Il volto di Alberto è paralizzato mentre il Dottor Herter addenta delle piccole polpette di pesce.

"Ho bisogno... di aria. Bisog... ria."

Accompagno Camilla in ospedale, mi chiede di parlare con il medico perché lei non ci capisce nulla.

"A una prima diagnosi sembra si tratti di tossine del gruppo F. Potrebbero essere diverse le cause. Come una contaminazione durante la coltivazione delle cellule o forse un problema della cellula stessa dell'animale. A ogni modo, il paziente dovrà rimanere sotto osservazione. Ma è fuori pericolo."

Guardo l'ultimo tag di Camilla, sono le 2.34.

тями, вначале изящно державшие за кончик конвертик со свининой и крольчатинной, давно продавили оболочку и погрузились в начинку.

Лысый хочет что-то сказать, но во рту у него еда, и вместе с хрюканьем вылетают брызги – прямо в тарелку Кати.

Гуйя внимательно разглядывает нас; к мясу она не притрагивалась. Ее глаза останавливаются на Альберто: весь красный, он пытается ослабить туго затянутый галстук.

На мгновение Альберто застывает в неподвижности; пот, выступивший у него на лбу, блестит при каждой вспышке телефона.

Внезапно он вцепляется в голубую шелковую блузку Камиллы.

– Перестань, Альби, мне больно! – Камилла, не отрывая глаз от экрана, выбирает подходящий фильтр для снимков.

– Я... задыхаюсь...

Лицо Альберто будто сковал паралич. Доктор Гертер смакует рыбные тефтели.

– Воздух... Мне нужен воз...

Я еду с Камиллой в больницу и прошу разрешения поговорить с врачом, ведь Камилла во всем этом не разбирается.

– По предварительному диагнозу похоже на токсины группы F. Причины могут быть разные. Может, заражение клеточной культуры, а может, патология самой клетки животного. Как бы то ни было, пациент вне опасности, но должен пока оставаться под наблюдением врачей. Я смотрю последние фото Камиллы. На часах 2.34.

Nota critica

Cosa accade se la tecnoscienza prende il sopravvento sulla natura? Cosa succede se l'essere umano abbandona la propria umanità e porta fino alle sue estreme conseguenze la visione strumentale e utilitaristica che ha degli esseri vegetali e animali? Angelica Damiani ci porta in un mondo in cui il dominio della scienza è assoluto; un mondo in cui la biologia ha distrutto il vivente non umano, tanto da ostacolare il fondamentale rapporto che a esso la legava.

Nei confronti degli animali il rapporto è fondato sul dominio e sulla violenza. La terra e la natura non vengono più viste come potenze generatrici, ma come materia inerte e passiva. Le figure dell'agricoltore e del cuoco stanno scomparendo per lasciare il posto ai biochimici che studiano il *brand* di nuove linee di hamburger e polpette. Nei ristoranti e nelle mense si mangiano cibi che con la natura poco o niente hanno più a che fare; cibi nati in laboratorio, frutto di ricerche chimiche. L'uomo violenta la madre Terra forzandola a generare e in qualche modo s'illude di essere padre di se stesso... È giunto ad assumersi il compito che era di Dio: quello di creare e distruggere le cose, tanto che la tecnica sta paradossalmente diventando l'ultima forma di teologia.

Il mondo è in pericolo, annichilito da un indirizzo tecnologico che non è umano, arrivando a eliminare le forme autentiche con forme arbitrarie e artificiose. Solo se pensiamo alla salvezza di tutti i viventi, non solo dell'uomo, ci sarà la possibilità di un futuro felice per l'umanità. In questa ottica va incoraggiato un disegno etico che denunci questo stato di cose e che nello stesso tempo sappia guardare oltre, cogliendo e sviluppando quella parte "umana" di ricerca scientifica che ha cura degli esseri viventi.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Что происходит, когда наука и высокие технологии берут верх над природой? Что бывает, когда человек, забыв о человечности, доходит до крайностей в своем прагматичном, утилитарном отношении к растениям и животным? Анджелика Дамиани переносит нас в мир, где безраздельно царит наука; мир, в котором биология настолько извратила свое истинное предназначение, что превратилась в инструмент уничтожения разнообразных форм жизни. Отношение к живым существам в этом мире построено на насилии и чувстве превосходства. Природа здесь воспринимается не как производящая сила, а как инертная, пассивная материя. Земледельцы и повара сходят со сцены, уступая место биохимикам, которые создают новые бренды гамбургеров и фрикаделек. Еда в ресторанах и столовых более не связана с природой: она рождается в лаборатории благодаря достижениям химии. Человек эксплуатирует Землю, злоупотребляет ее способностью к плодородию, и в своих иллюзиях доходит до того, что видит себя в некотором роде собственным творцом... Он присваивает себе исконное право Господа – право созидать и разрушать, – а технология парадоксальным образом становится последней ипостасью теологии.

Мир, где основной тенденцией является не гуманизация, а технологизация, цель которой – замена естественных организмов искусственными, находится в явной опасности. Благополучное будущее для человечества возможно лишь при условии, что человек станет заботиться о процветании всех биологических видов, а не только собственного. Поэтому необходимы этические нормы, запрещающие вторжение в естественные процессы и поощряющие развитие науки, основанное на гуманном отношении ко всему живому.

Флавио Эрмини

Biografia

Angelica Damiani è nata ad Alba (Cuneo) e risiede a Torino. A giugno di quest'anno ha conseguito il diploma da reporter presso la Scuola Holden di Torino con un progetto finale inerente tram, città e persone (reportage scritti e fotografie). Il tram, trasformato in salotto urbano itinerante, ha ospitato persone le cui storie sono state riportate attraverso il ritratto. Durante il biennio Holden è stata allieva di Ezio Mauro, il quale ha seguito la realizzazione di progetti individuali e collettivi tra cui *La mezza luna sopra Torino*, reportage uscito a giugno su "Internazionale".

Attualmente frequenta il secondo anno del corso di Culture e letterature del mondo moderno presso la Facoltà di Lettere e filosofia.

Ha contribuito a fondare la rivista letteraria "Neutopia – piano di fuga dalla rete" con cui ha collaborato fino a settembre di quest'anno come editor e curatrice della rubrica reportage e non-fiction Aleph.

Биография

Анджелика Дамиани Родилась в Альбе (Пьемонт), проживает в Турине. В июне 2018 года защитила диплом в туринской Школе Холден по специальности «репортер-журналист». Ее дипломный проект – репортаж с фотоматериалом, посвященный трамваям и их пассажирам: люди, собравшиеся в трамвае, своего рода городской гостиней на колесах, рассказывают истории, на основании которых создается портрет каждого из них. В Школе Холден обучалась у Эцио Мауро, курировавшего ее индивидуальные и совместные проекты, в том числе опубликованный в еженедельнике «Интернационале» репортаж «Полумесяц над Туринем». В настоящее время – студентка второго курса по специальности «современная культура и литература», факультет филологии и философии.

Была в числе создателей литературного журнала «Неоутопия – план побега из Сети». До сентября 2018 года являлась редактором и куратором рубрики «Алеф», посвященной репортажам и нон-фикшн.

Riccardo Marin

Traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Риккардо Марин

Перевод на русский язык Ксении Воробьевой

CASE CHIUSE

Anche se a dieci chilometri dal mare, qui la sabbia è ovunque. In ogni angolo in cui il vento si interrompe ci sono granelli a mucchi, un velo sui marciapiedi. Sabbia senza il mare; è tutta lì la definizione di deserto. Un deserto che come tanti altri non vede vita. Le persone escono solo nelle ore di punta, per andare o tornare dal lavoro. Per tutto il resto del giorno, la città si direbbe vuota.

Edifici gialli con tetti piatti, bassi. Se abitati, hanno le persiane abbassate. Se abbandonati, hanno le assi alle finestre. Strade di scatole alte tre piani che non posso afferrare tra le mani e scuotere, per capire dal rumore cosa contengono, ma solo sbirciare tra le fessure, le crepe, il legno marcito e forellato. Ogni volta che provo a spiare, copro l'unica entrata della luce stessa; le ombre si rinserrano, si fanno dense, e creature si aggirano svelte, muovendo calcinacci. Il regalo rimane all'ombra della sua confezione. Dentro a tutto il quartiere non può esserci nulla, penso, tira aria d'abbandono. Un abbandono che si è portato via tutto. Gli abitanti devono preferire passare il giorno altrove, fuori dalle mura. Sembra proprio che il paese sia un contenitore privo di contenuto. E mi sbaglio.

Ad esempio la casa affianco al parcheggio, quello con davanti la casa diroccata: quella non lo diresti ma è una delle case più ricche della città. Ne ho la chiave tra le mani. È il lasciapassare che ho ottenuto, per alzare il coperchio di una delle centinaia di scatole. Da fuori, un portone da palazzotto qualsiasi, senza indizi. Invece, tra case gialle, basse e piatte, c'è una porticina così accuratamente blindata. A nessuno creerebbe curiosità, e anche fosse stuzzicante, quel qualcuno la troverebbe sigillata.

Il pettine della chiave è complicato: blocchetti di metallo formano una combinazione intricata, in direzioni ortogonali che si dividono e si scambiano. È una chiave pesante, per una serratura che da sbloccare lo è ancora di più. Devo tenere stretta la maniglia con la mano destra per avere la forza di ruotarla, smuovendo un ingranag-

ПОКИНУТЫЕ ДОМА

Отсюда до моря десять километров, но город весь в песке. Ветер гоняет его по тротуарам, собирая горстками по углам. Песок без моря; и в этом все определение пустыни. Пустыни, мимо которой проходит жизнь. Люди появляются только в часы, когда начинается или заканчивается рабочий день. Остаток дня город пустует. Желтые здания с плоскими, низкими крышами. Выходя, жители закрывают ставни. Съезжая, и вовсе заколачивают окна. Улицы в трехэтажных коробках. И эти коробки нельзя взять в руки, потрясти, по звуку угадать их содержимое. Остается только вглядываться сквозь щели, трещины и дыры прогнившей древесины. Но вглядываясь, я заслоняю единственный источник света. Тогда тени сгущаются и, расплываясь по комнате, сбивают со стен облупившуюся штукатурку. Подарок так и остается во мраке своей упаковки. Запустение витает над городом – может быть, здесь ничего уже не осталось? Пустота. Пустыня. Должно быть, жителям приятнее проводить время где-нибудь вне стен домов. Неужели город – просто форма, лишенная содержания? Но это не так.

За разрушенной постройкой у парковки стоит дом: сразу не скажешь, что он один из самых богатых в городе. И у меня ключ от него. Подаренная возможность открыть крышку одной из сотен коробок. Никаких особых примет снаружи – скромная дверь за обыкновенными воротами. Эта аккуратная железная дверца среди желтых домов, низких и плоских, вряд ли вызовет любопытство, да и обрати кто-то на нее внимание, в дверь не так просто войти. Замысловатый ключ с запутанной резьбой на бородке, узор из перпендикулярных линий, которые то отдаляются, то сближаются друг с другом. Только таким массивным ключом и отпирается этот неподатливый замок. Крепко держась за ручку правой рукой, нужно потянуть дверь на себя, с усилием провернуть ключ. Два раза. Услышать, как громыхает механизм. Дверь старая, хорошо видно, как цилиндрические ригели входят в пол и потолок. Запирая за со-

gio rumoroso che scorre. Per due mandate. È una blindata di vecchio modello, con cilindri a vista che entrano nel pavimento e nel soffitto. Mentre la chiudo alle mie spalle ne vedo la meccanica, i tubi di metallo, che mordono il legno scuro.

Nell'atrio di marmo grigio sono depositate tre angurie da un metro, e qualche cassa d'acqua, appena coperte da una pianta di felce. Non ci sono indizi su quando siano state portate lì. Solo – sarà stato il marmo – solo, sembrano essere state lì da sempre. La casa è costituita di tre appartamenti, uno sopra l'altro. Sulle scale, sui pianerotoli intermedi e davanti alle porte lo spazio comune è ridotto al minimo per lasciare spazio ai millesimi di ognuno, e anche quel poco di condiviso è stato riempito da piante verde acceso, con foglie piccole. Salendo i gradini fino al primo piano, vedo davanti alla porta dell'appartamento due statue di ragazze che portano sulle spalle delle damigiane. Ragazze belle, con l'anca in fuori, i capelli raccolti e la nudità lasciata sospesa a una toga. Hanno la dimensione dei nani che vedo nei giardini del mio quartiere. Non so come sia successo, ma da noi a un certo punto abbiamo preferito i nani da giardino alle ragazze con le damigiane. Di una delle due ne incrocio lo sguardo mentre salgo le scale. Sono sudato dal caldo torrido del deserto da cui vengo. Lei invece sorride, senza fatica. Le rughe attorno alla bocca. Il collo un po' piegato. Ci appoggio entrambi gli occhi, su quel collo, e li lascio scivolare al sospiro che le riempie il petto. Penso: i seni. Devono essere i seni che tengono su i vestiti. Chi l'ha scolpita forse, un momento dopo, ha visto l'abito cascarle ai piedi rimanendo nuda, con le mani indaffarate dalla damigiana. Qualcuno l'avrebbe scolpita, rannicchiata per coprirsi, coi cocci ai piedi e l'urletto in gola. L'avesse fatto, ci avesse restituito quel momento, avrebbe scolpito anche il suono della sua voce, anche il rumore del vaso che va in mille pezzi. Anche l'occhio di Dio che sbirciava tra le nubi, Dio che si perdeva a guardare la sua Creazione, e l'amore carnale che la perpetra da millenni. Questi mondi di ragazze, che immobili accarezzano il divino, ormai si trovano solo nelle scatole abbandonate, in deserti lontani, dietro porte blindate coi cilindri a vista e chiavi pesanti. Continueranno a stare lì, tra il marmo, le felci e le angurie. Mentre

бой дверь, я разглядываю устройство замка, гляжу, как металл проникает в дверную коробку, впивается в темное дерево. Холл из серого мрамора – три громадных арбуза, ящики с водой, папоротник, склонившийся над ними. Ни намек на то, когда они сюда попали. Только – должно быть из-за мрамора – кажется, что они всегда были здесь. В доме всего три квартиры, одна над другой. Небольшие лестничные площадки, которые делят соседи, и те заполнены цветами с крохотными ярко-зелеными листьями. На втором этаже перед дверью квартиры две скульптуры – девушки с амфорами на плечах. Прекрасные создания с подобранными волосами, выступающим вперед бедром и скрытым под тогой телом. Они размером с гномов, что стоят в садах по соседству с моим домом. Не знаю как, но в какой-то момент мы предпочли садовых гномиков девам с амфорами. Продолжая потеть от зноя распалившей меня пустыни, я поднимаюсь выше, ловлю взгляд одной из них. Она непринужденно улыбается. Морщинки вокруг губ. Легкий наклон головы. Мой взор скользит по ее шее, следит за дыханием, наполняющим грудь. Грудь. Должно быть, на грудях и держится платье. Возможно, секундой позже скульптор видел, как платье падает к ее ногам. Как она стоит нагая, руки заняты амфорой. Он бы мог воплотить тот момент: крик, срывающийся с губ девушки, ее руки, прикрывающие наготу, и глиняные черепки, лежащие у ее ног. И в воплощенном мгновении звучал бы ее голос, слышался звук разбивающейся на тысячи осколков вазы. И в небесах можно было бы заметить Божье око; увидеть, как упоенно Бог наблюдает за чувственностью, увековеченной в его Творении.

Безмолвно пребывать в божественной неге теперь разве что и дозволено этим каменным девам, смиренно покоящимся среди далеких пустынь в забытых коробках за железными дверьми со старыми замками, подвластными лишь тяжелым ключам. Эти любимицы Бога так и будут стоять там, среди мрамора, папоротников и арбузов. А нам останутся цемент, газоны и садовые гномики.

Третий этаж, нужная дверь. С каждым шагом воздух тяжелеет, и мне с усилием приходится пробираться сквозь вязкую и тягучую субстанцию: еще недавно я скитался

a noi toccherà il cemento, prati all'inglese e nani da giardino.

Arrivando al secondo piano, trovo il mio ingresso. Facendo gli ultimi gradini della rampa la materia si fa pesante, e devo affrontare uno spazio denso, poroso: un attimo prima vagavo al caldo di una città fantasma scrutando tra fessure di case abbandonate; ora mi aggiro tra marmo, angurie e statuette da giardino che stanno su piccoli pianerottoli tra piante e zerbini. Prima sudavo e riempivo attorno a me di goccioline che da sotto la mia pelle si creavano il loro spazio. Ora la mia pelle combatte perché qualcosa non si faccia strada sotto di essa. A volte gli spazi più opprimenti ti sudano addosso.

La porta dell'appartamento ha una bella maniglia tonda, dorata. Il legno è pregevole, di bella fattura. La chiave è leggera, elegante, e gira nella toppa come prolungamento naturale del polso. La densità che mi circonda a ogni giro di chiave si tende, si torce, e aprendo la porta il mio peso lordo la incurva, muovendo la gamba la materia mi fa resistenza, l'aria, una folata di stantio, è tutto contro il mio corpo, il mio moto, e forse riesce anche a sostenere la mia gamba nel vuoto. Poi, appena superato l'ingresso, si strappa tutto, e come un palloncino che scoppia, tutta quella tensione rimane solo in lembi colorati sparpagliati per la stanza.

Sono passati dieci anni. Per dieci anni quella casa è rimasta chiusa. I mobili di legno pesante, il tappeto, i piccoli animali di vetro, i quadretti 20x20, le foto di alcune bambine, poi ragazze, un uomo. Sono su tutti i muri. Sono su tutti i muri e sorridono, sorridono da sempre, sorridono senza stancarsene. L'odore, poi. L'odore di chiuso, l'odore di penombra e finestre ermetiche dietro a persiane. L'odore non se ne andrà mai dalle mie narici. L'aria, per dieci anni, spostata solo dalla termodinamica del giorno e della notte. Il sole di tremilaseicentocinquanta giorni, pressappoco, che ha scaldato e mosso miriadi di ettometri cubi d'aria. Tremilaseicentocinquanta giorni di puro sali e scendi, di correnti: questo è solo questo, mandato a velocità supersonica nella videocassetta della mia mente, riassume gli avvenimenti di quel luogo.

La casa è enorme. I mobili, il tappeto, le cornici: tutto sembra avere più valore di

по городу–призраку, вглядываясь в щели заброшенных домов; теперь вокруг меня мрамор, скульптуры, папоротники, арбузы и лестничная площадка – растения да коврики. Совсем недавно испарина проступала на моей коже, капли пота создавали свое пространство. Теперь моя кожа сопротивляется, не хочет пускать никого внутрь. Порой печальное пространство пытается проникнуть, пропотеть в тебя. Дверь из ценной древесины хорошей выделки. Круглая, элегантная, позолоченная ручка. Ключ с легкостью прокручивается в замочной скважине, словно продолжение моей кисти.

С каждым поворотом ключа воздух становится все более осязаем. Словно препятствуя моему проникновению, воздушная масса сгущается, отвердевает, давит. Мое тело вынуждено подстраиваться под её силуэты, принимать её очертания. Атмосфера сгущается и противится моим шагам – еще шаг вперед, и, кажется, моя нога подвиснет, удерживаемая спертой тягучей материей. Но стоит переступить порог, как атмосфера разряжается. Всё разлетается по стенам комнаты цветными лоскутками лопнувшего надувного шарика.

Десять лет. Десять лет как жители покинули этот дом. Массивная мебель, ковер, стеклянные статуэтки. Фотографии девочек, девушек, мужчин. Они везде, по всем стенам, и улыбаются с них давно и без усталости. Запах спертого воздуха в полутьме ставен за плотно закрытыми окнами. Я никогда не забуду запах помещения, где воздух десять лет подчинялся только естественному закону термодинамики, где триста шестьдесят пять раз, сменяя дни и ночи, солнце разогревало и приводило в движение мириады воздушных кубов. Триста шестьдесят пять дней циркулирующих воздушных потоков проносятся в моей голове кинолентой, пущенной на сверхзвуковой скорости, и восстанавливают историю этого места.

Кажется, что во всей этой огромной квартире – в ее мебели, ковре, рамках – гораздо больше смысла, чем во всем моем жилище. Семья, жившая здесь, уехала в Мексику и оставила все вещи в надежде однажды продать их вместе с квартирой. Кровати до сих пор заправлены. Каково это убирать дом, зная, что навсегда покидаешь его?

quanto posso mai sperare di avere per le mie stanze. La famiglia che ci viveva si è trasferita in Messico e ha lasciato tutto, pensando un giorno di vendere in blocco. Ci sono ancora i letti fatti. Cosa può voler dire fare le ultime pulizie di una casa che sai che lascerai per sempre? Come funzionano queste cose? Quanto ordine ti imponi? Quali conti era necessario far quadrare, e quali lasciare in sospeso? Il frigo, la televisione ancora a tubo catodico col decoder esterno, il microonde, la lavastoviglie, le pale sopra il tavolo della cucina: tutto funzionante. C'è l'elettricità. Perché mantenerla, per tutto questo tempo? Ci sono otto locali, e la sala da sola è più grande dell'appartamento in cui vivo.

A volte penso a come sarebbe vivere dieci anni chiuso in un appartamento. Il tempo scorrerebbe meno rapidamente, diventando più denso e colandomi addosso, avvolgendomi. Passerebbe e perderei il conto dei giorni. Poi ogni tanto, passandomi un indice sulla pelle, potrei vedere quanta secrezione ha lasciato il tempo, quanto è viscoso, e provare a indovinare le stagioni trascorse. Sarebbe un altro modo di vivere questo tempo, invece di come mi sciacqua addosso ogni giorno, scorrendo limpido, senza davvero lasciarmi niente.

Forse è così che Dio ha vissuto in eterno, dimenticandosi del tempo che scorreva, andando a vivere in un appartamento di marmo, angurie, belle statue di ragazze. Lasciandoci a sudare in questa sabbia senza mare. A fare l'amore con le ragazze che lui ha solo di pietra, davanti alla porta. Forse è per questo che ci sbircia dalle nubi.

Как это происходит? Как ты наводишь порядок? Что нужно сделать обязательно, а на что можно закрыть глаза? Холодильник, телевизор, кабель, тянущийся к антенне, микроволновка, посудомоечная машина, половники над кухонной столешницей: все в рабочем состоянии. Подключено электричество. К чему оно здесь? В восьми комнатах, где одна только гостиная больше квартиры, в которой я живу.

Иногда я думаю, каково бы было прожить, закрывшись в квартире лет на десять. Время бы замедлило свой ход, обрело содержание и форму, обволокло бы меня смыслами. И я бы потерял счет проходящим дням. Время проявилось бы налетом патины на моей коже. И, проводя по ней указательным пальцем, я бы мог ощутить вязкость времени, угадать смену времён года. Я бы окунулся в иное его течение, которое бы не смывало с меня прожитый день, оставляя в кристальной чистоте и пустоте. Быть может так и пребывает Бог в вечности, забывая о ходе времени, живя в доме среди мрамора, арбузов и прекрасных женских скульптур. А сам подглядывает с небес, как мы потеем в обезвоженной пустыне и занимаемся любовью с женщинами, которые у него есть только в камне, неподалеку от входной двери.

Nota critica

Riccardo Marin ci parla di un'abitazione che non è più uno spazio fruibile dall'uomo. Ci parla di una casa che rappresenta unicamente un monito, un messaggio carico di significati culturali. Non più un'architettura, ma neanche una "forma". Ci troviamo di fronte a un'esigenza di alterità rispetto al mondo, un'alterità che giunge a coinvolgere persino il divino.

Il racconto *Case chiuse* ci segnala che l'architettura ha più a che fare con il pensiero e con l'attività intellettuale dell'uomo che con la quotidianità. Ecco perché per Marin la casa in cui entra il protagonista è un vero e proprio pretesto per riflessioni più ampie.

La forma abitativa non viene lasciata sola con lo spazio che occupa, creandolo con la sua stessa visibilità. Erompe dal deserto, come la luce scaturisce dall'oscurità; nel suo spazio assegna alle singole cose la presenza: le statue di ragazze che portano sulle spalle delle damigiane, una porta blindata di vecchio modello, alcune foto di bambine, una lavastoviglie funzionante.

Un ordine casuale abbraccia il venir fuori delle cose dalle tenebre. Noi abbiamo a che fare con il mondo senza che ci sia data la possibilità di afferrarlo. Noi stessi siamo "cose" in mezzo a un deserto di cose e siamo assaliti dall'impossibilità di dare un significato a questa situazione. Tale impossibilità comporta uno stordimento caratterizzato dal fatto di rappresentare la dimensione in cui l'"esterno" (il deserto) e l'"interno" (l'appartamento disabitato) si congiungono e in tal modo vengono vissuti simultaneamente dal soggetto. La sede del divino forse è proprio lì, suggerisce Marin, lì, dove mondo esteriore e interiore si toccano, si compenetrano.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Риккардо Марин рассказывает нам о доме, где больше не живут. О доме, превратившемся в предупреждение, в наполненное культурными смыслами послание. Не об архитектуром сооружении и не о чистой форме. О доме, отражающем потребность отыскать иное пространство – то, чего нет в окружающем мире, то, где даже божественное начало проявляется иначе.

Рассказ «Покинутые дома» доказывает, что архитектура связана не столько с повседневной жизнью человека, сколько с интеллектуальной, мыслительной сферой. Поэтому для автора рассказа, дом, куда попадает главный герой, становится поводом для глубоких размышлений.

Жилое пространство не просто принимает данную ему форму, но и создает в ней собственный мир. Оно пробивается из пустыни, как свет пробивается из тьмы, в таком пространстве каждая вещь обретает смысл: скульптуры девушек с амфорами на плечах, старая железная дверь, фотографии девочек, работающая посудомоечная машина. Предметы хаотично возникают из мрака. Мы живем в мире, который невозможно постичь. Мы сами – «предметы» в пустыне вещей, загнанные в угол невозможностью объяснить происходящее. Эта невозможность подводит нас к ошеломляющему открытию: «внешнее» (пустыня) и «внутреннее» (покинутая жильцами квартира) пространства сливаются, герой одновременно живет в них обоих. Марин словно хочет сказать: божественное находится как раз там, где соприкасаются и взаимодействуют внешний и внутренний миры.

Флавио Эрмини

Biografia

Riccardo Marin (Verona, 1991) si appassiona alla scrittura già dalle medie, attraverso un blog che ha curato per oltre dieci anni. Mentre inizia gli studi per la laurea in Informatica pubblica il romanzo *Non più soli nel buio* (edizioni La Riflessione) e si dedica al teatro, riuscendo anche a portare in scena alcuni suoi testi. Negli anni frequenta diversi corsi di scrittura creativa (tenuti da Ivano Porpora e Susanna Bissoli al Teatro Stabile di Verona) e si classifica secondo al concorso per racconti brevi OltreDieci (Studio Editoriale Oltrepagina). Suoi racconti sono anche pubblicati da diverse riviste on-line.

Биография

Риккардо Марин (Верона, 1991) начал писать еще в средней школе, более десяти лет вел интернет-блог. Во время учебы в университете по специальности «информатика» опубликовал роман «Больше не одиноки в темноте» (издательство «Ла Рифлессьоне»). Тогда же увлекся театром, некоторые из его пьес были поставлены на сцене. Обучался на курсах литературного мастерства у Ивана Порпоры, Сюзанны Биссоли и при веронском Театро Стабиле. На конкурсе короткого рассказа «ОльтреДьечи» (организованном Студии Эдиториале Ольтрепаджина) Риккардо Марин занял второе место. Многие его рассказы опубликованы в сетевых журналах.

Paolo Steffan

Traduzione in russo di Svetlana Malinina

Паоло Стеффан

Перевод на русский язык Светланы Малининой

FIABA

Un grande pino italico, vecchio più di te che sfiori il secolo, è padrone del giardino. Lo guardo dal terrazzo. Ha chioma spettinata, come te adagiato da ore sul cuscino, qualche ramo moncato è come i tuoi polpastrelli persi sul lavoro davanti al forno caldo. Sull'erba del prato da poco rifatto, restano per qualche minuto i segni del deambulatore di una vecchia donna accompagnata dal marito, lenti passi per prendere i primi raggi del sole di maggio, che filtrano sottili tra le tante nuvole basse, fino a sfiorare verso il Piave le cime dei colli blu-verde e, sul fondo, oscurare le sagome incerte delle montagne.

La tua stanza è in penombra. Per donarti un po' di luce scosto la tenda in un sibilo di anelli che scorrono sul bastone che li porta. Qualche bambino del vicino asilo strilla di una gioia pomeridiana. Ti guardo, il volto quasi immoto è tirato e magro, ma sempre bello. Hai labbra sottili che sbuffano, in un sonno stranamente calmo anche se superficiale, come un velo del quale qualche mia parola, o carezza, non ti riesce a svestire.

Sei anima e corpo, calati nella quiete di un momento: con il dito indice della tua destra posato verticalmente al mento, come in un inconsapevole gesto che chieda silenzio, a me e al mondo intorno. Tu, che sei l'ultimo (l'unico?) che ho sentito, ormai in un altro tempo, associare a quel gesto la dolcezza di un "Muci!", che nel nostro dialetto vuol dire "Fa' silenzio!", ma con la grazia con cui ti rivolgevi a me bambino, nelle mie ingenue celie da poco. E quel "Muci!" era un gioco, un sorriso di un silenzio quasi chiacchierato. Quel "Muci!" non l'ho più sentito, in questo mondo rumoroso che se n'è dimenticato, per non farsi contraddire in sé stesso. Resta il tuo indice a ricordarlo, come per la grazia dormiente di un momento, dentro un tempo che non è più tuo ma sospensione, infinito.

Ora, con la mano sinistra attivi un moto, nel sonno, come uno sforzo dettato dal sogno. In

СКАЗКА

В саду растет вековой кедр – хозяин этого сада, он гораздо старше тебя. Я смотрю на него с террасы: крона растрепана, как твоя шевелюра после долгого сна, нескольких ветвей не хватает, а у тебя стерлись подушечки пальцев из-за работы у горячей печи. На недавно подстриженной лужайке едва видны следы ходунков старушки, которую сопровождает муж. Они медленно прогуливаются под первыми лучами майского солнца. Небо затянуто тучами до сине-зеленых холмов у реки Пьяве, за ней смутно виднеются горы.

В твоей комнате темно, и, чтобы впустить немного света, я отдергиваю шторы; кольца с шорохом скользят по карнизу. Какой-то ребенок из детского сада по соседству кричит в полуденном восторге. Я смотрю на тебя: почти неподвижное, изможденное и осунувшееся, но все равно красивое лицо, тонкие губы. Ты шумно дышишь, твой сон необычно спокоен, и, хотя он неглубок, кажется, что ни прикосновением, ни словом мне не удастся разбудить тебя.

Всем своим видом ты призываешь к спокойствию: указательный палец правой руки прижат к подбородку, словно, сам того не осознавая, этим жестом ты просишь меня и окружающий мир соблюдать тишину. Ты последний (единственный?), кто в моем теперь уже далеком детстве, когда я заигрывался, прижимал палец к подбородку и говорил «Мисі!», что на нашем диалекте означает «Тихо!». Ты обращался ко мне так ласково, что это казалось частью игры, казалось, мне улыбается сама тишина. Я больше не слышал этого слова в сегодняшнем шумном мире. Только твой жест напоминает о прошлом, куда уже не вернуться.

Не просыпаясь, ты шевелишь левой рукой, словно что-то делаешь во сне. Из-за того,

queste profondità nuove in cui sei disceso, sento tra noi un isolamento mai stato. Ma non è colpa solo della vecchiezza del tuo corpo stanco, dei nervi anarchici che hanno il predominio sul senso; è complice il mio essere adulto, sì, tu l'hai capito per primo: non ero più il tuo bambino, e tu hai dato ad ogni mia età la dignità che si doveva, senza illusioni ma con immutato affetto. Eppure mi sopraffà il ricordo di quando questo stato ipnotico in cui ti vedo, ti sento calato, era condiviso da me fanciullino. Allora, la notte del sabato tu eri fiaba; esiliavo la nonna dal vostro lettone con sopra l'altorilievo della Sacra Famiglia: per dormire con te la sera che preludeva alla festa, e ricominciavo con lo stesso rituale giocoso ogni volta:

- Nonno, mi racconti di quella notte che hai fatto l'incidente in bicicletta?
- Ancora? Ma se te l'ho raccontata anche sabato scorso!
- Ma a me piace tanto, voglio sentirla anche stavolta!
- Va ben, anche se ormai potresti raccontartela direttamente tu!

Ma non sarebbe stata la stessa cosa, e ogni volta era un entusiasmo nuovo, mentre al lume fioco di un vecchio abat-jour mi stringevo al tuo cuscino, alla tua robusta magrezza, per ascoltarti.

E quando la storia giungeva al suo acme, ti interrompevo per conoscere qualche particolare in più, o correggere un punto nel quale, sbadato, avessi omissso un dettaglio che, nel mio piccolo cuore palpitante di gioia, non andava ignorato. E che risate, quando arrivavi alla fine con un colpo di scena, con un *fulmen in clausola*, termine tecnico che mi avrebbe rivelato, chissà quando, studiare una chiusa di Catullo: con la goliardia di un finale perfettamente orchestrato!

Non so ancora oggi se quell'aneddoto mille volte narrato, mille altre riso, se quel volto narrativo dell'amore cristiano che ci ha sempre uniti fosse un fatto realmente accaduto o solo

что ты сейчас такой, я, как никогда, ощущаю пропасть между нами. Дело не только в твоём старом уставшем теле, и не в том, что теперь нервы управляют тобой, а не ты ими; я вырос – и стало сложнее. Ты первый понял это и смирился: для тебя я больше не был ребенком, и ты относился ко мне с уважением и неизменной любовью в любом возрасте. Я помню, как в детстве мы проводили вечера в такой же дремоте, в какой ты сейчас пребываешь. По субботам ты становился моим сказочным героем. Я выгонял бабушку из вашей большой кровати, над которой висел горельеф Святого семейства, и каждый раз все начиналось с обычного ритуала перед сном:

- Дедушка, расскажешь мне о том случае, с велосипедом?
- Опять? Я же тебе рассказывал в прошлую субботу!
- Но мне так нравится, хочу послушать еще раз!
- Ну ладно, хотя ты уже и сам можешь про это рассказать!

Но это не было бы тем же самым, и каждый раз история воспринималась с прежним восторгом, а свет лампы со старым абажуром убаюкивал меня и манил прилечь на твою подушку, манил прильнуть к тебе, и слушать.

Когда история достигала кульминации, я прерывал тебя, чтобы узнать какую-нибудь подробность или поправить, если по рассеянности ты упустил деталь, важную для моего маленького, трепетавшего от восторга сердца. А как мы смеялись в конце, когда ты доходил до неожиданной развязки, до «fulmen in clausola» – этот термин я выучил когда-то, читая Катулла: лихо закрученный финал!

Нас всегда объединяла эта история о христианской любви: мы смеялись и пересказывали ее сотню раз. Я и сегодня не уверен, была ли она правдивой или только правдоподобной, но знаю точно, что в этих сказках ты был для меня неуклюжим Дон Кихотом на велосипеде или неудачливым рыбаком в воскресенье. Литературу я начал изучать не

verosimile. Certo è che in quelle favolette che ti vedevano eroe sgangherato, don Chisciotte della bicicletta o, altre volte, eroe domenicale di una sventurata pesca, ho conosciuto la letteratura, quella che non abbisogna del libro stampato, ma di voce e vita: perché, nel mio sabato sera, tu eri Omero, ma chi fosse Omero l'avrei scoperto anni dopo, sui banchi del ginnasio, sui quali avrei iniziato a darti le soddisfazioni che cercavi, come a colmare il vuoto di conoscenze o, meglio, di titoli di studio che l'orfanità e il fascismo, la miseria e il lager ti avevano lasciato. Mi accorgo, guardandoti, che non ti sei perso poi molto, tu che la vita l'hai vissuta così a fondo da trasmettere altra vita a un altro, anche adesso che sei debole e vecchio, perché, se osservo la vita che mi insegna a vivere fino all'ultimo fiato, sento uno slancio nuovo nel compiere ogni atto. Nessuno è felice quanto me di averti, della felicità che mi ha dato ogni atto condiviso: ogni nostro riso, ogni dolore che sfumava nella scia di vapore domenicale della polenta gialla, così grande e bella, che con un grosso bastone di legno mescolavi sulla stufa. Solo tu avevi allora l'ingrediente segreto, quella goccia di latte al momento giusto della cottura, come goccia di vita sopra il calore di un fuoco che ciocco a ciocco manteneva la fiamma miracolosamente equilibrata. In quel *logos* ardente che mi ha scandito l'infanzia ogni filosofia era fatta, ogni schiocco della legna abbozzava soluzioni a una domanda ultima.

Ora, nel tuo stare come di brace che si spegne, schiaccio un tasto e ti alzo un poco lo schienale; provo a svegliarti, per darti da bere un liquido addensato che aiuta a sopperire alla tua inappetenza, che cronicamente hai sempre avuto, ma che oggi ha un significato nuovo. – Nonno! Nonno?... Forza, bevi un poco, tira su da questa cannuccia.

Apri una feritoia tra le labbra e abbozzi uno sforzo; dopo qualche altro incitamento, vedo risalire dalla piega trasparente della cannuccia qualche goccia, sfidare affannosa la gravità cui il fiato dovrebbe sottrarla. Deglutisci qualcosa, ma subito tossisci come per un rifiuto biologico, inconscio. E dormi di nuovo: l'indice che fa "Muci!", fiammella di vita prima alzata, ora si abbassa. La nostra fiaba, la racconta il silenzio.

по книгам, а слушая твои истории из жизни: по субботам ты был Гомером, а кто такой настоящий Гомер, я узнал гораздо позже, на школьной скамье. Я радовал тебя успехами в учебе, а ты жадно впитывал рассказы о них, как хотел бы впитать и сами знания, получить которые тебе помешали сиротство и фашизм, нищета и концлагерь. Глядя на тебя, я думал, что ты почти ничего не потерял; ты прожил настолько полную жизнь, что легко делился с ней другими. И хотя сейчас ты стар и слаб, ты остаешься примером для меня: ты научил меня бороться до последнего вздоха, стремиться довести любое дело до конца. Я счастлив, что у меня есть ты, счастлив, что мы были вместе в радости и в горе. Любая беда рассеивалась как пар над желтой полентой, которую ты готовил по воскресеньям, помешивая ее толстой деревянной лопаткой. Только тебе был известен секретный ингредиент – капля молока, которую ты добавлял в нужный момент. Словно сама жизнь, она растворялась в горячей кастрюле, а ты подкладывал в печь полено за поленом, помогая пламени гореть удивительно ровно. В треске огня я искал и находил ответы на вечные вопросы, слово и пламя сливались воедино, освещая мое детство, заменяя уроки философии.

Сейчас ты похож на мерцающий уголек. Я нажимаю кнопку и немного поднимаю спинку кровати, пытаюсь разбудить тебя и дать выпить густой жидкости, которая поможет восстановить силы: у тебя всегда был плохой аппетит, но теперь для этого есть новая причина.

– Дедушка! Дедушка? Ну же, попей немного, возьми соломинку.

Губы едва разжимаются, и ты с трудом глотаешь. Я снова подбадриваю тебя, вижу, как по прозрачному сгибу трубочки поднимаются несколько капель, ты борешься с тяжелой отдышкой. Ты делаешь глоток, но сразу же начинаешь кашлять, будто подавился, будто в рот ничего не лезет. И снова засыпаешь: указательный палец, которым ты призывал меня к молчанию, как искра, прилетевшая из далекого прошлого, неподвижно замирает. Нашу сказку расскажет нам тишина.

Nota critica

La presente epoca è contrassegnata dal dominio assoluto della tecnologia sulla natura, la quale è stata degradata a materia sfruttabile e manipolabile. L'essere umano non è più parte di un sistema armonico, ma si aggira ormai su una terra arida e desolata. Eppure talvolta emerge la necessità di un recupero della relazione estetica con il mondo circostante, per la costruzione di una nuova consonanza in grado di rasserenare la vita degli uomini. È ciò che accade in questo racconto, *Fiaba*.

Paolo Steffan, l'autore, ci parla di un anziano, giunto ormai alla fine della sua vita, e del giovane nipote. Tra loro c'è la magia di un dolcissimo presente che si rivela come il frutto di un lungo rapporto fondato sull'affetto. Tra presente e passato, elementi naturali fanno da collante: il grande pino italico nel giardino, la luce che entra dalla finestra, le nuvole basse, i colli blu-verde. E sono questi stessi elementi che sollecitano teneri ricordi, tra i quali una fiaba tante volte narrata dal nonno.

In periodi di crisi come quello attuale, la coscienza è costretta a guardare alle proprie radici, verso stratificazioni originarie, per poter trovare fonti di sopravvivenza e spunti per una rinascita, per un nuovo inizio. Esattamente come intuisce il giovane uomo nel racconto, quando, volgendosi all'amato nonno, osserva: «Sei anima e corpo, calati nella quiete di un momento». Una "quiete" che richiede silenzio, così come suggerisce il nonno con un semplice gesto, segnalando che vivere in sintonia con la natura, seguendo il fascino del ricordo significa vivere al fianco della bellezza, significa rovesciare l'isolamento e la fragilità esistenziale, per abbandonarsi alle sensazioni che una fiaba tante volte raccontata – ma ogni volta nuova – può evocare.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

В наше время технологии ставят выше природы, которую, как считается, можно подчинить себе, бессовестно эксплуатировать. Человек перестал быть частью слаженного мира, он живет на засушливой и опустошенной земле. Необходимо восстановить эстетическую связь с окружающим миром, выстроить с природой новые гармоничные отношения, которые вернут людям покой. Именно это происходит в рассказе под названием «Сказка».

Его автор, Паоло Стеффан, показывает пожилого человека в конце жизненного пути и его юного внука. Их отношения сегодня – волшебство, основанное на многолетней взаимной любви. Образ природы в рассказе связывает прошлое с настоящим: вековой кедр, растущий в саду, свет, льющийся из окна, низкие тучи, сине-зеленые холмы. Все это вызывает нежные воспоминания, в том числе о сказке, которую много раз рассказывал дедушка.

В переломные моменты человек черпает силы из своего прошлого, из взрастившей его почвы, чтобы преодолеть трудности и начать новую жизнь. Именно так и поступает главный герой, вспоминая, каким он видел своего любимого дедушку: «Всем своим видом ты призываешь к спокойствию». Простым жестом дедушка показывает, что тишина требует умиротворенности: нужно жить в гармонии с природой и дорожить воспоминаниями – научиться видеть красоту, положить конец людской разобщенности и одиночеству, верить, что многократно рассказанная и всякий раз звучащая по-новому сказка может напомнить об этом.

Флавио Эрмини

Biografia

Paolo Steffan è nato a Conegliano Veneto (Treviso) il 15 dicembre 1988. Laureato in Filologia e letteratura italiana all'Università di Venezia, attualmente insegna in un liceo. È autore di due monografie, su Andrea Zanzotto (Aracne, 2012) e su Luciano Cecchinell (Arcipelago itaca, 2016). Con Giuliano Galletti ha curato il volume *Sebastiano Barozzi e la sua Cronaca del Popolo* (San Fior, 2016); dopo numerosi riconoscimenti come poeta, ha pubblicato la raccolta *In deserto* (Arcipelago itaca, 2018) e attende alla pubblicazione della silloge *Frantumi nel XIV Quaderno di poesia italiana contemporanea* (Marcos y Marcos, 2019).

Биография

Паоло Стеффан родился в Конельяно 15 декабря 1988 года. Окончил Венецианский университет по специальности «итальянская филология и литература», в настоящее время преподаёт в лицее. Автор монографий, посвящённых Андреа Дзандзотто («Аракне», 2012) и Лучано Чеккинелю («Арkipелаго итака», 2016). Вместе с Джулиано Галлетти подготовил к печати книгу «Себастьяно Бароцци и его “Хроника нации”» («Сан Фьор», 2016). Получил ряд премий как поэт, опубликовал сборник «В пустыне» («Арkipелаго итака», 2018). В «XIV Тетради современной итальянской поэзии» («Маркос и Маркос», 2019) выходит подборка его стихов под названием «Осколки».

Lorenzo Vargas

Traduzione in russo di Margarita Kuz'mičëva

Лоренцо Варгас

Перевод на русский язык Маргариты Кузьмичевой

OTTONE SULL'AUTOBUS

Il microclima dell'autobus era una parentesi equatoriale nel fresco novembre di città. Il veicolo caricava allo spasmo impiegati in viaggio verso il centro, nervosi e sudaticci nei cappotti soffocanti. Ottone faceva spesso quel viaggio sulla strada per l'ufficio, il lavoro noioso, il valzer di timbrature rossicce su documenti del tutto ininfluenti. Le porte automatiche gli si chiusero alle spalle e il corpo sgraziato venne spinto contro uno studente dalla postura scontrosa, avvoluppato a una delle barre di sicurezza. Si scambiarono un'occhiata di puro fatalismo. Il prezzo della civiltà. Nelle ampie tasche dell'impermeabile, strinse le mani e le rilasciò, a ritmo del respiro. Il mignolo destro scricchiolò leggermente, un difetto articolare che sentiva peggiorare con l'età.

Estrasse gli strumenti del mestiere e si lasciò andare alla madida marea dell'autobus. A ogni impercettibile frusciare di vesti e gemito svogliato dei suoi compagni di viaggio, sottraeva piccoli oggetti con movenze liquide e li lasciava cadere nelle tasche dell'impermeabile.

Ottone era un uomo preciso e delicato, con mani da orologiaio e l'aspetto di un goblin. Quindici anni prima una voce monocorde lo aveva chiamato per dare responso a un annuncio di lavoro. Avevano concordato orari, onorario e l'appuntamento del giorno dopo in un ufficio a tiro di bus. Non incontrò la voce e mai ne avvertì la necessità. L'ufficio grigetto e begiolino raccoglieva una decina di colletti bianchi, che trasmigravano convettivi tra scrivanie, boccioni dell'acqua e grossi schedari smaltati di istruzioni iniziatiche per riti amministrativi. Si agganciò al binario e gattonò lento tra i documenti per un paio di settimane, fino a comprenderne il significato. L'iter dell'azienda richiedeva ansioso una firma per ogni minimo passaggio e lentamente il bisogno di inserire pedissequamente ogni cosa nella propria cella dedicata corrose qualcosa tra le sinapsi di Ottone. Alla ricezione del primo stipendio, Ottone risalì sull'autobus, tenendo ben salda in tasca la busta paga. Sembrava pesare più del dovuto. Lasciò vagare gli occhi per il ventre stantio dell'autobus. Il sole batteva sui finestrini di plexiglas stimolando le ghiandole sudoripare dei pendolari. Nel veicolo non c'era nulla di bello. Tutto sembrava dello stesso colore del suo ufficio, filtrato dagli androni a

АВТОБУС ОТТОНЕ

В холодном ноябрьском городе автобус был островком тропического тепла. Он проглатывал нервных и потных, закутанных в душные пальто людей, едущих на работу в центр.

Оттоне часто добирался на автобусе до офиса, где его ждала скучная работа и стук рыжеватых печатей в ритме вальса по тоннам бессмысленных бумаг. Автоматические двери закрылись у Оттоне за спиной, и он неуклюже навалился на угрюмого вида студента, зацепившегося за поручень. Они обменялись полными безысходности взглядами. Вот она, цена цивилизации. В широких карманах дождевика Оттоне сжимал и разжимал кулаки — в такт собственному дыханию. Правый мизинец легонько хрустнул: с возрастом суставы становились всё хуже. Высвободив из карманов свои рабочие инструменты, Оттоне запустил их в потную толпу. Под каждый незаметный шорох одежды и покашливание пассажиров он юркими движениями вытаскивал у них вещички и ронял их в карманы дождевика.

Оттоне был человеком уверенным и аккуратным, с ловкими руками часовщика и внешностью гоблина. Пятнадцать лет назад ему позвонили и монотонным голосом пригласили на работу. Они обсудили график, зарплату и назначили на следующий день встречу в офисе, до которого удобно было добираться автобусом. Но с обладателем голоса Оттоне так и не встретился — особо и не нужно было.

Серовато-бежевое офисное здание кишело «белыми воротничками», которые циркулировали между столами, кулерами и битком набитыми стеллажами, покрытыми инструкциями к различным административным ритуалам. Недели две Оттоне медленно копался в документах, пока не понял, в чем смысл. Для продвижения процессов в компании требовалось расписаться под каждым малейшим шагом. Необходимость вводить все в отдельные специальные ячейки потихоньку разъедала мозг.

Оттоне получил свою первую зарплату и, крепко держа в кармане конверт с деньгами, вошел в автобус. Конверт казался тяжелым. Оттоне пробежался глазами по затхлому нутру автобуса.

infettare tutto il mondo. Fu allora che notò la ragazzina stazionata che strusciava i viaggiatori portandone un pezzo con sé. Con la manina appiccicosa asportava rigorosamente oggetti di valore. Ne analizzò il sussultare degli occhi, un sistema di puntamento apparentemente distratto. La sottrazione di un elemento che dovrebbe rimanere dov'è. La cosa al posto sbagliato.

Quando trotterellò nella sua direzione, Ottone avvertì qualcosa muoverglisi nello stomaco. Come fosse la sua chiamata, agitò noncurante la mano destra al suo passaggio e si trovò nel palmo, senza alcuna resistenza, un piccolo portafogli rosa. La ragazzina proseguì senza accorgersi di nulla, ignara della concorrenza.

Fissò ipnotizzato il portafogli. Gli apparve molto brutto, sbagliato nelle sue mani nodose. Le sporse in avanti, come a mostrare le stimmate, e l'oggettino rosa scivolò frusciando nella tasca di un altro pendolare. Il tremore allo stomaco tornò più forte, rifluendo verso il basso ventre.

Alla prima fermata fuggì, col mondo che gli pareva più intenso. Tornò a casa a piedi. La ragazzina non l'avrebbe più rivista.

La terza parte era quella che preferiva. Dopo aver rastrellato indisturbato mezzo autobus, lasciava che la marea di carne lo trascinasse dove più preferiva, redistribuendo il maltolto tra i capispalla imbottiti. Dalla sua prima volta s'era fatto sempre più destro, non lo avevano mai beccato. E anche se lo avessero accusato di qualcosa?

Avrebbero frugato l'impermeabile crema mentre sorrideva accomodante, con manate appena più forti del dovuto, e non avrebbero trovato nulla: il prezioso pendente sarebbe già stato nella fodera di qualcun altro. I sensi di Ottone nel rimestare dell'autobus si amplificavano tanto da fargli avvertire la carezza equatoriale delle gocce di sudore che gli imperlavano la fronte, puntuali alla terza fermata. Per la quinta, la redistribuzione era conclusa ed era tempo di stimolare i sottili filamenti della ragnatela che li connetteva tutti.

Ogni giorno sceglieva una fermata tra la settima e la quindicesima e dava una lieve spinta a chi lo circondava. Nulla più di un sussulto, ma abbastanza per riscuotere chi lo circondava. La spinta riverberò a due teste di distanza e si innescarono le percussioni. Un tizio stanco con le occhiaie si batté istintivamente la mano sul petto, dove sapeva aver lasciato il portafogli.

Солнце пробивалось сквозь оргстекло окон, заставляя пассажиров потеть еще сильнее. В автобусе было совсем не красиво. Казалось, он был того же цвета, что и офис, будто серость и беж просочились из его вестибюлей и решили заразить собой весь мир.

Тогда он и заметил неопрятную девчушку, которая терлась о пассажиров и уносила с собой их частичку. Девушка казалась рассеянной, но действовала удивительно точно. Она проходилась по пассажирам беглым взглядом, а затем липкой ладошкой выуживала из их карманов исключительно ценные вещи, забирая то, что должно было оставаться на своем месте. Перемещая в другое место.

Когда девушка двинулась в сторону Оттоне, он почувствовал, как что-то зашевелилось в животе. Что-то заставило его правую руку вытянуться вперед, и без всяких сложностей в его ладони оказался небольшой розовый кошелек. Девчонка прошла мимо него, ничего не заметив, она даже не подозревала о возможной конкуренции.

Оттоне как загипнотизированный смотрел на кошелек. Он показался ему каким-то уродливым, ошибочно лежащим в его узловатой руке. Поэтому рука снова потянулась вперед — и бумажник упал в карман другого пассажира. Дрожь в кишках усилилась, отдаваясь в низу живота.

На следующей же остановке Оттоне сошел с автобуса. Мир вокруг казался ему ярче, чем обычно. Домой он вернулся пешком. Ту девушку он больше не видел.

Третий этап был его любимым. После того, как Оттоне методично прочесывал пол-автобуса, он поддавался движению толпы, тем временем перераспределяя краденое по карманам дурых курток. За все время его еще ни разу не поймали, он всегда все делал четко. Да даже если бы его в чем-то и обвинили?..

Они бы порылись в карманах его кремового дождевика, а он бы только любезно улыбался — ощупывая его грубее, чем положено, они бы ничего не нашли: пропавший драгоценный кулон был бы под подкладкой уже у другого пассажира. Чувства Оттоне в суматохе автобуса усиливались, высыпаясь на лоб жаркими прикосновениями капель пота, — точно к третьей остановке. К пятой остановке стихийное перераспределение завершалось и тонкие нити паутины, связывающие всех случайных попутчиков, расправлялись.

Lo sapeva anche Ottone, mentre assaporava gli occhi di lui dilatarsi nel panico improvviso. L'agitazione del primo spingeva a una sottile paranoia il secondo e poi il terzo e il quarto, in un breve stamburare ovattato dai piumini. Gli stadi del lutto illuminarono come luci stroboscopiche i volti sbattuti dei pendolari. Le pupille iniziavano a sondare i presenti, in cerca di volti elusivi. Nel giro di due fermate, di solito, Ottone aveva raggiunto il proprio posto di lavoro. Scendeva sereno mentre i primi passeggeri si lamentavano di essere stati derubati; mentre il sospetto si rivoltava all'esterno e fungeva da vettore per le accuse. Di solito il bus non proseguiva per più di qualche metro. L'autista era costretto a fermarsi e lasciar defluire i passeggeri, troppo intenti ad accusarsi a vicenda. A trovare confusi oggetti altrui in tasca propria. Appioppare colpe in assenza di una spiegazione sensata. Ottone se ne andava con un ghigno soddisfatto sulla faccia da goblin, la pelvi in subbuglio, a timbrare documenti di cui non interessava nulla a nessuno.

Non c'è fluidità nella comprensione di come invecchiamo. Un giorno ci si sveglia e si nota una manciata di quanti di distanza in meno. In quegli anni, Ottone aveva ancorato la propria vita alle danze sguscianti dell'autobus; sessanta minuti, cinque volte alla settimana che ricodificavano il significato del resto, rendendolo sopportabile. Il ticchettio dell'orologio aveva il volto dell'incipiente artrite al mignolo. Se mai si fosse estesa al resto della mano, se gli avesse reso impossibile respirare la propria ora d'aria, era convinto sarebbe tornato ogni giorno al lavoro, a passo sempre più lento, fino a fermarsi del tutto, il guscio vuoto, morto di noia in un mondo dove tutto è al suo posto. Evase le pratiche con robotica infallibilità, immaginando di accoltellarle ogni volta che abbattava il timbro di vidimazione. Se si fosse addormentato, al risveglio avrebbe trovato la pila dei documenti processata dall'inerzia della memoria muscolare. Si scollò dalla sedia imbottita che esalava dieci anni di culi arresi e fluttuò verso la chiave di volta delle sue giornate. Salutò meccanicamente i colleghi, che ricambiarono con un automatismo, appena coscienti. Il freddo abbraccio dell'esterno lo abbandonò sul varco delle porte automatiche. Ottone si scaldò le mani nelle tasche e si abbandonò alla corrente. Tasche, fagotti e borse. Il rimestare del ventre che lo accompagnava nei volteggi si spostò sui precordi. Era tutto vuoto. Trovò giusto un paio di

Каждый день Оттоне выбирал остановку между седьмой и пятнадцатой и легонько дергал за ниточки окружающих. Слабого трепета паутины достаточно было, чтобы разбудить пассажиров. Одно прикосновение к нити порождало толчки на другом ее конце. Уставший человек с мешками под глазами начинал машинально похлопывать себя по грудному карману. Он точно знал, что там лежал кошелек. Об этом знал и Оттоне — он с наслаждением наблюдал за тем, как глаза пассажира панически округляются.

Волнение одного вызвало слабую паранойю у второго, третьего, четвертого, все принимались похлопывать себя по карманам. Бесцветные лица пассажиров начинали выражать разной степени удрученность. Их глаза бегали по салону, сканируя окружающих: вдруг кто-нибудь отведет взгляд или поведет себя подозрительно. Как правило, к этому моменту Оттоне оставалось всего две остановки до офиса.

Он спокойно выходил из автобуса под жалобы пассажиров на то, что их обворовали. Подозрение вырывалось наружу и, как стрелка компаса, вертелось в поисках виновного. Обычно в такой обстановке автобус не проезжал и нескольких метров. Водитель вынужден был остановиться, чтобы выпустить пассажиров, слишком настойчиво валивших вину друг на друга. Как еще разумно объяснить то, что в твоём кармане вдруг обнаружилась чужая пропажа?

А Оттоне с довольной ухмылкой на своем гоблинском лице и дрожью внизу живота уходил и дальше штамповать никому не интересные бумажки.

Трудно заметить, как ты стареешь. Однажды ты просыпаешься и понимаешь, что у тебя почти не осталось времени. И Оттоне посвятил отпущенное ему время проказам в автобусе. Эти шестьдесят минут пять раз в неделю придавали смысл его существованию, делали его жизнь терпимой. Его часы не тикали, а хрустели, как больные суставы. Оттоне был уверен: если когда-нибудь артрит обездвижит все пальцы и отберет у него единственное развлечение, от него останется одна пустая оболочка, и однажды он пойдет на работу пешком, все медленнее и медленнее, пока совсем не остановится и не умрет — от скуки, в мире, где все на своих местах.

Оттоне работал как машина, расправлялся с кипами бумаг, беспощадно вдавливая в них печать. Усни он, по пробуждении он обнаружил бы гору документов, которые руки проштамповали сами

scontrini e delle cuffiette smangiate dall'incuria. Il panico cominciò a corroderlo, il sudore lo raggiunse prematuro.

Lo notò quasi immediatamente.

Dinoccolato e rigido a poche teste di distanza, la felpa scura con la grafica di una famosa pop star. Ne riconobbe la deriva e lo scattare degli occhi. La refurtiva nelle tasche del ladro. Le cose al proprio posto. Sentì improvvisamente il peso della gravità, l'irruzione degli orrendi colori dell'ufficio nel suo giardino segreto. Il ramificarsi degli esiti si faceva improvvisamente noioso e ordinato. Il borseggiatore viene scoperto e arrestato, la giustizia trionfa. Il ladro va via senza essere scoperto, proprio come previsto.

Avvertì i denti che digrignavano, l'addensarsi di una caligine nel campo visivo. Il tempo si era di colpo aggiornato senza la necessità di un mignolo artritico. La fine, l'inerzia rapace nel mezzo di una strada trafficata, il rumore di clacson suonati inutilmente, sterzate tardive e un unico colpo di cui si sarebbe accorto chiunque tranne la vittima. Strinse i pugni nei tasconi sgombri dell'impermeabile e si risolse a un'ultima, disperata difesa.

Si lasciò traghettare verso l'invasore e con pochi gesti ben piazzati iniziò a prelevarne il bottino. Come un'ape, attingeva ai vestiti e portava con sé polline prezioso che frusciava nelle tasche nella noncuranza generale. L'avversario non si accorse di nulla. Era chiaro che i borseggiatori dei mezzi pubblici non concepissero la nozione di concorrenza.

Nella tasca posteriore rimaneva l'ultimo ninnolo: un anellone di peltro che sottolineava l'inesperienza del ladro. Insinuò la mano da aracnide e spostò sapientemente le dita per simulare i normali impatti dell'ora di punta. Afferrò l'anello e iniziò a estrarlo quando l'orologio del tempo fece un altro brusco passo in avanti. Il mignolo artritico si impuntò su tendini consumati e scattò quel tanto che bastava per palesare la presenza di Ottone.

Il borseggiatore in nero si voltò verso di lui, dilatato in uno spasmo di sorpresa, e Ottone, apparentemente senza motivo, gli sorrise.

Perché aveva capito. Non era un ladro, solo il tramite di grossolane schegge di disordine, in attesa di essere riesumate da ere geologiche di rigore artificiale.

Non avrebbe permesso che qualcuno entrasse nel suo giardino, respirasse la sua aria, godesse dei

в силу многолетней привычки. В конце рабочего дня он оторвался от мягкого стула, повидавшего не один десяток печальных задниц, и, механически попрощавшись с коллегами, которые так же механически ему ответили, устремился к краеугольному камню своего существования — на автобусную остановку.

За автоматическими дверями уже не было того уличного холода. Оттоне отогрел руки и взялся за свое. Карманы, пакеты, сумки... Привычная дрожь в животе, сопровождавшая его проделки, переместилась в сердце — везде было пусто. Он нашел только пару чеков и потрепанные наушники. Оттоне запаниковал, лоб его резко покрылся испариной.

Вот он.

Он стоял в нескольких шагах от Оттоне, одетый в черную толстовку с принтом знаменитой поп-звезды. Оттоне узнал его по повадке, по движению глаз. Вор с карманами, набитыми краденым. Но ворованные вещи в руках вора — все равно что на своем месте. Это чувство придавило Оттоне к земле, отвратительные офисные цвета пробрались в его тайный сад, и зеленые лабиринты превратились в нудные прямые коридоры. Карманника раскроют и арестуют, справедливость восторжествует — скучно; или он уйдет незамеченным, как и планировал, — тоже скучно.

Оттоне заскрежетал зубами, перед глазами стоял туман. Время словно остановилось, пораженные артритом пальцы не двигались. Вот и конец, все замерли посреди забитого шоссе и тщетно надрывавшихся клаксонов. Теперь – охота, рывок хищника и удар, который жертва даже не заметит. Сжав кулаки в пустых карманах, Оттоне решился на последний, отчаянный шаг.

Он переместился ближе к захватчику и отточенными движениями начал отвоевывать добычу, собирая к себе в карманы чужие вещи, как пчела пыльцу. Никто ничего не замечал, соперник ни о чем не догадывался. Такое ощущение, будто карманникам не знакомо понятие конкуренции. В заднем кармане вора лежало колечко из дешевого металла, выдававшее его неопытность. Оттоне вытянул свою паучью лапу и незаметно, в такт покачиваниям автобуса, примостился к карману. Он схватил кольцо и уже было начал вытаскивать его, но старость сыграла с ним злую шутку: больной мизинец непроизвольно дернулся и резко выпрямился, выдав его с потрохами. Карманник в черном обернулся к нему с вытянувшимся от удивления лицом, а Оттоне возьми и улыбнись ему.

frammenti variopinti che si agitano tra le cose che succedono perché non dovrebbero. Con un gesto sapiente pizzicò la ragnatela e le percussioni ebbero inizio. L'invasore sudava vistosamente, confuso e terrorizzato da un comportamento che non sapeva spiegarsi. Gli occhi dell'accusa rastrellarono lo spazio angusto e ogni volta che occhi allarmati incrociavano lo sguardo di Ottone, lui faceva di tutto per apparire il più colpevole possibile.

Un autobus fu fermato.

Vennero puntate delle dita.

Un borseggiatore si dissolse nel traffico cittadino col respiro pesante e la bocca riarsa.

Intorno a un brutto impiegato, una cinquantina di pendolari urlavano e lo stazionavano.

Ottone sorrideva, mentre avvertiva i suoi movimenti rallentare.

Tutto sommato, aveva ricevuto più di quanto avesse desiderato.

Потому что он все понял. Он был не вором, а орудием гигантского беспорядка, который предстояло возродить в геологическую эпоху искусственно установленного порядка. Нет, он никому бы не позволил вторгнуться в свой секретный сад, дышать его воздухом, наслаждаться калейдоскопом событий, которых не должно было случиться.

Умелым движением Оттоне потянул за ниточки, и паутина задрожала. Захватчик заметно вспотел и тяжело задышал, растерянный и испуганный таким необъяснимым поведением. Взгляды обворованных пассажиров уже рыскали по тесному салону автобуса, и каждый раз, как чьи-то беспокойные глаза останавливались на Оттоне, он изо всех сил старался казаться виновным.

Автобус остановился.

Все показали на него.

Карманник, у которого от волнения пересохло во рту, растворился в городской суете.

Вокруг какого-то некрасивого гражданина уже толпилось около полусотни пассажиров. Все кричали и толкали его.

Оттоне улыбнулся, чувствуя, как замедляются его движения.

В общем, он получил больше того, о чем мечтал.

Nota critica

Ottone, il protagonista di questo racconto, non è un borseggiatore. Non lo è nel senso proprio del termine. Sugli autobus di linea tra la settima e la quindicesima fermata sottrae ai passeggeri i loro effetti personali, sì, ma non li trattiene; li abbandona in altre tasche, in altri fagotti, in altre borse. Perché lo fa? Forse, suggerisce Lorenzo Vargas, per inserire ogni cosa nella propria cella, riordinando così il caos che ci circonda. O forse, al contrario, per favorirlo il caos, giungendo a sottrarre elementi che dovrebbero rimanere dove sono.

Spostando le cose da una persona all'altra, il protagonista del racconto pone una questione fondamentale: qual è il posto "giusto" delle cose? Succede in questo racconto come nelle fiabe. In una fiaba tutto è misterioso e incoerente. Tutte le cose sono mescolate in modo magico, proprio come in questo racconto, dove c'è qualcosa di molto segreto. Accade come se le cose in sé, le cose con cui ci intratteniamo quotidianamente, fossero rappresentazioni, fantasmi di cose.

Allo stesso modo, con il suo gesto di sottrazione, Ottone lascia affiorare l'aspetto normalmente disatteso della interconnessione con il mondo della vita. Le cose più semplici e comuni spesso celano in sé l'inaspettato. E proprio perché semplici e comuni si presentano come tutte ripiegate in sé, irrisolte e irrisolvibili. Ottone sembra che si voglia assumere il compito di svelare proprio quell'"inaspettato". E lo fa attraverso un pensare incamminato verso un continuo sottrarsi. In tale gioco di rimandi il pensiero interrogante si spinge a farci considerare che la verità delle cose non è nelle cose stesse, né tanto meno nelle cose come appaiono alla nostra immediata sensibilità, bensì soltanto nelle narrazioni che su di esse costruiamo.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Оттоне, главный герой рассказа, – не просто карманник. Не в общепринятом смысле слова. Он ездит на автобусе и между седьмой и пятнадцатой остановками вытаскивает у пассажиров их личные вещи, но не оставляет себе, а перекладывает в другие карманы, пакеты, сумки. Зачем? Возможно, как подсказывает читателю Лоренцо Варгас, чтобы разложить вещи по отведенным им ячейкам, наводя свой порядок в окружающем хаосе. Или наоборот, создавая хаос, перекладывая вещи туда, где им быть не положено.

Тем самым герой ставит фундаментальный вопрос: где же «правильное» место вещи? В этом рассказе все происходит, как в сказке – загадочно и нелогично, волшебным и странно. Как в сказке, все перепутано, все всем ощущается тайна. Автор словно хочет сказать, что вещи как таковые – те вещи, с которыми мы ежедневно имеем дело, – всего лишь представления, призраки вещей.

В то же время, перемещая вещи, Оттоне указывает на то, о чем мы обычно забываем: в жизни все взаимосвязано. Самые простые и обыденные предметы нередко таят в себе нечто неожиданное. Повсюду загадки, которые невозможно разгадать. Оттоне берет на себя смелость отыскать к ним ключ: он заставляет нас задуматься о том, что суть вещей — ни в них самих, ни тем более в нашем восприятии этих вещей, а в историях, которые мы про них рассказываем.

Флавио Эрмини

Biografia

Lorenzo Vargas è stato fatto nascere a Roma (1991) perché non avesse sulla carta d'identità “Nato a Napoli”, e di questa cosa si vergogna un po'. È laureato a malincuore in Giurisprudenza. Durante gli studi ha pubblicato due romanzi: *Pierre non Esiste* (Bompiani, 2015) e *Una Più del Diavolo* (Las Vegas, 2017). Ha diretto per tutto il 2016 una rivista di narrativa e fumetti chiamata “Il Bradipo” e sostanzialmente questo è quanto.

Биография

Лоренцо Варгас произвели на свет в Риме в 1991 году, чтобы в документах не было написано «родился в Неаполе» (и этого факта он немного стыдится). Он неохотно учился на юриста. Во время учебы опубликовал два романа: «Пьера не существует» («Бомпьяни», 2015) и «Хитрее дьявола» («Лас Вегас», 2017). На протяжении 2016 года руководил литературным и комикс-журналом «Иль Брадипо» («Ленивец») — и это, в сущности, всё.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
GIOVANI TRADUTTORI RUSSI

Елена Кожина	Elena Kožina
Маргарита Кузьмичева	Margarita Kuz'mičëva
Станислав Лихоузов	Stanislav Lichouzov
Светлана Малинина	Svetlana Malinina
Ксения Воробьева	Ksenija Vorob'ëva

Елена Кожина родилась в г. Смоленск, окончила Смоленский государственный университет. Профессиональная деятельность связана с преподаванием иностранных языков. Автор ряда научных статей, редактор филологических журналов «Scripta Manent» и «Риторика в свете современной лингвистики». Лауреат и победитель различных конкурсов перевода, в том числе Конкурса начинающих переводчиков ИРЛИ РАН (2009, 2010, 2011), Eurasian Open (2015), INALCO Russe Open (2016, 2018) и Конкурса молодых переводчиков художественной литературы «1917–2017».

Elena Kožina è nata a Smolensk e si è laureata all'Università Statale di Smolensk. La sua attività professionale concerne l'insegnamento delle lingue straniere. È autrice di una serie di articoli scientifici, redattrice delle riviste filologiche “Scripta Manent” e “Ritorika v svete sovremennoj lingvisti-ki” [La retorica alla luce della linguistica contemporanea]. Premiata e vincitrice in diversi concorsi di traduzione, tra cui il Concorso dei traduttori principianti IRLI RAN [Istituto di Letteratura Russa dell'Accademia Russa delle Scienze] (2009, 2010, 2011), Eurasian Open (2015), INALCO Russe Open (2016, 2018) e il Concorso dei giovani traduttori di letteratura “1917-2017”.

Маргарита Кузьмичева родилась в г. Красногорск. Публиковала стихи и прозу в альманахе «Лирика юной души» (2008, 2012, 2013, 2015). Училась в языковых школах Ирландии, Великобритании, Канады, проходила стажировку в Турине. Окончила Литературный институт, во время учебы работала корректором для русско-китайского юридического сообщества.

Margarita Kuz'mičëva è nata a Krasnogorsk. Ha pubblicato versi e prose nell'almanacco "Lirika junoj duši" [Lirica dell'anima giovane] (2008, 2012, 2013, 2015). Ha studiato in scuole di lingue in Irlanda, Gran Bretagna, Canada; è stata stagista a Torino. È diplomata all'Istituto di Letteratura; durante gli anni di studio ha lavorato come editor presso la Società giuridica russo-cinese.

Станислав Лихоузов родился в г. Тимашевск, владеет английским и итальянским языками. Стажировался в Университете для иностранцев в Перудже. Работает переводчиком–фрилансером, женат, играет в футбол.

Stanislav Lichouзов è nato a Timaševsk. Conosce la lingua inglese e la lingua italiana. È stato stagista presso l'Università per stranieri di Perugia. Lavora come traduttore *free-lance*; è sposato; gioca a calcio.

Светлана Малинина родилась и живет в Москве. Помимо итальянского изучала английский, французский, арабский языки. Увлекается верховой ездой, призер многих соревнований. В 2018 г. окончила Литературный институт, стажировалась в Италии. Финалист премии «Радуга» (2017). Ее переводы публиковались в альманахе премии «Радуга» (2017), журналах «Вестник Европы» (2018) и «Иностранная литература» (2018).

Svetlana Malinina è nata e vive a Mosca. Oltre all'italiano ha studiato l'inglese, il francese e l'arabo. Si diletta di equitazione ed è stata premiata in molte gare. Nel 2018 ha terminato l'Istituto di Letteratura ed è stata stagista in Italia. Finalista del Premio Raduga (2017). Le sue traduzioni sono state pubblicate nell'*Almanacco letterario* del Premio Raduga (2017), nelle riviste "Vestnik Evropy" [Messaggero d'Europa] (2018) e "Inostrannaja Literatura" [Letteratura straniera] (2018).

Ксения Воробьева родилась в Москве. Студентка Литературного института им. Горького (семинар А. А. Михайлова). Работала в школе при консульстве Италии, сотрудничала с театром «Пикколо ди Милано», БДТ, театром МеркадANTE (Неаполь), театром им. Моссовета и фестивалем «Спасская башня». Автор статей для журнала «Italia. Made in Italy». Финалист премии «Радуга» (2016, 2017). Работает в «Фонде Андрея Кончаловского по поддержке кино и сценических искусств».

Ksenija Vorob'ëva è nata a Mosca. Studentessa all'Istituto di Letteratura Gor'kij (seminario di A.A. Michajlov). Ha lavorato nella scuola presso il Consolato italiano; ha collaborato con il Piccolo Teatro di Milano, il BDT [Grande Teatro Drammatico], il Teatro Mercadante (Napoli), il Teatro Mossovet e il Festival "Spasskaja bašnja". Autrice di articoli per la rivista "Italia. Made in Italy". Finalista del Premio Raduga (2016, 2017). Lavora presso la Fondazione Andrej Končalovskij per il sostegno del cinema e delle arti sceniche.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Дмитрий Босяченко	Dmitrij Bosjačenko
Буллат Ханов	Bulat Chanov
Андрей Игнатьев	Andrej Ignat'ev
Анастасия Терентьева	Anastasija Terent'eva
Галина Узрютова	Galina Uzrjutova

Дмитрий Босяченко

Перевод на итальянский язык Эмануэле Бери

Dmitrij Bosjačenko

Traduzione in italiano di Emanuele Bero

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

– На дворе лето, а ты опять вся в черном.

Встретились в ветхозаветном кафе напротив Казанского.

– Черное стройнит.

– Не выдумывай, ты не особо поправилась.

– Поправилась.

– Ладно. Что сказали-то?

– Все нормально.

Подкрался официант. Неулыбчивый. Кафе старое, выдавшее всяких.

– Определились?

– Нет.

– Да. Кофе.

– С молоком или...

– Просто черный кофе.

– А мне тогда молочный коктейль и тирамису. И панна котту, пожалуйста!

Остались вдвоем.

– Ты ешь слишком много сладкого.

– Пытаюсь наесться наперед, пока можно.

– Так не бывает. Нельзя наперед жизнь подсластить.

– Зануда!

Помолчали. Заказ принесли скоро.

Он уставился в кружку, словно гадалка.

Она смотрела в окно.

– Станный все-таки храм. Как будто не русский – ни куполов тебе, ни крестов, а все равно чем-то веет от него, правда?

– Знаешь, и все же не лучшие сейчас времена.

ORIGLIARE

«Siamo in estate e ti sei di nuovo vestita di nero».

Si erano incontrati in un caffè preistorico di fronte alla cattedrale di Kazan'.

«Il nero sfina».

«Non dire cavolate, non hai mica messo su tanti chili».

«Sì invece».

«E va bene. Che t'hanno detto?».

«Tutto a posto».

Il cameriere si avvicinò senza far rumore. Neanche un sorriso. Quel caffè era vecchio, ne aveva viste di cotte e di crude.

«Avete deciso?».

«No».

«Sì. Un caffè».

«Macchiato o...».

«No, normale».

«Per me un frappè invece, e un tiramisù. E una panna cotta, per favore!».

Rimasero soli.

«Mangi troppi dolci».

«Cerco di rimpinzarmi prima che sia l'ora».

«Non funziona così. La vita, mica puoi addolcirla prima che sia l'ora».

«Che lagna!».

Silenzio. L'ordinazione arrivò in fretta.

Lui fissò la tazza come un veggente.

Lei guardava fuori dalla finestra.

«Comunque, è strana come cattedrale. Non sembra russa, niente cupole, niente croci, eppure emana qualcosa, vero?».

– Притом веет чем-то даже пугающим... Может, это от его величия? Рядом чувствуешь себя таким маленьким, незначительным. И беззащитным еще.

– Зря мы с тобой в это ввязались, зря.

– А внутри там такое ощущение, будто тебя кто-то слушает, да? Нужно нам будет в церковь сходить накануне.

– У меня ощущение, что ты совершенно не слушаешь меня! Нужно было на ранних сроках решиться все же...

Она отставила десерт.

– Опять?

– Да, опять!

– Ничего уже не изменить. Поздно.

– Я в курсе, что поздно. Но куда от мыслей-то деться? Ты просто не знаешь, что такое несчастливое детство. Ты в достатке росла, а я всякого повидал.

– Не бывает несчастливого детства.

– Еще как бывает!

Одним глотком он опустошил полчашки. Сморщился от горечи и кипятка.

– Мне нужно встать на ноги и чтоб без твоих родителей. Укрепиться и все такое, как ты не понимаешь? В стране бардак, опять же! А мы... О чем мы только думали? Ведь была возможность. Жили нормально, а что теперь? Станем несчастны, и он будет несчастный. В мире просто прибавится трое несчастных людей! И ради чего?

– Лучше бы его не было?

– Да, лучше бы его не было!

– Так нельзя говорить. Он все уже слышит.

– Ой, вот только давай без этого! Без этой твоей метафизики.

– Не хочу тебя слушать.

Она закрыла уши ладонями.

– Прекрати! Ну что ты как маленькая?

– Ла-ла-ла.

«Non è un bel periodo ora, lo sai».
«In più emana un nonsoché di inquietante... Magari perché è così imponente? In confronto ti senti così piccolo, insignificante. E persino inerme».

«A vuoto ci siamo imbarcati in questa storia, a vuoto».
«E là dentro hai quasi la sensazione che ti ascoltino, eh? Dobbiamo andare in chiesa il giorno prima».
«Io invece ho la sensazione che tu non mi ascolti proprio! Dovevamo deciderci ai primi mesi...».
Lei mollò il dessert.
«Di nuovo?».
«Sì, di nuovo!».
«Ormai non cambia niente. È tardi».
«Lo so bene che è tardi. Ma come faccio a non pensarci? È che proprio tu non hai idea di cos'è un'infanzia infelice. Tu sei cresciuta nel benessere, mentre io ne ho passate di tutti i colori».
«Non esiste un'infanzia infelice».
«Eccome se esiste!».
In un sorso lui si scolò mezza tazza. Corrugò il viso perché il caffè era amaro e bollente.
«Devo rimettermi in piedi, e senza l'aiuto dei tuoi genitori. Riprendere le forze e il resto, come fai a non capirlo? Nel paese è tutto un casino, per l'ennesima volta! E noi... A che pensavamo noi? Eppure un'opportunità l'abbiamo avuta. Stavamo bene, e adesso? Saremo infelici noi e anche lui. Saremo solo tre infelici in più nel mondo. E a che pro?».
«Preferiresti che lui non ci fosse?».
«Sì, decisamente!».
«Non dire così. Sente già tutto».
«Eh, allora smettila! Smettila con la tua metafisica!».
«Non ho voglia di starti a sentire».
Lei si tappò le orecchie con le mani.
«Piantala! Perché fai la bambina?».

– Хватит, говорю тебе! От собственных мыслей укрываешься.

– А-а-а!

– Ну и черт с тобой!

Он нервно закинул ногу на ногу. Случайно поддал коленом столик, и остатки кофе густо плюхнулись ему на светлые брюки.

– Проклятье!

Мальчик умер в родах. Обвился пуповиной. Повесился будто. Так изредка еще случается. Когда реанимировали, суета стояла страшная, и никто никому ничего не объяснял. Было не до того. Взялись скоро, но не помогло.

Он, присутствовавший на родах, ходил за акушеркой хвостом и молчал. Молчали все. С родильного стола лишь слышалось слабое: «Что там? Ну что там? Почему он не кричит? Чего вы все молчите?», – спрашивала она, хотя поняла все сразу, как только забытые легкость и пустота грузно вернулись в нутро. Умолкла. Заскулила.

Принесли обратно из реанимационной запеленованного. Так положено – нужно спросить у матери, не желает ли она взглянуть на ребенка. Желает. Без вариантов. Фиолетово-синий, одутловатый – он был словно кукла. Как в фильме. Совсем ненастоящий. Вместо крика – бессильный шепот, похожий на заговор. Поцеловала. На прощание. Только встретились, увиделись только, и вот уже... Навсегда.

А он не стал даже смотреть. Отвернулся, закрыл глаза и решил ничего не понимать.

Акушерка попросила обратно, отнесла тельце на пеленальный столик. Обмерила, посмотрела на часы, что-то отметила в тетради, переложила его на каталку, прикрыла белой простынкой и куда-то увезла. Жалкий, безмолвный сверток.

«Ничего, милая, ничего. Такое бывает. Ты еще молодая», – вторая акушерка гладила ее по щеке, сделала укол. В ответ ни звука.

Он подошел к ней. Она не желала на него смотреть.

«Laaa-laaa-laaa».
«T'ho detto basta! Tu scappi dai tuoi pensieri».
«Aaah-aaah-aaah».
«Va' a quel paese, allora!».

In uno scatto d'ira lui accavallò le gambe. Per sbaglio diede una ginocchiata contro il tavolino e il caffè rimasto gli finì tutto sui pantaloni chiari.
«Porca miseria!».

Il bambino morì durante il parto. Strozzato dal cordone. Come impiccato. Ogni tanto capita ancora. Mentre lo rianimavano, c'era un gran trambusto e nessuno spiegava niente a nessuno. Non c'era tempo. Si diedero subito da fare, ma non servì.

Lui, che al parto c'era, seguiva l'ostetrica come un'ombra, zitto. Tutti erano zitti. Dal tavolo operatorio si sentiva a malapena un debole: «Che c'è? Allora che c'è? Perché non piange? Che avete da starvene lì zitti?» chiedeva lei, anche se aveva capito tutto non appena quel senso di vuoto e leggerezza, ormai dimenticato, le era ritornato prepotente nella pancia. Si zittì. Guai.

Lo riportarono dalla rianimazione in fasce. È la prassi chiedere alla madre se vuole vedere il figlio. Sì che vuole. Assolutamente. Blu-violaceo, un po' gonfio – sembrava un bambolotto. Come in un film. Proprio finto.

Anziché un urlo, un lieve sussurro, simile a una formula magica. Gli diede un bacio. D'addio. Si erano appena incontrati, appena visti ed era già... Per sempre.

Lui invece nemmeno lo guardò. Si voltò, chiuse gli occhi e decise di estraniarsi.

L'ostetrica lo rivolse indietro, adagiò il corpicino sul fasciatoio. Lo misurò, guardò l'ora, annotò chissà cosa su un quaderno, lo spostò su una barella, lo coprì con un lenzuolino bianco e se lo portò chissà dove. Un fagotto striminzito, muto.

Отвернулась. Нет – выкрутилась так, чтоб и краем глаза не видеть его, зажмурилась. Следом за ребенком увезли и ее из родильной.

В палате остались только он и врач. Вся в белом, в медицинской маске и шапочке, она обратилась в одни лишь глаза, смотревшие в него.

«Что делается-то?», – спрашивал он у этих глаз беззвучно, – «Что делать?».

И вдруг вскрикнул. Коротко так, сдавлено, как во сне. Потом, не отводя взгляда, прокричал дольше, словно его щипком ухватили за руку и подержали так секунд пять. Резко оборвался. Врач прекрасно знала, что последует дальше и без слов вышла из родильной, накрепко закрыв двери.

И тут он закричал на всю, заткнув, как маленький, уши ладонями. Без надрыва – монотонно, по нарастающей. Но то был ненастоящий крик. Его прикрытие. Тот самый обрушился внутрь. И больно бился живым в животе.

«Non è niente, tesoro, non è niente. Succede. Sei ancora giovane» la seconda ostetrica l'accarezzava sulla guancia, le fece un'iniezione. Neanche un suono in risposta.

Lui le si avvicinò. Lei non voleva vederlo. Gli voltò le spalle. Sì, si sistemò per non vederlo più nemmeno con la coda dell'occhio, li socchiuse.

Dalla sala parto si portarono via anche lei insieme al bambino.

Nella stanza rimasero soltanto lui e una dottoressa. Tutta in bianco, con la mascherina e la cuffia, si rivolse agli unici occhi che la stavano guardando.

«Ma ora cosa dobbiamo fare?» chiedeva lui a quegli occhi in silenzio. «Che si fa?».

E di colpo mandò un grido. Breve, soffocato come nei sogni. Poi, senza distogliere lo sguardo, gridò più a lungo, come se l'avessero preso per un braccio con un pizzicotto, tenendolo fermo per cinque secondi buoni. All'improvviso si bloccò. La dottoressa sapeva benissimo cos'altro sarebbe successo di lì a poco e senza dire una parola uscì dalla sala parto, chiudendo bene la porta.

E in quell'istante lui si mise a gridare fortissimo, con le orecchie tappate, come un bambino. Senza eccessi – un grido di una nota sola, crescente. Ma era un urlo finto. La sua copertura. Quello vero gli era piombato dentro. E si contorceva come un pazzo nella pancia.

Отзыв о рассказе

Очень лаконичный, жесткий рассказ, состоящий из двух частей. В первой – разговор мужчины и женщины о ее беременности в петербургском кафе напротив Казанского собора. Она ребенка хочет, он – нет, ибо не готов становиться отцом, потому что помнит собственное трудное детство, потому что не встал на ноги, не хочет одалживаться у ее семьи и вообще в стране бардак. Ей же это все не важно, беременность протекает нормально, и она покойна и счастлива материнским ожиданием. И какое ей дело до всего остального? Разве что черное надевает, потому что оно стройнит, и это черное странным образом отзовется во второй части рассказа, где повествование резко меняется. Неудачные роды, смерть младенца и горе родителей.

Про такое вообще очень трудно писать, чтобы не впасть в мелодраматизм и сентиментальность. Автору эту удалось. Короткие фразы или вовсе односложные предложения, простые слова. Никаких лишних деталей и подробностей, никакого искусственного нагнетания страхов. Скупое, сквозь зубы, не пытаюсь разжалобить читателя, Босяченко выхватывает самое важное. Мать, которой врачи предлагают взглянуть на мертвого ребенка, потому что такой порядок, отец, который на дитя не смотрит, но криком кричит. Психологически все это очень точно. По-мужски и по-женски. По-человечески.

Алексей Варламов

Nota critica

Si tratta di un racconto molto duro e conciso, suddiviso in due parti. Nella prima, in un caffè di fronte alla cattedrale di Kazan' a San Pietroburgo, un uomo e una donna incinta discutono sulla gravidanza. Lei vuole il bambino, mentre lui no: non si sente pronto a diventare padre perché non ha ancora dimenticato la sua infanzia difficile, non riesce a rimettersi in piedi da solo, non vuole accettare aiuti dalla famiglia di lei e, più in generale, «nel paese è tutto un casino». Ma a lei questo non interessa, la gravidanza procede bene, è serena e felice nell'attesa della maternità. E che le importa del resto? Forse le importa solo dei vestiti neri che indossa, perché snelliscono, e sarà proprio quel nero a gravare sinistro sulla seconda parte del racconto, in cui la narrazione cambia bruscamente. Il parto va male, il piccolo muore e i genitori sono afflitti dal dolore.

In genere scrivere di questi argomenti senza scadere nel melodrammatico o nel sentimentale è un compito molto difficile. L'autore, però, ci è riuscito, aiutato dall'uso di parole comuni e frasi brevi o del tutto monosillabiche.

Nessun dettaglio o elemento superfluo, nessuna artificiosità per aumentare lo stato di angoscia. Con moderazione, a denti stretti e senza impietosire il lettore, Bosjačenko mette su carta solo l'essenziale. Abbiamo una madre a cui i medici chiedono se intende vedere il corpo del bambino, perché questa è la prassi, e un padre che si rifiuta di vederlo ma urla, straziato dal dolore. Psicologicamente parlando, è proprio così. Per ogni uomo e per ogni donna. Per ogni essere umano.

Aleksej Varlamov

Биография

Дмитрий Босяченко родился в г. Орел в 1987 году. По образованию — социолог, в настоящее время живет в Санкт-Петербурге. Выпускник школы писательского мастерства Creative Writing School под руководством Майи Кучерской (2015). Участник Форума молодых писателей (2012). Лауреат «Каверинского литературного конкурса» (2012), «Литературного конкурса им. Л. И. Ошанина (2012), «Литературного конкурса КГУ «Проявление» (2013), победитель сценарного конкурса «СТС ПитчЛаб» (2018).

Biografia

Dmitrij Bosjačenko nasce nel 1987 a Orël. Sociologo di formazione, attualmente vive a San Pietroburgo. Nel 2015 si diploma alla scuola di scrittura creativa Creative Writing School sotto la guida di Maja Kučerskaja. Nel 2012 partecipa al “Forum per giovani scrittori” di Lipki e nello stesso anno vince il Concorso letterario V.A. Kaverin e il Concorso letterario intitolato a L.I. Ošanin. Nel 2013 si aggiudica il primo premio al Concorso letterario Projavlenie dell’Università di Kursk e nel 2018 al concorso di sceneggiatura PitchLab dell’emittente televisiva CTC Media.

Булат Ханов

Перевод на итальянский язык Чинции Челоне

Bulat Chanov

Traduzione in italiano di Cinzia Celone

ДАЖЕ В ТЕ МОМЕНТЫ, КОГДА

– Пока же, в течение этой недели, постарайтесь не привлекать лишнего внимания. Не комментируйте слухи, не выдавайте волнения, сосредоточьтесь на экзаменах. Само собой, любых контактов с Риммой Маратовной тоже следует избегать.

– Я избегаю.

– Считайте это очередным испытанием. Школа учит нас сохранять достоинство даже в те моменты, когда, казалось бы, мы рискуем поступиться и честью, и профессионализмом, и элементарным самообладанием.

Кирилл потупил глаза, как первоклассник. Обычное щедрый на шаблонные фразы, Тагир Дамирович выдал нечто живое и нерядовое.

Директорские покои Кирилл покидал с чувством, будто посетил психиатра-мозгоправа. Вроде бы нормальное ощущение после приватной беседы с начальством, пора привыкнуть.

Перед запертым кабинетом математики уже столпились пятиклашки. Кто-то от скуки лез по батареям на подоконник, кто-то эйфорировал под включенный на полную громкость весенний хит, кто-то повторял стихи о родном крае.

– Кирилл Владимирович, а вы знаете, что Алмаз натворил? – подбежала с округленными глазами староста.

– Что же он натворил? – Кирилл вставил ключ в замок и повернул.

– Он кинул транспортиром в Анжелу! Чуть не попал!

– Надо же. А если попадет? Сейчас разберемся с вашим Алмазом.

– Разберитесь, пожалуйста. Он достал уже всех.

Клокочущей лавой дети хлынули в кабинет.

Кирилл очутился в родной стихии. Милый, спокойный шум. И как директор выживает у себя в дистиллированной тишине, где из звуков только приглушенное жужжание конде-

ANCHE IN QUEI MOMENTI IN CUI

– Per il momento, nel corso di questa settimana, cerchi di non attirare l'attenzione oltre il dovuto. Eviti di commentare le voci di corridoio e non faccia trapelare alcuna agitazione, si concentri sugli esami. È inutile dire che è altrettanto preferibile che Lei eviti qualsivoglia contatto con la signorina Rimma Maratovna.

– Li sto già evitando.

– La veda come l'ennesima sfida. La scuola ci insegna a dar prova della nostra integrità morale anche in quei momenti in cui, sembrerebbe, saremmo pronti a sacrificare i nostri principi di rispetto, professionalità e anche il più banale autocontrollo.

Kirill abbassò lo sguardo come uno scolareto. Tagir Damirovič, i cui discorsi di solito abbondavano di frasi fatte, si era espresso stavolta in maniera sentita e assolutamente non banale.

Kirill si congedò dalla presidenza con addosso la sensazione di aver appena terminato una seduta dallo strizzacervelli. Dopotutto forse era normale sentirsi così dopo una conversazione dai toni intimi con la direzione, avrebbe fatto bene ad abituarcisi.

Davanti all'aula ancora chiusa di matematica si era già accalcata la folla dei ragazzini di prima media. C'era chi per la noia, arrampicandosi su per i termosifoni, stava appollaiato sopra il davanzale, chi si scatenava al ritmo dell'ultimo tormentone della stagione e chi invece ripeteva versi sulla terra natia.

– Kirill Vladimirovič, sa cos'ha combinato Almaz? – la rappresentante di classe corse verso di lui con gli occhi sgranati.

– Cosa avrebbe mai combinato? – Kirill infilò la chiave nella serratura e diede una mandata.

– Ha lanciato il goniometro addosso ad Anžela! E per poco non la prendeva!

– Ma si può! E se la prossima volta dovesse mirare meglio? Ora facciamo i conti con il signor Almaz.

– Sì, per favore faccia qualcosa perché ha già esasperato tutti.

Come una colata di lava gorgogliante i ragazzi si riversarono nell'aula.

Kirill si ritrovò nel suo elemento naturale, il buon vecchio e rassicurante rumore. Come facesse il preside a sopravvivere nel silenzio asettico del suo ufficio, interrotto solo dal flebile ronzio del condizionatore o dagli squilli im-

ра и взрывные трели телефонного аппарата? Это же настоящая пыточная. Отчитав Алмаза, к вящему удовольствию пятиклашек, Кирилл написал на доске тему и число.

– Кирилл Владимирович, а вы от нас летом не уйдете?

Кирилл отложил мел.

– Я нахожусь в глубоких раздумьях по этому поводу.

– Не уходите! Нас и так каждый год учителя бросают!

Кирилл усмехнулся. Сначала они изощренно мучают тебя месяцами, а затем признаются в любви. И она не навсегда. Если вдруг потребуется, то запросто тобой пожертвуют, как пешкой. Совсем как взрослые.

– Адель Кабирович обещал уволиться. И географичка тоже. Хотя ее не жалко, но все-таки. Если еще и вы уйдете, тогда кто вообще останется?

– А мы сговоримся и все уволимся, – сказал Кирилл. – Заодно напишем в РОНО, чтобы они назначили вам самых кровожадных учителей со всей округи. Самых бессердечных, самых требовательных и самых скучных.

– Не-е-ет! Не надо!

Кирилл отвернулся к доске, чтобы скрыть улыбку. Искренний вопль обнадеживал. Им правда не все равно.

На учителя математики все школьники в тот день реагировали по-своему. Пятиклашки, которые в силу возраста еще не обрели интереса к чужому белью, по заведенному правилу спорили из-за оценок и неподъемной домашней работы. Восьмиклассники, ловившие горячие слухи и раздувавшие в своем воображение чужие грешки до вселенских масштабов, прятали ухмылки и стеснялись говорить громко. Ясно, что они повально читали новости в неофициальном школьном паблике и следили за сагой, затеянной невоздержанной Риммой Маратовной. Одиннадцатый класс, надо отдать ему должное, больше заботился о грядущих экзаменах, чем об интригах, бушевавших в их скромном учебном заведении, по ряду показателей шедшем во второй сотне рейтинга городских школ.

provvisi del telefono, rimaneva per lui un mistero. Una vera camera delle torture.

Una volta fatta la ramanzina ad Almaz, cosa che suscitò l'evidente soddisfazione degli astanti, Kirill scrisse alla lavagna il tema della lezione e la data.

– Kirill Vladimirovič, non se ne andrà mica anche lei l'anno prossimo?

Kirill posò il gesso.

– Questa questione in realtà mi vede estremamente indeciso.

– Non se ne vada! Che già così ogni anno tutti i professori ci abbandonano.

A Kirill scappò un mezzo sorriso. Per mesi interi ti tormentano con estrema maestria per poi dichiararsi infine innamorati, un amore che, bada bene, non è detto duri. Se all'improvviso infatti le circostanze lo richiedessero, quegli stessi studenti sarebbero pronti a darti in pasto ai leoni senza pensarci su due volte, proprio come dei veri adulti.

– Adel' Kabirovič ha già confermato che si licenzia. Quella di geografia pure. Anche se di lei non è che ce ne importi più di tanto, ma ad ogni modo... se anche lei se ne va allora chi ci rimane?

– E noi ci mettiamo d'accordo e ci licenziamo in massa – disse Kirill. – Dopodiché tutti insieme scriviamo al provveditorato chiedendo che vi vengano assegnati i professori più sanguinari che si siano mai visti. I più spietati e noiosi.

– Noooooooooo! Non fatelo!

Kirill si voltò verso la lavagna per nascondere un sorriso. Quel sincero sgomento lo rincuorò. Allora, dopotutto, ci tenevano a lui.

Con il prof di matematica quel giorno ogni classe reagì a modo proprio. I ragazzi di prima media, i quali, forse per via dell'età, non amavano ancora ficcare il naso nelle questioni private altrui, si limitarono, come da copione, a lamentarsi dei voti e dei troppi compiti a casa. I ragazzi di prima superiore, essendo a conoscenza dei *gossip* piccanti e avendoli gonfiati nella propria immaginazione fino all'inverosimile, cercavano di nascondere sorrisetti ed evitavano di parlare ad alta voce. Era chiaro che avessero tutti letto quanto pubblicato sulla pagina non ufficiale della scuola e che seguissero la saga avviata dalla spregiudicata Rimma Maratovna. I ragazzi di quinta, bisogna riconoscerglielo, erano molto più presi dagli imminenti esami che dagli avvenimenti che infuriavano nella loro modesta scuola di second'ordine, la quale, sulla base di alcuni parametri ufficiali, si piazzava ben oltre il centesimo

Даже Сальнов изображал предупредительность и невозмутимость.

И делал это без видимых усилий.

Более того, наглец выразил желание решить у доски пример повышенной сложности. Кирилл лишил Сальнова этой радости, проигнорировав его вытянутую вверх руку, на которой красовались дорогие часы.

В столовую Кирилл спуститься не рискнул и перебил двумя самодельными сэндвичами, предусмотрительно захваченными из дома. Тем не менее, покинуть кабинет пришлось. Надвигалась головная боль, и, чтобы предотвратить ее, учитель математики взял кофе в автомате возле вешалки на первом этаже. Пока устройство варило эспрессо где-то в своих недрах, скрытых за панелью с названиями напитков, Кирилл изучал глазами стену. Меньше всего ему хотелось сейчас столкнуться взглядами с кем-нибудь из учеников и обнаружить в подростковом взоре затаенную насмешку или колющее любопытство.

Голова в последнее время болела регулярно. Боль наваливалась одинаково: заполняла правую сторону, поднимаясь от виска к макушке и вонзаясь все глубже и глубже. На форумах писали, что это признаки мигрени. Кирилл научился распознавать приближение боли по общей слабости и особенному ощущению, когда незримые сверла только примеривались к черепу и пробовали кость на твердость. Если вовремя поделать дыхательные упражнения и залить в себя кофе, то боли можно избежать.

В отпуске, конечно, полезно бы обследоваться.

Шутки ради иногда Кирилл воображал заголовки статей: «Молодой математик скончался от инсульта», «Уголовного дела по факту смерти учителя возбуждено не будет», «Министр образования призвал пересмотреть нагрузки для молодых специалистов».

Вернувшись в кабинет, Кирилл обнаружил, что не запер дверь. Это полбеда. Проблема состояла в том, что математика дожидалась Римма.

– Слушай, Кирилл, я хочу сказать, что...

– Уходи.

– Выслушай меня, ладно? Не прогоняй. Я подумала...

posto nel *rating* delle scuole cittadine. Perfino Sal'nov ostentava sollecitudine e imperturbabilità senza che la cosa gli richiedesse il minimo sforzo e, come se non bastasse, ebbe pure la faccia tosta di offrirsi volontario per risolvere un complicato problema alla lavagna. Tale soddisfazione non gli venne però concessa da Kirill, il quale volutamente ignorò la sua mano alzata al cui polso spiccava un costoso orologio.

Conscio che non fosse il caso di rischiare inutilmente, Kirill evitò di comparire in mensa e per pranzo si arrangiò con due panini preparati preventivamente prima di uscire di casa. Nonostante tutte le precauzioni, gli toccò comunque abbandonare l'aula. Stava sopraggiungendo il mal di testa e per scongiurarlo il prof di matematica optò per un caffè alle macchinette del primo piano, quelle vicino agli attaccapanni. Mentre nei meandri più reconditi del distributore automatico, dietro al pannello con i nomi delle bevande, veniva preparato il suo espresso, Kirill guardava fisso il muro. L'ultima cosa che in quel momento voleva era incrociare lo sguardo di qualcuno dei suoi studenti adolescenti e scorgerne una malcelata smorfia di derisione o di tagliente curiosità.

Ultimamente la testa gli faceva male con regolarità. Il dolore si manifestava sempre allo stesso modo: si insinuava prima nella parte destra, propagandosi dalle tempie fino alla nuca, per poi penetrare sempre più in profondità nella testa. Sui forum c'era scritto che questi erano i sintomi dell'emicrania. Kirill aveva ormai imparato a riconoscere l'approssimarsi del dolore poiché esso era sempre preannunciato da una debolezza diffusa e da una strana sensazione: era come se trapani invisibili, danzando attorno al cranio, prendessero la mira per poi iniziare a perforarne le ossa. Se per tempo si facevano i dovuti esercizi di respirazione e si buttava giù un caffè, era possibile prevenire l'insorgere del dolore.

Certo, sarebbe stato comunque meglio farsi vedere da qualcuno durante le vacanze.

Talvolta, tanto per sdrammatizzare, Kirill s'immaginava fantomatici titoli di articoli di giornale: "Giovane matematico stroncato da un ictus", "Nessuna inchiesta verrà aperta sul caso della morte dell'insegnante", "Il ministro dell'Istruzione ha invitato a rivedere il carico di lavoro per i giovani docenti".

Ritornando verso l'aula Kirill si accorse di non aver chiuso la porta a chiave. Il fatto di per sé non era grave, ma lo diventò quando il matematico scorse Rimma che lo aspettava all'interno della stanza.

– Ascolta Kirill volevo dirti che...

– Sparisci.

– Ascoltami ok? Non mi cacciare. Ho pensato...

– Все равно мне, что ты подумала. Уходи.

– Я подумала, что еще не все кончено и....

Кирилл смял в кулаке стаканчик из-под эспрессо. Последние теплые капли выдавились и потекли по пальцам.

– С меня довольно, – сказал Кирилл. – Сначала ты позоришь меня, а затем говоришь о примирении. Лучше отстань. В школе полно других мальчиков. Десятый класс, девятый, восьмой и так далее. Главное – не забудь удостовериться, залезая в чужие трусы, что все обоюдно. И предупреди, что ты неразборчива и непостоянна. Мало ли.

Римма плюнула. Попала в бровь. Кирилл инстинктивно отдернулся, но вытирать не стал.

– Объявляешь мне войну, так? – уточнила она.

– Ты воюешь сама с собой, так что ты уже проиграла.

Она застучала каблуками и хлопнула дверь. Через мгновение дверь вновь раскрылась, и злое лицо Риммы вновь предстало перед Кириллом.

– Я не дам тебе быть счастливым. Заруби себе на носу. Если найдешь себе кого-нибудь, я все вам разрушу. Я ей морду разобью.

– Как разбила машину?

– Урод.

Когда дрожь унялась, Кирилл вспомнил, что не вытер плевок.

Хорошо, обошлось без свидетелей.

Римма, как истинная истеричка, с удовольствием втягивала каждого в подробности своей личной жизни. Когда она разбила машину, едва выплатив первый кредит, тут же похвасталась этим в «Инстаграме». Когда разругалась с дядей, выболтала претензии к нему в «Фейсбук». Кирилла бы не шокировало, поделись она с подписчиками пикантными новостями о Сальнове.

Самое ироничное в том, что через полчаса с Сальновым предстояло индивидуальное занятие.

Учительница математики изменила другому учителю математики с учеником, чьим репе-

– Non mi interessa quello a cui hai pensato. Vattene.

– Ho pensato che non è ancora tutto perduto...

Kirill strinse nel pugno il bicchiere dell'espresso che aveva in mano. Le ultime gocce calde della bevanda gli colorono giù lungo le dita.

– Ne ho abbastanza – disse Kirill. – Prima mi metti in ridicolo e poi parli di recuperare. Meglio che mi lasci in pace. La scuola abbonda di altri ragazzini. C'è ancora la quarta, la terza, la seconda e giù via. L'unica cosa, prima di infilarti nelle mutande di qualcun altro, verifica che sia consenziente. Ah, avvisalo pure che sei di bocca buona ma che ti piace cambiare. Non si sa mai...

Rimma gli sputò colpendolo sul sopracciglio. Kirill istintivamente fece per scansarsi ma non stette a ripulirsi.

– Cos'è, mi vuoi dichiarar guerra? – ci tenne a precisare lei.

– Tu combatti contro te stessa e il risultato è che hai già perso.

Con fragore di tacchi la ragazza uscì sbattendo dietro di sé la porta, dopo pochi istanti però questa si spalancò di nuovo e il volto infuriato di lei gli si parò davanti una seconda volta.

– Ficcati bene in testa quanto sto per dirti. Farò in modo che tu non sia mai più felice. Se dovessi trovarti qualcun'altra, io vi renderò la vita impossibile e in quanto a lei, la distruggerò.

– Come hai distrutto la macchina?

– Stronzo.

Quando si fu calmato, ricordò di non essersi ancora pulito la fronte.

Per fortuna il tutto si era concluso senza che ci fossero spettatori.

Rimma, da vera psicopatica qual era, amava rendere partecipe chiunque della propria vita privata fin nei minimi dettagli. Quando aveva distrutto la macchina, per la quale era stata appena pagata la prima rata, un attimo dopo se n'era vantata su Instagram. A seguito di una lite con lo zio, aveva pubblicato le proprie recriminazioni nei suoi confronti su facebook. Kirill non si sarebbe affatto scandalizzato se Rimma avesse condiviso con i propri *followers* dettagli piccanti sul conto di Sal'nov.

Ironia della sorte, da lì a mezz'ora avrebbe dovuto tenere una lezione individuale con quest'ultimo.

La prof. di matematica aveva tradito il prof. di matematica con uno studente che prendeva ripetizioni proprio dal cornuto. Un copione del genere sarebbe stato bocciato perfino dagli sceneggiatori di soap opera nazionali.

титором является как раз рогоносец. Даже российские сценаристы гнушаются таких сюжетов с перебивающим все привкусом дешевого скандала.

Кирилл в очередной раз поразился, что же так привлекает девушек в невыдающемся одиннадцатикласснике. Средний рост, неприметное лицо, родители не богатые. Вдобавок ко всему совсем не изящно картавит. Зато едва ли не каждая старшеклассница, если верить слухам, проходит через постель Сальнова. Овладев же Риммой, школьник вплотную подобрался ко всем мыслимым пределам. Дальше только жена директора.

В чем здесь дело? В неуловимом обаянии или в репутации передового бабника?

Кирилл поймал себя на мысли, что зациклен на вещах, которые его отныне не касаются. Все, что сейчас имеет значение, – это головные боли и грядущий отпуск.

Когда Сальнов притащился на индивидуальное занятие, Кирилл сразу выложил ему свои соображения:

– Ходить вокруг да около я не люблю, поэтому говорю напрямик. Хоть меня тонкости ваших взаимоотношений с Риммой Маратовной не волнуют, я настаиваю на двух вещах. Во-первых, не гуляйте вдвоем в открытую, внаглую, потому что позоритесь только. Во-вторых, когда разбежитесь, не впутывайте меня. Договорились?

Сальнов будто и не растерялся.

– Я вас понял, Кирилл Владимирович.

Кирилл хмыкнул и сказал:

– Тогда приступим к планиметрическим задачам.

Учитель с удовлетворением отметил, что Сальнов с облегчением выдохнул.

После репетиторства Кирилл спустился за вторым стаканчиком кофе. Головная напасть предприняла вторую попытку подкрасться. В правом ухе приставуче заколотили крохотные молоточки. Не больно – неприятно.

Двойной эспresso унял неистовый стук.

Кирилл заполнил электронный журнал, проставил оценки и закрыл кабинет.

В машине ждала спортивная сумка. Каждую пятницу Кирилл с друзьями арендовали на

Cosa mai ci trovassero le ragazze in quest'insignificante studente di quinta, Kirill proprio non riusciva a spiegarcelo. Altezza media, un viso come mille, fosse stato almeno di buona famiglia, macché, e per giunta aveva anche una sgraziata erre moscia. Eppure, a voler dar retta alle voci di corridoio, Sal'nov si era portato a letto quasi tutte le ragazze di quinta. Avendo aggiunto Rimma alla lista, il ragazzo si era spinto ben oltre ogni limite immaginabile, a quel punto gli mancava solo la moglie del preside.

Dove stava il trucco? Si trattava di un fascino misterioso o era dovuto alla reputazione di re degli sciupafemmine? Kirill si rese conto che si stava fissando su pensieri che ormai non lo riguardavano più. Le sole cose che al momento avevano importanza erano i suoi mal di testa e le vacanze imminenti.

Non appena Sal'nov si fu trascinato alla lezione individuale, Kirill senza mezzi termini gli snocciolò le proprie considerazioni.

– Non sono per i giri di parole dunque andrò subito al sodo. Sebbene i dettagli della relazione con Rimma Maratovna non mi tangano, rimango irremovibile su due questioni. Primo: non siate sfacciati, non fatevi vedere insieme in pubblico perché vi rendereste soltanto ridicoli. Secondo: quando vi lascerete non tiratemi in mezzo. Ci siamo intesi?

Sal'nov non mostrò alcun apparente imbarazzo.

– Intesi, Kirill Vladimirovič.

Kirill sogghignò e disse:

– Allora passiamo agli esercizi di planimetria.

Il giovane professore notò con soddisfazione il sospiro di sollievo del ragazzo.

Al termine della lezione Kirill si diresse nuovamente al piano di sotto per un secondo caffè. Il mal di testa stava tornando alla carica e nell'orecchio destro era come se microscopici martelletti battessero inarrestabili. Era più un fastidio che un dolore vero e proprio.

Il secondo espresso sortì l'effetto di smorzare le furiose martellate.

Kirill compilò il registro elettronico, annotò i voti e chiuse l'aula.

In macchina ad aspettarlo c'era il borsone della palestra. Tutti i venerdì sera Kirill e i suoi amici affittavano un campetto fuori città e lì trascorrevano la serata giocando a calcio. Era una tradizione consolidata, come la parata militare il giorno della vittoria, e non vi erano scuse che tenessero, si trattasse pure del tradimento della propria

вечер спортзал на окраине и играли там в футбол. Традиция считалась незыблемой, как парад на День Победы, так что ничьи отговорки, будь то измена подруги или семейный ужин в ресторане, не принимались. Тем более Кирилл хотел окунуться в игру, хотел сменить душный костюм на просторную спортивную форму.

– Ты в норме? – уточнил Вадим.

– Порядок.

– Слушай, а чего директор ее сразу не вышвырнул? Мутить со школьником – это ж нарушение устава.

– Скандала боится. Стоит Римме привлечь публичное внимание, а она это сделает, как в школу нагрянут с проверками. Распутная учительница – клеймо на всю школу. Вот директор и разыгрывает дипломата.

На разминке Кирилл проспал мяч, прилетевший в спину. А в самом начале игры прозевал рывок противника по своему флангу.

– Ты точно в норме? – забеспокоился Вадим.

– Не переживай. Сейчас разбежусь.

Кирилл сосредоточился и вскоре напомнил себя предыдущего. Он дважды отобрал мяч и заслужил аплодисменты товарищей, мягким пасом бросив в прорыв нападающего.

– Как Алехандро Домингес в лучшие годы! – воскликнул Вадим.

Кирилл поднял кверху палец, но отпустить шутку в ответ не успел. Глаза вдруг застил туман, в ушах стремительно забили молоточки. От взорвавшегося гула Кирилл присел.

– Телефон сюда! – приказал Вадим где-то в недостижимом отдалении.

Кирилл обхватил голову руками.

– Не переживайте, я сейчас встану, – сказал он то ли вслух, то ли про себя, опускаясь спиной на паркет.

Вадим вызвал скорую и с досады запустил мячом в стену. На ней остался круглый след.

– Обошлось, – констатировал доктор. – В следующий раз все может закончиться печальнее. Больше отдыхайте и берегите себя от нервных потрясений.

ragazza o di una cena di famiglia al ristorante. Tanto più che il giovane aveva assoluto bisogno di immergersi completamente nel gioco, levarsi di dosso l'opprimente completo da lavoro e indossare una comoda tuta sportiva.

– Sei a posto? – si interessò Vadim.

– A posto.

– Senti, ma com'è che il preside non l'ha cacciata subito? Farsela con un allievo è una violazione del regolamento, dopotutto.

– Teme uno scandalo. Basta solo che Rimma renda pubblica la faccenda, e credimi che lo farà, e la scuola sarà presa d'assalto dagli ispettori. “La professoressa promiscua”: la scuola verrebbe marchiata a vita. Ecco perché il preside gioca di diplomazia.

Durante il riscaldamento Kirill prima non si accorse del pallone che lo colpì alla schiena e poi, a gioco iniziato, ebbe la peggio durante un confronto con un avversario che si lanciò verso la porta senza che lui quasi reagisse.

– Sei sicuro di star bene? – gli chiese Vadim con un accenno di preoccupazione nella voce.

– Tranquillo, adesso inizio a fare sul serio.

Una volta recuperata la concentrazione, il prof. dette prova di essere lo stesso di sempre. Per ben due volte rubò la palla all'avversario e scatenò l'esultanza dei compagni di squadra quando con un passaggio di precisione permise al suo attaccante di scattare verso la porta avversaria.

– Come Alejandro Dominguez dei tempi d'oro! – esclamò entusiasta Vadim.

Kirill alzò in aria un dito ma non fece in tempo a ribattere all'apprezzamento. All'improvviso la vista gli si offuscò, i martelletti cominciarono di nuovo a battere all'impazzata nelle sue orecchie e un fischio frastornante lo costrinse ad accasciarsi.

– Di corsa, un telefono! – urlò Vadim da qualche punto remoto.

Kirill si afferrò la testa fra le mani.

– Non preoccupatevi, ora mi alzo – disse, forse ad alta voce o tra sé e sé, mentre si sdraiava supino a terra.

Vadim chiamò l'ambulanza e per la frustrazione calciò con così tanta rabbia il pallone contro il muro da lasciarvi l'impronta rotonda.

– È passato – constatò il dottore. – Ma la prossima volta potrebbe finire molto peggio. Si riposi ed eviti i forti stress.

Отзыв о рассказе

Булат Ханов не новичок в литературе: о его писательском опыте говорят публикации в известных литературных журналах, неоднократное участие в Форумах молодых писателей, литературные премии и, наконец, место финалиста премии «Радуга (сезон 2018 г.).

Основное место действия рассказа «Даже в те моменты, когда» – средняя школа, время действия – один день, которого автору достаточно для того, чтобы познакомить читателя с правдоподобной историей Кирилла Владимировича, учителя математики, оказавшегося героем служебного романа.

Беда Кирилла Владимировича в том, что об этом романе знает не только руководство школы в лице директора, но и ученики, не говоря уже, очевидно, о коллегах.

Любой роман, включая, разумеется, и служебный, подразумевает участие в нем не только героя, но и героини, в роли которой выступает в данном случае любвеобильная коллега Кирилла Владимировича Римма Маратовна, чье имя впервые прозвучало из уст директора школы во время его назидательной беседы с Кириллом Владимировичем, открывающей рассказ.

Кирилл Владимирович страдает приступами головной боли, и в рассказе «Даже в те моменты, когда» головная боль неожиданно для читателя становится метафорой, настигая учителя математики в трудную для него минуту.

Образ Кирилла Владимировича – несомненная удача автора рассказа, что можно сказать и об отталкивающем образе предавшей его Риммы Маратовны, нарисованном скудными мазками.

Евгений Солонович

Nota critica

Bulat Chanov non è un principiante nel campo della letteratura. Lo dimostrano le pubblicazioni su rinomate riviste letterarie, le numerose partecipazioni a forum per giovani scrittori esordienti, i riconoscimenti letterari e infine la conquista di un posto come finalista del Premio Raduga (2018).

Il racconto *Anche in quei momenti in cui* è ambientato principalmente tra le mura scolastiche. L'azione si svolge nel corso di una sola giornata, un tempo sufficiente a far sì che il lettore si appassioni alle vicende verosimili di Kirill Vladimirovič, insegnante di matematica e protagonista di uno scandalo amoroso nato sul posto di lavoro.

La sfortuna di Kirill Vladimirovič è che non solo la direzione, nel racconto personificata dal preside, è a conoscenza della vicenda che lo ha coinvolto, ma anche gli studenti, e ovviamente i colleghi.

Qualsiasi storia d'amore che si rispetti prevede la presenza di un protagonista maschile e uno femminile, il cui ruolo, nel caso del nostro racconto, spetta alla collega di Kirill Vladimirovič, la volubile Rimma Maratovna. Il nome di Rimma appare per la prima volta durante la conversazione dai toni perbenisti tra Kirill Vladimirovič e il preside della scuola che apre il racconto.

Kirill Vladimirovič soffre di violenti attacchi di mal di testa che nel racconto *Anche in quei momenti in cui* diventano una metafora inaspettata per il lettore, dal momento in cui colpiscono l'insegnante di matematica in circostanze per lui di grande difficoltà.

Il personaggio di Kirill Vladimirovič è sicuramente l'indiscusso successo dell'autore, lo stesso si può dire del controverso personaggio di colei che lo ha tradito, Rimma Maratovna, caratterizzato al contrario del primo da tinte fosche.

Evgenij Solonovič

Биография

Булат Ханов родился в г. Казань в 1991 году. Окончил Казанский федеральный университет по специальности «Филология. Русский язык и литература в межнациональном общении». В 2016 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Советский дискурс в современной русской прозе». Пишет прозу, эссеистику, литературоведческие статьи. Публиковался в сборнике «Молодые писатели России» (2012, 2016), журнале «Дружба народов», «Октябрь» (2018), вёл авторскую колонку в журнале «Идель» (2012–2014). В 2016 году Стипендиат Фонда СЭИП. Участник Форумов молодых писателей (2011, 2014, 2015, 2018). Лауреат премий «Лицей» (2018) и «Звездный билет» (2018), финалист премии «Радуга» (2018).

Biografia

Bulat Chanov nasce a Kazan' nel 1991. Si laurea all'Università Federale di Kazan', indirizzo Filologia. Lingua e letteratura russa nella comunicazione internazionale. Nel 2016 discute la tesi di dottorato dal titolo *Il linguaggio sovietico nella prosa russa contemporanea*. Scrive prosa, saggistica e articoli di critica letteraria. I suoi lavori figurano nella raccolta *Molodye pisateli Rossii* (2012, 2016), nella rivista accademica “Družba narodov” e “Oktjabr” (2018). Dal 2012 al 2014 tiene una rubrica nella rivista “Idel’”. Nel 2016 è vincitore di una borsa di studio del Fondo per i programmi socio-economici e intellettuali. Partecipa a diversi forum per giovani scrittori (2011, 2014, 2015, 2018). È vincitore del Premio Licej (2018) e Zvezdnyj bilet (2018), finalista del Premio Raduga (2018).

Андрей Игнатьев

Перевод на итальянский язык Пьера Брудальо

Andrej Ignat'ev

Traduzione in italiano di Pier Brudaglio

КОГДА–НИБУДЬ Я ВСТРЕЧУ ОТЦА

На угол ворот села необычная стрекоза. У нее были большие, бархатные, чернильно-синие крылья. Она сложила их, и ее вытянутое тельце держалось совсем неподвижно на ломаных тонких ножках. Хотя дул ветерок, и в липовой аллее мельтешили листья. Они бежали вверх до кирпичного здания пустой деревенской школы. Школа отдыхала от детей. Стояло лето. Я только что закончил первый класс, где, наконец, познакомился с местной ребятней (после переезда меня не повели в детский сад, и я оставался дома с бабушкой, почти не выходя за пределы двора, обнесенного высоким забором). Поначалу я пробовал примкнуть к какой-нибудь компании, но мальчишки из класса, которые знали друг друга давно, отнеслись ко мне как к новичку настороженно и держались слегка отдаленно. За учебный год я так и не завел друзей и во время перемен одиноко сидел за своей партой. Уроки большей частью казались мне неинтересными и затянутыми. Я то и дело отвлекался, задумывался и смотрел в окно (слабое отражение всего, что происходило в классе, медленно растворялось).

Само собой, я был рад наступлению летних каникул.

По случаю окончания учебы отец прислал мне футбольный мяч: новый, дорогой, обтянутый крепкой кожей. Я пинал и подбрасывал его целыми днями. Однажды, когда я гонял свой подарок на улице (меня туда выпроводила бабушка, покуда, чего доброго, не разнес хозяйство), мимо проходила компания деревенских мальчишек. Они направлялись к футбольному полю и позвали меня с собой. Я с радостью увязался.

Несколько следующих дней прошли в нетерпеливом ожидании вечера, когда я вприпрыжку мчался к стадиону, гордый тем, что играю со старшаками. Мне не сразу удалось разглядеть очевидное: поскольку я был слабее и медленнее их всех, то в игре всегда становился обузой. Когда капитаны набирали команды, меня приглашали последним и неизменно ставили в ворота. Конечно, если бы ни мяч, на моей игре среди старших ребят давно бы стояла точка.

UN GIORNO INCONTRERÒ MIO PADRE

Sull'angolo della porta venne a posarsi una strana libellula. Aveva grandi ali di velluto blu inchiostro. Le ripiegò e il suo corpicino allungato rimase perfettamente immobile sulle esili zampette curve. Anche se c'era un bel vento e nel viale dei tigli si dibattevano le foglie. Correivano in su per il viale, fino ai mattoni dell'edificio scolastico del paese, vuoto. La scuola era in vacanza dai bambini. Estate. Avevo appena finito la prima ed ero finalmente riuscito a fare conoscenza con i ragazzini del posto (dopo esserci trasferiti, non mi avevano mandato all'asilo ed ero rimasto a casa con la nonna, praticamente senza superare i confini del cortile, circondato da un'alta recinzione). Sulle prime avevo provato a unirmi a qualche gruppo, ma i ragazzini della mia classe, che si conoscevano da tanto, mi trattavano con diffidenza, come un novellino, e si tenevano un po' alla larga. E così, nel corso dell'anno scolastico non mi ero fatto degli amici e durante gli intervalli me ne stavo seduto da solo al mio banco. Per la maggior parte, le lezioni mi sembravano noiose e interminabili. Mi distraevo di continuo, mi perdevo nei miei pensieri e guardavo dalla finestra (un vago riflesso di quel che succedeva in classe vi si andava lentamente dissolvendo).

Va da sé che ero stato contento dell'arrivo delle vacanze estive.

In occasione della fine della scuola il mio papà mi aveva spedito un pallone: nuovo, prezioso, rivestito di pelle rigida. Avevo passato giornate intere a tirargli calci e a farlo saltare. Una volta, mentre correvo dietro al mio regalo in mezzo alla strada (era stata la nonna a spingermi là fuori, non si sa mai rompesti qualcosa), era passato il gruppo dei ragazzini del paese. Stavano andando al campo di calcio e mi avevano invitato a unirmi. Mi ero appiccicato a loro tutto contento.

I pochi giorni seguenti erano passati nell'impaziente attesa della sera, quando mi lanciavo saltellando verso lo stadio, orgoglioso di giocare coi ragazzi più grandi. Non mi resi subito conto dell'evidenza: essendo più debole e lento di tutti loro, durante le partite finivo sempre per essere di peso. Quando i capitani formavano le squadre, mi chiamavano per ultimo e mi mettevano immancabilmente in porta. Era chiaro: non fosse stato per il pallone, le mie partite con quelli più grandi sarebbero arrivate al capolinea già da un pezzo.

Раздались крики:

– Не спать! Не зевай!

Стрекоза вспорхнула и улетела. Я посмотрел вперед. На меня неся перепутанный клубок из ног и песочной пыли. От него отделился мяч и закатился в ворота. Одни в толпе вскинули руки, загорланили «г-о-о-л» и, ликующие, умчались на свою половину. Четверо остались. Они смотрели на меня насуплено и раздраженно. Женька – рыжий, веснушчатый, с вечно прищуренными глазами – был ко мне ближе всех, и первый сделал шаг:

– Мелкий, – сказал он, – ты будешь стоять нормально?

– Хочешь, сам вставай, – пробурчал я.

– Так ведь от тебя и на поле толку нет! – выпалил он со злой усмешкой.

Я оглядел остальных, надеясь хоть в ком-то найти поддержки, но в их глазах царило хмурое единодушие.

– Или стой нормально, или вообще иди отсюда!

– Да пожалуйста, – сказал я надуту, отвернулся и хотел забрать свой мяч.

Запасной лежал у штанги, ободранный, серый, начинавший показывать фигу бугорком грыжи.

– Не трогай! – слышалось за спиной.

Разумеется, я никак не мог оставить подарок отца. Я поднял его, прижал к себе и, не оборачиваясь, продолжил шагать дальше. Тут меня нагнал Женька. Схватил сзади за шею и больно сдавил, отчего я весь съежился, а он свободной рукой стал ударять по мячу, пока не выбил.

– Мы его на футбол берем, а он крысит, – процедил он.

Я начал наугад бить кулаком в воздух и, кажется, зарядил ему в скулу. Тогда он еще сильнее стиснул мою шею и ударил локтем в позвоночник. Лопатки прогнулись от разряда тока, я вскрикнул, рыжий отшвырнул меня в сторону. Я упал на траву, кто-то из мальчишек пнул по мячу, и он угодил прямо рыжему в руки. Я увидел, что теперь все собрались вокруг нас и наблюдают с любопытством.

Si sentì gridare:

– Sveglia! Attento!

La libellula prese il volo e sparì. Guardai davanti a me. Mi stava venendo addosso un intricato groviglio di gambe e sabbia. Da lì si staccò il pallone e rotolò in porta. Nella mischia alcuni alzarono le braccia al cielo, cominciarono a urlare “Gooool!” e si lanciarono festosi verso la loro metà campo. Rimasero in quattro. Mi guardavano con facce cupe e irritate. Ženka, il rosso con le lentiggini e gli occhi sempre socchiusi, mi stava più vicino di tutti e fu lui a cominciare.

– Pivellino – disse – hai intenzione di stare in porta come si deve?

– Stacci tu, se ci tieni tanto! – borbottai.

– Peccato che tu non servi a niente neanche in campo! – abbaiò lui con un ghigno cattivo.

Guardai gli altri, nella speranza di trovare un sostegno almeno in qualcuno, ma nei loro occhi regnava un'accigliata concordia.

– O stai in porta come si deve o te ne vai!

– E va bene – dissi offeso, mi voltai e feci per riprendermi il pallone.

Quello di riserva stava per terra vicino al palo: scolorito e sbrindellato, con una bolla che spuntava dal rivestimento e sembrava fare la linguaccia.

– Non lo toccare! – si sentì alle mie spalle.

Si capisce: non potevo assolutamente abbandonare il regalo di mio padre. Lo raccolsi, lo strinsi contro di me e, senza voltarmi, continuai a camminare. A quel punto mi raggiunse Ženka. Mi afferrò per il collo da dietro e strinse fino a farmi male, io mi rannicchiai per il dolore, mentre lui con la mano libera cominciò a dare colpi al pallone fino a farlo cadere.

– Noi lo facciamo giocare a pallone e questo fa il pidocchio – disse con disprezzo.

Io mi misi a tirare pugni alla cieca e mi sa che lo presi sullo zigomo. Allora lui mi strinse ancora di più il collo e mi diede una gomitata sulla spina dorsale. Mi si piegarono le scapole per la scossa elettrica, lanciai un grido e il rosso mi fece fare un volo. Caddi sull'erba, uno dei ragazzi calciò il pallone e quello andò a finire proprio nelle mani del rosso. Mi accorsi che a quel punto si erano raccolti tutti attorno a noi e ci guardavano incuriositi.

– Ridammi il pallone – dissi.

– Отдай мячик, – сказал я.

– А то что? – спросил рыжий.

– А то он папке расскажет, – сказал кто-то, и все едко, заготовлено рассмеялись. Этот смех застал меня врасплох, я осмотрел их растерянно, не понимая причины.

– И расскажу! – сказал я, вставая. – Расскажу, когда он приедет!

Меня оглушила новая волна смеха.

– Нет у тебя никакого отца, – сказал рыжий.

– Думали, переедете в другую деревню, никто не узнает? – подхватили за его спиной.

– А узнали!

– Мне папка мячик прислал! – крикнул я.

– А чем докажешь, что не мамка купила?

Я не знал, какие еще нужны доказательства, у меня вдруг все поплыло в глазах и загорелось. Я рванулся вперед, меня поймали и оттолкнули. Они принялись перекидывать мяч друг другу, а я метался и кричал, иногда они хватали меня и бросали на землю.

Наконец, один из них сказал:

– Шел бы ты домой, пока не получил как следует. Мячик вечером закинем, а будешь нарываться, вообще себе оставим.

Я сгреб в кулак горсть песка, вскочил и бросил в них, но песок рассыпался в пыль, не нанеся никому урона.

– Вали, пока живой, – повторил рыжий.

Я отвернулся, сжал зубы и зашагал прочь. Я шел напрямую, по высокой траве, твердые стебли терлись об ноги. Я шел и ругался, размазывая по щекам слезы. В глаза попадал песок, и от этого они еще больше слезились. Иногда я останавливался, оборачивался и кричал своим обидчикам все, что о них думал. Но там возобновилась игра, и обо мне забыли, никто меня уже не слышал.

Так я оказался на улице. Заплаканный, битый, достигаемый для любого взгляда, из любого деревенского окна, переполненный обидой и злобой. Я злился на всех – на себя, на тех, кого еще вчера считал своими возможными друзьями, на цветущие по сторонам

– Se no? – fece il rosso.

– Se no lo va a dire a papino – disse qualcuno e tutti quanti scoppiarono in una risata preparata e cattiva.

Quella risata mi colse di sorpresa, li guardai smarrito, senza capire il perché.

– Sì che glielo dico! – dissi, alzandomi. – Quando arriva, glielo dico!

Venni assordato da un'altra ondata di risate.

– Non hai nessun padre tu – disse il rosso.

– Credevate di trasferirvi in un altro paese, così non lo scopriva nessuno? – gli fecero eco alle sue spalle. – E invece l'abbiamo scoperto!

– È stato papà a spedirmi il pallone! – gridai.

– E come fai a provare che non te l'ha comprato la mamma?

Io non lo sapevo che altre prove gli servissero, all'improvviso non ci vidi più e diventai di fuoco. Feci uno scatto in avanti, mi presero e mi spinsero via. Cominciarono a lanciarsi il pallone fra di loro, mentre io correvo avanti e indietro strillando, ogni tanto mi afferravano e mi buttavano a terra.

Alla fine, uno di loro disse:

– Meglio che te ne vai a casa, prima di prenderle sul serio. Il pallone te lo lanciamo stasera nel cortile, ma se continui a cercartele, ce lo teniamo e basta.

Raccolsi una manciata di sabbia, saltai su e gliela lanciai, ma quella si sparpagliò in aria, senza arrecare danno a nessuno.

– Sparisci, finché sei ancora intero – ripeté il rosso.

Io mi girai, strinsi i denti e cominciai ad andar via. Camminavo dritto, in mezzo all'erba alta, gli steli duri mi sfregavano le gambe. Camminavo e imprecavo, spalmandomi le lacrime sulle guance. Mi era finita della sabbia negli occhi e questo li faceva lacrimare ancora di più. Di tanto in tanto mi fermavo, mi voltavo verso i responsabili della mia offesa e gli gridavo tutto quello che pensavo di loro. Ma laggiù avevano ricominciato a giocare e si erano dimenticati di me, non mi sentiva più nessuno.

Così mi ritrovai per strada. In lacrime, con i segni delle botte, visibile allo sguardo di chiunque, da

клумбы, в которых плескались запахи и краски жизни, но больше всего на отца. Почему, почему он выбрал такую работу?

Отец уехал в Москву и не приезжал к нам так давно, что лицо его держалось в моем сознании только благодаря фотографии на столике под угловой полкой, на которой стояли иконка с грустным старцем, возносящим руку, и незаметно подтаивающая свечка. Часто ближе к вечеру, устраиваясь у матери под боком, я смотрел на фотографию и тоскливо говорил:

– Мам, ну когда уже папка приедет?

– Скоро, – отвечала мать и гладила мою голову.

Это было самое долгое «скоро», которое я знал в своей жизни.

Я шел по улице и воображал, что, когда он, наконец, придет, когда я увижу его, я даже не улыбнусь, даже не шагну ему навстречу, я посмотрю на него такими глазами, чтобы он понял, какую глубокую, непростительную обиду я на него затаил. И от этих сцен, которые я прокручивал в голове, от жалости к себе, на глазах моих опять наворачивались слезы.

Только в своем дворе я, наконец, прерывисто вздохнул и обтер ладонями лицо, смахнув налипшие песчинки.

На растянутом через двор бельевом шнуре сушилась стирка. Из огорода слышался звук воды. Мама поливала грядки. Я поднялся на крыльцо, расшнуровал кеды и вошел в дом. Приставленный к стене телевизор щупал бледной лапкой тусклое пространство комнаты. На кухне под лампочкой бабушка взбивала масло в высокой оцинкованной ступе. По дому растекался сладковатый запах.

– Нагулялся, малек? – спросила бабушка, заметив меня.

– Угу, – буркнул я.

– А чего нос повесил?

– Просто.

– Это не твой сын! Не твой! – истошно прокричал телевизор.

Бабушка навестила глаза.

qualunque finestra del paese, ricolmo di rabbia e rancore. Mi arrabbiai con tutti: con me stesso, con quelli che ancora ieri consideravo possibili amici, con le aiuole fiorite tutte intorno, in cui guizzavano i profumi e i colori della vita, ma soprattutto con mio padre. Perché, perché si era scelto quel lavoro?

Mio padre se ne era andato a Mosca e non tornava da così tanto tempo che il suo viso si conservava nella mia coscienza solo grazie alla fotografia sul tavolino sotto la mensola dell'angolo, sulla quale stavano l'icona di un vecchio monaco triste con la mano levata e una candela che si andava sciogliendo in maniera impercettibile.

Spesso, quando sul far della sera mi adagiavo accanto a mia madre, guardavo la fotografia e chiedevo malinconico:

– Mamma, ma quand'è che arriva papà?

– Presto – rispondeva mia madre e mi accarezzava la testa.

Era il “presto” più lungo che avessi mai conosciuto.

Camminavo per strada e immaginavo che quando sarebbe finalmente arrivato, quando l'avrei visto, non gli avrei neanche fatto un sorriso, non gli sarei neanche andato incontro, ma l'avrei guardato in maniera tale che capisse il profondo, insanabile risentimento che provavo contro di lui. E questo genere di immagini che continuavo a proiettarmi in testa, miste all'autocommiserazione, mi facevano di nuovo venire le lacrime agli occhi. Fu solo nel cortile di casa che ricominciai finalmente a prendere fiato, col respiro rotto, e con le mani mi pulii la faccia, scuotendo via la sabbia che era rimasta attaccata.

Sul filo della biancheria che attraversava il cortile c'erano dei panni stesi ad asciugare. Dall'orto si sentiva versare dell'acqua. Mamma stava innaffiando le aiuole. Io salii sul terrazzino d'ingresso, mi slacciai le scarpe di tela ed entrai in casa. Il televisore fissato al muro scandagliava la penombra della stanza con la sua zampa bianchiccia. Sotto la lampada della cucina, la nonna stava sbattendo il burro in un alto mortaio smaltato. Un odore dolciastro si andava spandendo per la casa.

– Ti sei fatto una bella passeggiata, eh piccolino? – mi chiese la nonna, quando mi vide.

– Mhm – borbottai.

– Бабушка, – спросил я, загораживая экран, – а почему мы уехали из нашей деревни?

– Так ведь люди... Начали разное болтать. Никакой жизни не стало... – она опустила голову и принялась вновь разминать масло.

Наверное, мне стоило расспросить ее обо всем, но что-то меня остановило. Может быть, я не хотел услышать непоправимую правду. Я быстро помыл руки, промокнул полотенцем и собрался к себе. Я уже был на лестнице, когда в дом вошла мать. Высокая, статная, с русыми красивыми волосами. Она посмотрела на меня и спросила:

– Что случилось?

– Отец вправду на заработках? – спросил я.

Она взглянула на бабушку. Бабушка молча покачала головой.

– Что случилось? – повторила мама.

– Они сказали, что у меня нет отца! – вырвалось у меня.

Я хотел рассказать, как все произошло, как мальчишки отобрали мяч и смеялись надо мной. Но я задохнулся, я понял, что опять разревусь, и у меня сразу пропали силы. Я забрался наверх и побежал к себе, упал в кровать и уткнулся лицом в подушку.

Вечером я слышал, как перешептывались бабушка с мамой, как вспыхивали слова:

– ... Говорила! ...Что же делать?.. Бог даст...

Но никто не поднялся ко мне, а потом наступила ночь. Смотрела в окно своим черным глазом и чего-то ждала. К моей кровати подползали страхи. Может быть, у меня действительно нет отца? Меня увезли из деревни, чтобы я не узнал об этом? И я никогда его не увижу. Никогда? Я отворачивался к стенке и накрывался одеялом. Я думал, что однажды ночь заберет мою бабушку, потом маму, и я останусь совсем один. «Когда люди умирают, они попадают на небо». Небо так близко днем, но ночь стирает этот рисунок, обнажая зияющую бездну вселенной, в которой мы навсегда теряем друг друга. Вселенная не имеет границ, ее нельзя вообразить, осторожно нащупать сознанием. Она растет, она дышит, она смотрит в окно...

Если бы только отец был рядом! Он бы защитил, объяснил, нашел необходимое слово. А теперь... Нет, лучше уж совсем не появляться на свет, чем жить теперь без него,

– E come mai quella faccia lunga?

– Così.

– Lui non è tuo figlio! Non è tuo figlio! – gridò, straziante, il televisore.

La nonna gli rivolse uno sguardo attento.

– Nonna – chiesi piazzandomi davanti allo schermo – perché ce ne siamo andati dal paese?

– Beh, la gente... Aveva iniziato a chiacchierare... Non avevamo pace... – abbassò la testa e si rimise ad ammorbidire il burro.

Forse avrei dovuto chiederle tutto, ma qualcosa mi trattenne. Forse non volevo sentire l'irreparabile verità. Mi lavai rapidamente le mani, mi pulii con un asciugamano umido e mi avviai verso camera mia. Ero già per le scale quando mamma entrò in casa. Alta, snella, con dei bei capelli biondi. Mi guardò e chiese:

– Che cos'è successo?

– Papà fa davvero lo stagionale? – chiesi io.

Lei guardò la nonna, che scosse la testa in silenzio.

– Che cos'è successo? – ripeté la mamma.

– Quelli mi hanno detto che io non ce l'ho il padre! – mi scappò.

Volevo raccontare come erano andate le cose, che i ragazzi mi avevano preso il pallone e avevano riso di me. Ma mi mancò il respiro, capii che stavo per ricominciare a singhiozzare e mi sentii di nuovo mancare le forze. Salii su, corsi in camera e caddi sul letto, affondando la testa nel cuscino. La sera sentii la mamma e la nonna parlottare a bassa voce e ogni tanto si distinguevano delle parole:

– ... L'avevo detto io!... Che si fa?... Con l'aiuto di Dio...

Però nessuno salì da me e poi calò la notte. Questa guardava dalla finestra con il suo occhio nero e aspettava qualcosa. Striscianti paure avanzavano verso il mio letto. Magari davvero non ho un padre? Mi hanno portato via dal paese per non farmelo scoprire? E non lo vedrò mai. Mai? Mi voltai verso la parete e tirai su la coperta. Pensavo al fatto che a un certo punto la notte sarebbe venuta a portarsi via la nonna, poi la mamma e allora sarei rimasto davvero solo. “Le persone, quando muoiono, vanno in cielo.” Il cielo è così vicino di giorno, ma la notte cancella questo disegno, scoper-

без друзей, в постоянном страхе одиночества и новых потерь!.. Но откуда появлялись письма, подарки?

И тут я вспомнил про мяч. Меня охватил ужас. Неужели они его не принесли? Или оставили на улице, под скамейкой? Я понял, что совсем не усну, пока не узнаю. Я сбросил одеяло, встал, оделся и прокрался к двери, ведущей со второго этажа в сени. Осторожно спустился вниз по холодным ступеням, обулся и выбрался в тонкую, невесомую ночь.

На улице было тихо. Только под стеной амбара заливался сверчок, еле слышно колыхалась трава, шелестели листья, вздрагивали белые простыни на бельевогой веревке. Я посмотрел вверх. Ночь как будто бы отдалилась, в залитом синевой небе горели звезды, темнота больше не обступала меня. Оглядываясь, я обошел двор. Мяча нигде не было. Тогда я решил выйти на улицу и повернул к воротам. Щеколда медленно поднялась. Слабый свет уличного фонаря раскинул на земле веер. Во двор вошел человек. Он стоял весь в сером, через плечо бежала тонкая желтоватая лямка. Лицо казалось худым, белым. Он посмотрел на меня и улыбнулся приветливо и печально.

– Здравствуй, сын, – сказал он.

– Папка! – крикнул я. – Папка! – и бросился к нему навстречу.

Он поймал меня, поднял на руки и крепко прижал к себе:

– Сын!

– Папка...

chiando l'abisso senza fondo dell'universo, nel quale perdiamo le persone per sempre. L'universo non ha confini, non lo si può immaginare, la coscienza non può sondarlo attentamente. L'universo cresce, respira, guarda dalla finestra...

Se solo mio padre fosse qui vicino! Lui mi proteggerebbe, mi spiegherebbe le cose, troverebbe le parole giuste. Ma ora... No, meglio non venirci proprio al mondo, che vivere senza di lui, senza amici, nella paura costante della solitudine e di altre perdite!... Ma da dove venivano le lettere, i regali?

A quel punto mi ricordai del pallone. Mi colse una paura. Possibile che non me l'avessero riportato? Oppure l'avevano lasciato per strada sotto la panchina? Mi resi conto che non avrei preso sonno finché non l'avessi scoperto. Mi strappai la coperta di dosso, mi alzai, mi vestii e andai in punta di piedi verso la porta che dal primo piano conduceva all'ingresso. Scesi i freddi gradini con attenzione, mi misi le scarpe e scivolai nella notte lieve e sottile.

La strada era silenziosa. Solo un grillo cantava verso il muro del granaio, l'erba ondeggiava appena, frusciano le foglie e le bianche lenzuola sussultavano appese al filo. Guardai in alto. Sembrava che la notte si fosse fatta da parte, nel cielo inondato di azzurro splendevano le stelle, l'oscurità aveva smesso di avvolgermi. Feci il giro del cortile, guardandomi intorno. Il pallone non era da nessuna parte. Allora decisi di andare in strada e mi voltai verso il cancello. Il chiavistello si sollevò lentamente. Il debole lampione della strada proiettò per terra un ventaglio di luce. Nel cortile entrò una persona.

Era vestito di grigio e sulla spalla aveva una sottile tracolla gialla. Il viso sembrava asciutto, pallido. Mi guardò e mi rivolse un sorriso radioso e addolorato insieme.

– Ciao figliolo – disse.

– Papà! – gridai. – Papà! – e mi lanciai verso di lui.

Mi prese, mi sollevò fra le braccia e mi strinse a lui.

– Figlio mio!

– Papà...

Отзыв о рассказе

Андрей Игнатьев в литературном деле не новичок. Принимал участие в форумах молодых писателей, участвовал во многих литературных конкурсах, получал стипендию от Министерства культуры РФ. Сейчас живет в городе Снежинске, сотрудничает с городскими литературными объединениями.

Рассказ «Когда-нибудь я встречу отца...» демонстрирует уверенный писательский почерк: здесь и смещение различных временных планов, и целый ряд удачно найденных деталей, и загадочная концовка, заставляющая читателя ломать голову «приснилось – не приснилось», действительно ли это отец или случайный гость. Вариантов много, и читатель может выбрать тот, который ему покажется наиболее точным. Мне, например, хочется верить, что мальчик действительно встретил отца, вернувшегося из тюрьмы, скорее всего (худое бледное лицо, скудный багаж, долгое путешествие пешком), что и объясняет загадочное молчание близких, отъезд из родной деревни подальше от пересудов. Но теперь у юного повествователя все будет хорошо.

Уверена, что и у молодого писателя Андрея Игнатьева тоже.

Нина Литвинец

Nota critica

Andrej Ignat'ev non è un dilettante della letteratura. Ha partecipato ai Forum dei Giovani Scrittori, a svariati concorsi letterari e ha usufruito di una borsa di studio del Ministero della Cultura della Federazione Russa.

Attualmente vive a Snežinsk, collaborando con le associazioni letterarie locali. Il racconto *Un giorno incontrerò mio padre* dà prova di uno stile letterario disinvolto: sue caratteristiche sono la sovrapposizione di diversi piani temporali, un'intera trama di dettagli fotografati con efficacia e il finale enigmatico, che pone il lettore di fronte al rompicapo: "È sogno o realtà?", e se si tratti effettivamente del padre o di un ospite capitato lì per caso. Le possibilità sono molteplici e sta al lettore scegliere quella che preferisce. A me, ad esempio, piace pensare che il ragazzo abbia davvero incontrato suo padre, molto probabilmente ritornato dalla galera (il volto magro e pallido, i pochi bagagli, il lungo viaggio a piedi), il che spiegherebbe anche il misterioso silenzio dei familiari e l'allontanamento dal paese di origine e dalle sue maldicenze. Ma adesso andrà tutto bene per il giovane narratore. Sono sicura che per il giovane scrittore Andrej Ignat'ev sarà lo stesso.

Nina Litvinec

Биография

Андрей Игнатьев родился в г. Ижевск в 1985 году. Окончил Ижевский Государственный Университет, в настоящее время живет в г. Снежинск. Принимал участие в Форумах молодых писателей РФ, стран СНГ и зарубежья, стипендиат Министерства Культуры РФ. Входил в лонг-листы литературных конкурсов «Волошинский сентябрь», «Золотой Витязь» и др. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Традиция & Авангард», сборнике «Новые писатели».

Biografia

Andrej Ignat'ev è nato nel 1985 a Iževsk, laureandosi presso la locale Università Statale. Attualmente risiede a Snežinsk. Ha partecipato ai Forum dei Giovani Scrittori della Federazione Russa, dei Paesi CSI ed esteri ed è assegnista presso il Ministero della Cultura russo. È stato inserito nella *long list* di vari concorsi letterari, fra cui Vološinskij Sentjabr' e Zolotoj Vitjaz'. Sue opere sono state pubblicate sulle riviste "Sibirskie Ogni", "Tradicija & Avantgarde" e nella raccolta *Nuovi scrittori*.

Анастасия Терентьева

Перевод на итальянский язык Мартины Наполитано

Anastasija Terent'eva

Traduzione in italiano di Martina Napolitano

ВАРЕНЬКА

За шестьдесят восемь лет Инна Викторовна видела много чудовищ. Но впервые, — заметила она с каким-то острым, болезненным удивлением, — они были не людьми, а пустотой.

Недавно купленная коляска из прихожей исчезла. И детские ботиночки, дамский плащ — тоже.

Она повернула ключ в замке и постояла в коридоре, помаялась. Прислушалась и пошла на кухню. Заварила кружку темно-янтарного чая с лимоном. Попивая его со вчерашним пряником, все время была начеку: не долетит ли отголосок из-под чужих дверей? Но те не открылись, даже когда чай остыл, и вода загремела, как водопад, в старой мойке. Помыв посуду, Инна Викторовна ушла к себе.

Но сначала все-таки остановилась и, борясь с воспитанием, подергала дверные ручки. Закрыто.

«Я Вам, Инна Викторовна, добра желаю!»

По стенам развешаны фотографии — с желтизной и выцветшие, как память.

Вот родители. Она — из-под Гдова, он — ленинградец, и счастливы оба от того, что встретились, невзирая на расстояние, в коридорах педагогического.

Тут юбилей деда запечатлели. За семейным столом собиралась только одна родня, отцовская.

С этой, особенно береженной, улыбается мальчонка в матросской фуражке. Во рту щербинка — за день до снимка выпал молочный зуб. Под стекло вложен клочок бумаги, и поблекли, помертвели выведенные маминой рукой слова: «Моглино, 43». Весной сорок первого братишку увезли под Гдов, в Заборовье к тете Майе, а потом война началась.

VAREN'KA

In sessantotto anni Inna Viktorovna ne aveva viste molte di mostruosità. Tuttavia, questa era la prima volta – osservava con un certo stupore acuto, dolente – che non si trattava di persone, ma del vuoto.

Il passeggino acquistato da poco era scomparso dall'ingresso. E così anche le scarpine da bimba, il soprabito da signora.

Girò la chiave nella serratura e rimase in corridoio qualche tempo, struggendosi. Stette un po' ad ascoltare e andò in cucina. Si preparò una tazza di tè ambrato scuro con il limone. Sorseggiandolo con un boccone di panforte del giorno prima, tendeva l'orecchio a qualche rumore che scivolasse da sotto le porte delle stanze non sue. Ma quelle restarono serrate, anche quando il tè si fece freddo e l'acqua scrosciò come una cascata nel vecchio lavello. Lavate le stoviglie, Inna Viktorovna se ne andò in camera. Prima, tuttavia, si fermò comunque e, lottando contro la propria buona educazione, provò le maniglie delle porte.

Chiuso.

“Le auguro, Inna Viktorovna, ogni bene!”

Alle pareti stavano appese alcune fotografie, ingiallite e scolorite come la memoria.

Ecco i suoi genitori. Lei originaria della regione di Gdov, lui leningradese; entrambi felici di essersi incontrati, nonostante la distanza, nei corridoi dell'istituto pedagogico.

Qui avevano immortalato il compleanno del nonno. Alla tavola di famiglia si era radunato solo un ramo di parenti, quello paterno.

Da una fotografia conservata con particolare cura sorrideva un ragazzino, in testa un berretto da marinaio. Gli mancava un dente: il giorno prima dello scatto gliene era caduto uno da latte. Sotto al vetro era stato posto un biglietto; le parole riportate dalla mano della mamma erano sbiadite, sfiorite: “Moglino, 43”. Nella primavera del quarantuno avevano portato il fratellino dalla zia Maja a Zaborov'e, non lontano da Gdov. Poi era iniziata la guerra. Lo raccontava la mamma a Inna Viktorovna ogni anno, nell'atto di sostituire quel foglietto con uno

Инне Викторовне так мать рассказывала каждый год, когда меняла этот листочек на свежий, с жирно обведенными буквами. Будто название забыть боялась... И плакала, потому что ни Петеньку, ни тетю Майю больше не увидела. В Моглино или к Гдову так и не съездили за всю жизнь — больно, будто ножом по сердцу.

Вот отец на рабочем месте: после войны трамвай водил.

Здесь уже Михаил, муж покойный. И Варечка...

Взгляд скользил по снимкам, лаская померкшие лица. Инна Викторовна щурилась сквозь очки. А тут вдруг отвернулась, и перед глазами все вкось пошло, расплылось. С дочкой все было не как у людей.

Михаил на заводе пропадал, она — у классной доски. Он делал вещи красивые до онемения, она всю душу, страсть и чаяния в чужих детей вкладывала. А в свою, видать, не доложила. Не хватило Варьке ни любви материнской, ни отцовской строгости. Всегда себе на уме была, скрытничала. Училище бросила, стала под локоток с преподавателем гулять. К свадьбе готовились.

Потом с женатым командировочным спуталась, бросила учителя и в Москву уехала. В тот год Инна Викторовна на нее жутко накричала, и из Москвы в петербургскую коммуналку не звонили до сих пор. А из Петербурга всего один раз набрали. Два года назад, когда у Инны Викторовны сердце по-особенному забарахлило. Ветер носил тополиный пух; Фонтанка лениво текла в горячем, как костер, граните; поднебесная бирюза, охваченная взглядом из окна, сливалась с густой лазурью Троицких куполов. Двенадцать шагов до телефона. Полчаса до «Скорой». И до боли в груди долгий, до пересохшего горла страшный, до рыдания (казалось ведь, что последний!) неудачный звонок в Москву.

Трубку не сняли.

Инна Викторовна только в больнице вспомнила, болезненно переживая те гудки, как Варенька мечтала не случившийся медовый месяц провести в июне.

Может быть, замуж вышла? А детки есть? Или все так, пустое? К разлучницам любовь-то не мила...

Фонтанку все так же влекло в объятия Финского, а облака нежили купола и кроны. Все

nuovo, dove spiccavano le lettere ripassate più volte. Come se temesse di dimenticarne il nome... E piangeva, perché non aveva più rivisto né Peten'ka, né la zia Maja. A Moglino o dalle parti di Gdov non erano mai più andati: faceva male come un coltello piantato nel cuore.

Ecco il papà al lavoro: dopo la guerra guidava i tram.

E qui c'era già Michail, il marito defunto. E Varečka...

Lo sguardo scivolava sulle fotografie, accarezzandone i volti spenti. Inna Viktorovna strizzava gli occhi attraverso gli occhiali. Poi improvvisamente scostò lo sguardo e davanti agli occhi tutto si confuse, svaporò. Con sua figlia era andato tutto storto.

Michail era sempre in fabbrica, lei in classe accanto alla lavagna. Lui faceva cose belle da togliere il fiato, lei riponeva tutta l'anima, la passione e le aspirazioni nei figli degli altri. Ma non nella sua, a quanto pare. A Var'ka erano mancati sia l'amore materno che la severità paterna. Stava sempre sulle sue, non si apriva. Lasciò la scuola, iniziò ad andare a braccetto con un professore. Si apprestavano a sposarsi.

Poi si perse per un uomo sposato, capitato in città per lavoro. Lasciò il professore e se ne andò a Mosca. Quell'anno Inna Viktorovna sbraitò incollerita contro la figlia e da quel momento nella *kommunalka* pietroburghese non giunsero più telefonate da Mosca. Dall'altra parte, da Pietroburgo, il numero era stato composto una sola volta. Due anni prima, quando a Inna Viktorovna il cuore aveva preso a fare dei capricci inconsueti. Il vento portava con sé la lanugine dei pioppi; la Fontanka scorreva pigramente nel granito rovente come il fuoco; il turchese del cielo, catturato dallo sguardo alla finestra, si fondeva con l'azzurro denso delle cupole della Trinità. Dodici passi al telefono. Mezz'ora all'ambulanza. E un telefono che a Mosca continuava a squillare, così a lungo da far male al petto: terribili da seccare la gola, inutili fino alle lacrime, quelli che sembravano gli ultimi squilli.

La cornetta non fu sollevata.

Inna Viktorovna solo una volta in ospedale ricordò, rivivendo dolorosamente quegli squilli, che Varen'ka sognava di trascorrere in giugno quella sua luna di miele, poi non concretizzatasi.

Forse si era sposata? Aveva dei figli? O c'era ancora solo il vuoto attorno a lei? Con le sfascia-famiglie l'amore non è benevolo...

La Fontanka era ancora avvinta nell'abbraccio del golfo di Finlandia, le nuvole blandivano le cupole e le chiome degli alberi. Sotto il vetro sfioriva ancora il foglietto "Moglino, 43" e tra le pagine del taccuino il numero

так же под стеклом мертвел листочек «Моглино, 43», а меж страниц записной книжки — московский номер и раз сто обведенное «Варенька»... Но сейчас Инне Викторовне особенно тяжело аукалось невозвратное.

«Я Вам, Инна Викторовна, добра желаю!»

Год назад умер ее дружок — соседка Лилия Игоревна. Аж с Мишиной смерти они жили вдвоем, душа в душу. По утрам чай пили, днем по своим углам расходились, вечером снова вместе. Иногда к Лиличке приезжал внук. Инну Викторовну никто не проводывал. В тени потери она не задумывалась, чем эта смерть аукнется. Но время притупило боль, прошли поминки, высохли слезы, и на пороге вырос Никитка, внук. Со своим Планом.

«Я вам, Инна Викторовна, добра желаю!»

Никита был гордостью Лилички и выглядел очень важно. Есть ведь люди, которым обязательно носить костюм, чтобы смотреться по-деловому.

Он позвал ее на кухню и разложил по столу договора. У Инны Викторовны голова кругом пошла от пунктов и параграфов, а Никитка ими жонглировал легко, словно красуясь перед девицей.

Оказалось, он на квартиру покупателя нашел. Первый этаж — переведут в нежилой фонд, салон красоты устроят. Две комнаты ему от бабки отошли, а третья у Инны Викторовны в собственности. Но она не откажет своему человеку, продаст? Чего одной сидеть? У нее дочка в Москве. И родственники... Где же... Фотография... В Могилево?

«В Моглино, — машинально поправила Инна Викторовна. — Только не все».

«Вот к ним и переедете! — просиял Никита. — Они обрадуются! Что, по рукам? Девятьсот тысяч, — он написал цифру и дважды обвел, — за Вашу комнатку в самый раз».

То, что здесь скоро рассядутся парикмахеры, и к ним поспешат покрашенные дамочки, никак не укладывалось ни в голове, ни в кухне. А в лиличкиной гостиной, где на окне зеленым-зелено от фиалок и огненно-ярко от бархатцев, ногти начнут красить. В ее

moscovita e quel nome ricalcato un centinaio di volte: “Varen’ka”... Ma ora nell’animo di Inna Viktorovna l’irreversibile riecheggiava in maniera particolarmente insopportabile.
“Le auguro, Inna Viktorovna, ogni bene!”

L’anno prima era morta la sua amica, la vicina Lilija Igorevna. Fin dalla morte del marito Miša avevano vissuto insieme, d’amore e d’accordo. Alla mattina bevevano il tè, durante il giorno ognuna sbrigava le proprie faccende, la sera erano di nuovo insieme. Talvolta il nipote di Lilička veniva a trovarla. Inna Viktorovna non riceveva mai visite.

All’ombra del lutto non le era venuto di ragionare sui possibili echi di quella perdita. Il tempo però aveva lenito il dolore, si era fatto il funerale, le lacrime si erano asciugate e sulla soglia di casa era comparso Nikitka, il nipote. Con il suo Piano.

“Le auguro, Inna Viktorovna, ogni bene!”

Nikita era l’orgoglio di Lilička e aveva l’aria da persona importante. Esistono infatti alcuni individui a cui non serve la giacca per apparire uomini d’affari.

La chiamò in cucina e sparse sul tavolo alcuni contratti. A Inna Viktorovna prese a girare la testa per tutti quei punti e paragrafi, mentre Nikitka si destreggiava tra di essi con facilità, come fosse impegnato a pavoneggiarsi davanti a una ragazza.

Venne fuori che aveva trovato un acquirente per l’appartamentino al piano terra: sarebbe stato convertito in immobile ad uso commerciale, vi avrebbero aperto un salone di bellezza. Due camere le aveva ereditate dalla nonna, la terza era di proprietà di Inna Viktorovna. Che non avrebbe mica detto di no a una persona amica, l’avrebbe venduta, no? Che senso aveva star lì da sola? Aveva una figlia a Mosca. E dei parenti... Dove stava... La fotografia... A Mortlino?

“A Moglino” corresse meccanicamente Inna Viktorovna. “Ma non tutti”.

“Ecco, andate a stare da loro!” esclamò raggiante Nikita. “Saranno felicissimi! Allora, siamo d’accordo? No-vecentomila” scrisse la cifra e la ricalcò due volte “precisi per la vostra stanza”.

L’idea che presto lì si sarebbero sistemati dei parrucchieri e che da loro sarebbero accorse delle signorine in-

собственной, где с Мишей жили, Варенька уроки делала, а на стенах вся семейная память... Господи, что там-то будет?!

Никита наморщил нос: «Понятия не имею. Может солярий сделают».

Инна Викторовна вдруг ясно увидела Петеньку, маму и каждый раз так горько выплывающее «Моглино, 43», будто прямо в голове нарисовали. И повторила про себя: «Солярий...»

Она не любила спорить и уже много лет после смерти Миши ни с кем не шла на конфликт. Но Никите, сжав кулаки до ломоты, отказала.

Он, конечно, взорвался, как баллон с газом. Кипел и горел, бумагами потрясал и раз двадцать повторил про девятьсот — с придыханием, страстью, гневом! Не убедил.

Тогда пообещал, что своего добьется и если не салон красоты, то жильцов вселит — она помешать не сможет.

«Я Вам, Инна Викторовна, добра желаю!»

Первым стал Игорь, студент мединститута.

Он бросал грязные кроссовки посреди коридора, не мыл тарелки и прожил с нею, пока не «вылетел». Следующим был безработный Александр Сергеевич. С ним все два месяца приходилось тяжело, напивался по-черному. Когда выбил окно и орал на нее белугой, соседи вызвали полицию, и Александра Сергеевича увезли. Вернулся он через день, неделю хмурый ходил да тихий. Потом исчез со своими вещами и чужим полотенцем. Инна Викторовна перевела дух.

Третьей стала Леночка. С Варюшей.

Скрипнула соседская дверь, зашлепали босые ножки по линолеуму. Инна Викторовна пила чай в кухне и гадала, кто ее новые соседи. С собачкой, что ли? И вдруг в дверном проеме увидела ребенка. Онемела.

А Варюша (но тогда, конечно, она не знала имени) засмущалась.

cipriate non trovava spazio né in testa, né in cucina. E nel salotto di Lilička, dove alla finestra le viole coloravano tutto di un verde intenso e i garofani indiani di un rosso fuoco, avrebbero iniziato a pitturare le unghie. Nel suo salotto, dove avevano vissuto lei e Miša, dove Varen'ka aveva fatto i compiti, dove alle pareti stava appesa tutta la memoria di famiglia... Oh, Signore, cosa ci sarebbe stato lì?!

Nikita corrugò il naso: “Non ne ho idea. Forse faranno un solarium”.

D'improvviso davanti agli occhi di Inna Viktorovna si pararono, come fossero stati disegnati direttamente nella sua testa, Peten'ka, la mamma e quel “Mogliino, 43” tante volte amaramente pianto. E ripeté tra sé e sé: “Un solarium...”.

Non amava discutere e, dopo la morte di Miša, già da molti anni non entrava in conflitto con nessuno. Ma a Nikita, serrati i pugni fino a farsi male, disse di no.

Lui, chiaramente, scoppiò come una bombola di gas. Bolliva e avvampava, scuoteva le carte e una ventina di volte ripeté dei novecentomila rubli, con trepidazione, impeto, rabbia! Non la convinse.

Allora promise che avrebbe ottenuto ciò che voleva e, se non un salone di bellezza, vi avrebbe insediato degli inquilini: lei non avrebbe potuto impedirglielo.

“Le auguro, Inna Viktorovna, ogni bene!”

Il primo fu Igor', studente dell'istituto di medicina.

Lasciava le scarpe da ginnastica sporche in mezzo al corridoio, non lavava i piatti e visse con lei finché non se ne “volò via”. Dopo venne Aleksandr Sergeevič, disoccupato. I due mesi con lui furono duri, beveva forte. Quando sfondò la finestra e si mise a urlare da lì come un pazzo, i vicini chiamarono gli agenti della polizia e Aleksandr Sergeevič se ne andò con loro. Tornò il giorno dopo; per una settimana girò cupo e silenzioso. Quindi scomparve con le sue cose portandosi via un asciugamano non suo. Inna Viktorovna tirò un sospiro di sollievo.

La terza fu Lenočka. Con Varjuša.

La porta accanto scricchiolò, dei piedini scalzi picchiettarono sul linoleum. Inna Viktorovna stava bevendo il tè e si domandava chi fossero i nuovi inquilini. Avevano un cagnolino, forse?

Карие глазки, пухлые щеки и рот ангелочка, яркая резинка на русых волосиках и высокий лоб... Инна Викторовна так давно не видела детей – близко, а не издали у качелей, — что теперь смотрела с любопытством, жадностью... И не знала, что говорить.

Да говорить ли? Не испугает?

Девочка спряталась за дверью и выглядывала, улыбалась. Инна Викторовна помахала рукой — та ножкой топнула.

Опять скрипнули несмазанные петли.

«Варя! – от женского голоса Инну Викторовну озноб пробрал: протяжно аукнулось в груди имя. – Ну, кто разрешил!»

Миловидная блондинка подхватила Варюшу, заглянула в кухню и солнечно улыбнулась: «Инна Викторовна? Я — Лена, а вот Варя. Мы у Никиты Палыча снимаем».

«Я Вам, Инна Викторовна...»

За три месяца Варюша вошла в ее жизнь и заполнила без остатка. Как дочка, давно уехавшая в Москву, как внучка, которой не было; как яркий-яркий сполох бесконечной нежности. Инна Викторовна отводила Варюшу в садик, когда визажист Леночка собиралась на работу, забирала домой и водила гулять по выходным. Показывала ей купола, Фонтанку и Аничков мост — каменных скакунов девочка полюбила и часто просила сводить к лошадкам. К Новому году Инна Викторовна хотела купить детский билет на елку в бывший Дворец Пионеров: помнила, как сияли глаза у ее Варечки после тамошних чудес...

Только Варюша, в отличие от Варечки, уставала быстро. Дома Инна Викторовна часто находила ее сидящей на корточках, с посиневшими кончиками пальцев. Лена сначала отнекивалась, не хотела своей бедой чужую голову забивать. Потом призналась и целый ворох белых справок показала: они с Варюшей ждали квоту в больницу, и вся надежда была на связи бывшего мужа. Лена-то из Хабаровска, прописки нет, квоты чужим не

E improvvisamente sulla soglia della porta socchiusa vide una bambina. Restò pietrificata.

E Varjuša (ma allora, chiaramente, non conosceva il suo nome) si intimidì.

Gli occhietti castani, le guanciotte piene e la bocca da angioletto, l'elastico colorato sui capelli biondo scuro e la fronte alta... Inna Viktorovna non vedeva bambini da così tanto tempo – da vicino, e non da lontano sull'altalena – che ora guardava la bimba con curiosità, con bramosia... e non sapeva cosa dire.

Era il caso di parlare? Non l'avrebbe spaventata?

La bimba si nascose dietro la porta e prese a sbirciare, sorridente. Inna Viktorovna la salutò con la mano, lei batté i piedini.

Di nuovo cigolarono i cardini non oliati della porta.

“Varja!” Inna Viktorovna restò trafitta da quella voce femminile: il nome le riecheggiò a lungo nel petto. “Ma chi ti ha dato il permesso!”.

Una graziosa biondina afferrò Varjuša, gettò uno sguardo in cucina e sorrise gioviale: “Inna Viktorovna? Io sono Lena, e questa è Varja. Siamo in affitto da Nikita Palyč”.

“Le auguro, Inna Viktorovna...”

In tre mesi Varjuša entrò nella sua vita e la riempì totalmente. Come una figlia da tempo scappata a Mosca, come una nipotina mai avuta; come una spia rossa accesa di tenerezza infinita. Inna Viktorovna accompagnava Varjuša all'asilo quando Lenočka, che faceva la truccatrice, andava al lavoro, la riaccompagnava a casa e la portava a passeggio nei fine settimana. Le mostrava le cupole, la Fontanka e il ponte Aničkov; alla bambina piacevano i cavalli di pietra del ponte e spesso chiedeva che la portasse da loro. Per Capodanno Inna Viktorovna voleva comprarle un biglietto per lo spettacolo della Ėlka, il tradizionale abete addobbato a festa, al vecchio Palazzo dei Pionieri: si ricordava come brillavano gli occhi della sua Varečka dopo quelle meraviglie...

Soltanto che Varjuša, a differenza di Varečka, si stancava in fretta. A casa Inna Viktorovna la trovava spesso accovacciata, con le punte delle dita cianotiche. All'inizio Lena negava, non voleva condividere con estranei il suo dramma personale. Poi ammise la verità e le mostrò un'intera pila di bianchi referti: lei e Varjuša erano

положены. А платно — дорого. Иначе бы Варюшу уже ждали в Израиле, где обещали удачную операцию.

Лена гладила девочку по голове и смотрела не на Инну Викторовну, а в сторону. Всегда отводила взгляд, когда речь заходила о дочкиной слабости. Варюша мяла застиранные до серости уши плюшевого зайца, терла синеватые пальчики и улыбалась.

«... Добра желаю...»

Уже неделя как подписан договор продажи, и ровно столько же Никита оставил ей на выезд. Через месяц после того, как Инна Викторовна получит деньги, Варюша должна полететь в Израиль.

Но недавно купленная коляска из прихожей исчезла. И детские ботиночки, дамский плащ — тоже. Двери заперты.

Два дня она ждала и надеялась, что Леночка с Варюшей к папе уехали или квоты дождались. Потом позвонила в больницу, и надежды развеялись, как дым, — там про таких не слышали.

«Я Вам, Инна Викторовна, добра желаю!»

Никита по телефону чуть ли не божился: «Что вы, я комнату никому не сдавал! Я ж Вам добра желаю!», но по голосу слышно было, что врет. Только ничем в обмане его уже не уличить. И незачем.

В закрытых комнатах мерли бархатцы и фиалки; пустота окружала ее, как враг. Инна Викторовна стала вещи собирать, полы мыть, и за тумбочкой в прихожей нашла баночку с тенями, истраченными ровно наполовину. Пальцы посинели точь-в-точь как у Варюши.

Тоскливо стало, как от дождей осенью.

И больно сердцу, как два года тому в больнице...

in lista d'attesa all'ospedale e ogni speranza era riposta nelle conoscenze dell'ex marito. Lena era di Chabarovsk, viveva lì senza registrazione e pertanto non aveva diritto all'assistenza sanitaria gratuita. E a pagamento era costoso. Ci fossero stati i soldi, Varjuša già l'aspettavano in Israele per un'operazione con buone probabilità di successo – così le avevano detto.

Lena accarezzava la bimba sulla testa e non guardava dritto Inna Viktorovna, ma in tralice. Girava sempre lo sguardo quando si parlava della fragilità della figlia. Varjuša stringeva le orecchie slavate e ormai grigie del coniglio di peluche, sfregava le piccole dita bluastre e sorrideva.

“... Ogni bene...”

Dalla firma del contratto di vendita era trascorsa già una settimana, esattamente il tempo che Nikita le aveva concesso per lasciare l'appartamento. Inna Viktorovna avrebbe ricevuto i soldi e dopo un mese Varjuša sarebbe dovuta volare in Israele.

Tuttavia, il passeggino acquistato da poco era scomparso dall'ingresso. E così anche le scarpine da bimba, il soprabito da signora. Le porte erano chiuse.

Per due giorni aveva atteso e sperato che Lenočka e Varjuša fossero andate dal padre o che fosse giunto il loro turno in lista d'attesa. Poi chiamò in ospedale e le speranze si dissiparono come fumo: non sapevano chi fossero.

“Le auguro, Inna Viktorovna, ogni bene!”

Nikita al telefono per poco non invocò tutti i santi a testimoni: “Cosa dite, non ho dato a nessuno la camera! Le auguro ogni bene!”, ma dalla voce si sentiva che mentiva. Soltanto, non c'era modo di smascherarlo. E non aveva nemmeno senso farlo.

Nelle stanze chiuse sfiorivano i garofani indiani e le viole; il vuoto l'accerchiava come un nemico. Inna Viktorovna cominciò a raccogliere le sue cose, a pulire i pavimenti e sotto la cassettiera nell'ingresso trovò un vasetto di ombretto utilizzato giusto a metà. Le dita le si fecero blu, tali e quali a quelle di Varjuša.

L'aria divenne pesante, come d'autunno quando piove senza sosta.

E le prese il dolore al cuore, come due anni prima in ospedale...

Двенадцать шагов до телефона. Полчаса до «скорой». В горле сухо, жестко, и руки опять дрожат. Июнь за окном раскален до боли.

А купола, как встарь, плывут над Петербургом в небесной сини.

И голос в трубке — помилуй...

Варенька?..

Dodici passi al telefono. Mezz'ora all'ambulanza. La gola – una cavità secca, ruvida; di nuovo il tremore alle mani. Giugno fuori dalla finestra brucia da scottare.

E le cupole, come un tempo, galleggiano nel blu del cielo sopra Pietroburgo.

E una voce al telefono – ti prego...

Varen'ka?...

Отзыв о рассказе

С первых слов рассказа понимаешь, что лейтмотивом здесь будет сплетение двух линий: одиночества и детства. Из прихожей коммунальной квартиры, в которой живет героиня, исчезают привычные для нее детские ботиночки и коляска. Очевидно, что эта тема опасна, с ней нужно работать осторожно, ведь это прямой путь к чрезвычайно сентиментальной реакции читателя, а легкие слезы – это завеса, за которой не разглядишь главного.

Анастасия Терентьева кратко и живо пишет об одинокой женщине, прислушивающейся к тишине в надежде услышать голос ребенка: «Она повернула ключ в замке и постояла в коридоре, помаялась. Прислушалась и пошла на кухню. Заварила кружку темно-янтарного чая с лимоном. Попивая его со вчерашним пряником, все время была начеку: не долетит ли отголосок из-под чужих дверей? Но те не открылись, даже когда чай остыл, и вода загремела, как водопад, в старой мойке. Помыв посуду, Инна Викторовна ушла к себе».

Основа сюжета проста, если не стандартна для Петербурга последних десятилетий: вот-вот случится расселение старой квартиры по причине смерти стариков, и оставшейся в живых одинокой героине придется навсегда расстаться с домом. Такая навязанная сверху разлука с домом приобретает особенно пронзительное звучание в русской литературе последних десятилетий, но если, скажем, в «Прощании с Матерой» на дом человека наступает стихия, организованная техническим прогрессом, то здесь эту функцию выполняет просто человек. Одиночество, любовь к чужому ребенку, девочке, которую зовут так же, как и ее потерянную дочь, это хитро организованный и подброшенный ей сюжет, который по замыслу героя-злодея должен ее если не убить, то свести с ума.

Автор пишет сильно и талантливо, умело уходя от ожидаемой жалостливости в сторону иного, более сильного течения. Есть горе, посланное свыше. Есть катастрофа войны, в которой гибнут дети. Но есть и простое, обыденное зло, сила которого сосредоточена в руках одного человека, который сам, без помощи высших сил и армий, добровольно и изобретательно уничтожает другого.

В рассказе «Варенька», особенно ближе к финалу, читается авторский принцип недосказанности и загадочности, который здесь выглядит очень уместным, поскольку он мобилизует читателя, заставляет его не только чувствовать блистательно переданную боль героини, но и попытаться расшифровать реплику злодея: «я вам добра желаю», так часто мысленно ею повторяемую.

Елена Пастернак

Nota critica

Fin dalle prime battute del racconto si evince che il *leitmotif* sarà l'intreccio di due linee tematiche: la solitudine e l'infanzia. Dall'ingresso della *kommunalka* dove vive la protagonista scompaiono le scarpine da bimba e il passeggino che la donna si era abituata a vedere. È evidente che questo è un tema pericoloso, su cui è necessario lavorare con attenzione: potrebbe evocare una reazione eccessivamente sentimentale nel lettore e le lacrime facili sono una cortina dietro cui inevitabilmente finisce per nascondersi ciò che è fondamentale. Con concisione e immediatezza Anastasija Terent'eva scrive di una donna sola che tende l'orecchio al silenzio, nella speranza di cogliere la voce di una bimba: «Girò la chiave nella serratura e rimase in corridoio qualche tempo, struggendosi. Stette un po' ad ascoltare e andò in cucina. Si preparò una tazza di tè ambrato scuro con il limone».

La base su cui poggia la trama è semplice, addirittura si potrebbe dire canonica per la Pietroburgo degli ultimi decenni: venuti a mancare gli anziani, si assiste allo svuotamento del vecchio appartamento in coabitazione e la protagonista, rimasta sola in vita, si ritrova a dover lasciare per sempre la propria casa. Questa separazione dalla casa imposta dall'alto acquisisce un'eco particolarmente penetrante nella letteratura russa degli ultimi decenni. Tuttavia, se, ad esempio, in *Addio a Matëra* di Valentin Rasputin sulla casa dell'uomo sono le forze naturali, aizzate dal progresso della tecnica, ad agire, qui questa funzione è svolta direttamente dall'uomo. La solitudine, l'affetto verso la figlia altrui che porta giusto il nome della propria, ormai perduta, costituiscono un soggetto accuratamente elaborato e preparato per la protagonista dall'eroe cattivo del racconto; secondo i suoi piani, questo deve, se non ucciderla, portarla alla follia.

L'autrice scrive con potenza e talento, evita abilmente la commiserazione che ci si aspetterebbe e imbocca una direzione diversa, più forte. Nel testo troviamo il dolore arrecato dall'alto. Troviamo la tragedia della guerra, dove muoiono i bambini. Troviamo però anche il male semplice, banale, la cui forza è concentrata nelle mani di una sola persona che, da sé, senza l'aiuto di poteri superiori ed eserciti, volontariamente e con propria inventiva, annienta l'altro.

Nel racconto *Varen'ka*, in particolare avvicinandosi alla fine, si delinea il principio narrativo dell'autrice: attenersi a vaghezza e mistero. Questo approccio risulta assai adatto al testo, poiché il lettore viene coinvolto e ridestato: è costretto non solo a sentire la sofferenza, resa straordinariamente, della protagonista, ma anche a tentare di decifrare la frase dell'eroe cattivo, «*Le auguro ogni bene*», così tante volte ripetuta da lei tra sé e sé.

Elena Pasternak

Биография

Анастасия Терентьева родилась в Санкт-Петербурге. В 2007 году стала участницей Второго Совещания юных литературных дарований в Литературном институте им. А.М. Горького. В 2016 г. окончила Северо-Западный институт печати СПГУТД (теперь — Высшая школа печати и медиатехнологий) по специальности «издательское дело и редактирование». В настоящее время работает в сфере рекламы и пишет «для души».

Biografia

Anastasija Terent'eva è nata a San Pietroburgo. Nel 2007 ha partecipato al Secondo Convegno dei giovani talenti letterari, organizzato dall'Istituto Letterario Gor'kij di Mosca. Nel 2016 si è laureata in Editoria e revisione editoriale presso l'Istituto Nord-Occidentale per la Stampa SPGUTA (ora, Scuola Superiore per la stampa e le tecnologie media). Al momento lavora nel mondo della pubblicità e scrive “per l'anima”.

Галина Узрютова

Перевод на итальянский язык Мартины Морабито

Galina Uzrjutova

Traduzione in italiano di Martina Morabito

МОРЕ БЕЗ ЛЮДЕЙ

Таню на улице видели только два раза в неделю – когда она вела бабу Машу на рынок с пустой тележкой и когда вела ее обратно, довольную, с тележкой полной. Рядом с широкой двухметровой фигурой бабушки внучка уменьшалась с каждым шагом, все меньше было и лето.

– Тань, ты сегодня выйдешь? – кричали подруги с качелей.

– Нет, – отвечала баба Маша и доставала огромные железные ключи из кармана халата.

Они исчезли в доме и замелькали в окнах. Дети, съехавшиеся в южный двор на каникулы, бегали к окну и наблюдали. Таня чистит картошку. Таня несет бабушке чай. Таня вытирает пыль. Таня гладит. Таня стирает. Таня подходит к окну, и все разбегаются.

– Бабушка, можно я гулять пойду? Я все сделала!

– А ягоды кто чистить будет на варенье?

Весь вечер во дворе пахло новым клубничным вареньем. Закрыв последнюю банку, баба Маша подошла к зеркалу и долго рассматривала свое крупное лицо. Никакого любопытства она не испытывала, просто хотела убедиться, что живет. Зашла на кухню. Единственное дело, которое она не доверяла Тане, – мыть посуду. Ей нравилось самой слушать, как шумит посудомойка, как она начинает и заканчивает свое простое дело. Нравилось доставать бокалы. Нравилось симметрично расставлять их на столе, подстелив полотенце. После этого баба Маша уставала и ложилась спать, а Таня ждала, когда сон бабки окрепнет. Ждать не было для нее обязанностью. Ждать – это генетическое. Ее дед ждал бабку из института. Ее бабка ждала сыновей по десять месяцев. Ее сестра ждала замужества.

Когда сон крепчал, Таня тайком выбиралась на улицу почувствовать каникулы.

– А почему тебя бабушка не выпускает?

– А где твои мама с папой? Они же раньше тут жили.

– А ты пойдешь с нами на море?

Таня бегала от качелей к окну проверить, не проснулась ли баба Маша.

UN MARE SENZA GENTE

Tanja la vedevano uscire solo due volte a settimana, quando accompagnava nonna Maša al mercato con il carrellino della spesa vuoto e quando la riportava, contenta, con il carrellino pieno. Accanto all'ampia figura della nonna, alta due metri, la nipotina rimpiccioliva a ogni passo e l'estate, pure, si accorciava.

– Ehi, Tanja, oggi esci? – le gridavano le amiche dall'altalena.

– No – rispondeva nonna Maša e tirava fuori dalla tasca della vestaglia delle enormi chiavi di ferro.

Erano sparite in casa e baluginarono alle finestre. I bambini che erano arrivati in quel cortile del sud per le vacanze correavano alla finestra a osservare. Tanja sbucciava le patate. Tanja portava il tè alla nonna. Tanja spolverava. Tanja stirava. Tanja faceva il bucato. Tanja andava alla finestra e tutti se la filavano.

– Nonna, posso andare a fare un giro? Ho finito tutto!

– E chi li pulisce i frutti di bosco per la marmellata?

Per tutta la sera l'odore di marmellata di fragole appena fatta restò nel cortile. Dopo aver chiuso l'ultimo barattolo, nonna Maša andò allo specchio ed esaminò a lungo il suo volto enorme. Non provava alcun tipo di interesse, voleva semplicemente assicurarsi di essere viva. Passò in cucina. L'unica faccenda che non affidava a Tanja era quella di lavare i piatti. Le piaceva ascoltare come rumoreggiava la lavastoviglie, come iniziava e completava quel suo semplice compito. Le piaceva tirar fuori i bicchieri. Le piaceva sistemarli in modo simmetrico sul tavolo, con sotto un asciugamano. Poi nonna Maša si stancava e se ne andava a dormire, mentre Tanja aspettava che il sonno della vecchietta si facesse pesante. Aspettare per lei non era un obbligo. Aspettare era genetico. Suo nonno aveva aspettato che la nonna si laureasse. La nonna aveva aspettato ognuno dei figli per dieci mesi. La sorella aspettava il matrimonio.

Quando il sonno si faceva profondo, Tanja usciva di nascosto per sentire l'aria delle vacanze.

– E perché la nonna non ti lascia?

– E dove sono la tua mamma e il tuo papà? Prima abitavano qui anche loro, no?

– E al mare con noi ci vieni?

Tanja correva dall'altalena alla finestra a controllare se nonna Maša non si fosse svegliata. Quella stava sdraiata sul divano e ronfava, così la bambina si tranquillizzava e tornava dagli altri.

Та лежала на диване и храпела, отчего девочка успокаивалась и возвращалась к остальным.

– Так ты пойдешь с нами на море?

– Да ее бабка не отпустит!

Таня еще раз подбежала к окну, разглядела сон и засобиравалась со всеми на море первый раз за лето. Когда все уже уходило со двора, она обернулась и в окне увидела бабушку, тучную и взволнованную. Она кричала, но Таня спряталась за беседкой и не двигалась.

– Таня! Вот бессовестная, иди сюда, кому говорю! Таня! Да что же это такое! Таня! Вы Таню не видели? Таня!

Таня пыталась найти какие-то слова в ответ, но нащупала только берег во рту. Она смотрела на бабушку и думала, что вечером снова нужно есть котлеты, которые та приготовила. Когда Таня отказывалась есть мясо, баба Маша обижалась, и внучке приходилось снова браться за дело, думая о том, что стадо съеденных ею животных становится все больше и больше. И она ему одна пастух. Таня ела чужое мясо и думала, отличаются ли дети коров, которых она жевала с картошкой, от детей человека, которые едят детей коров? Мясо всегда чье-то, думала Таня, и это не давало ей покоя.

– Тань, ты идешь? Мы тебя долго ждать будем? Это там твоя толстуха что ли орет?

– Она не толстуха.

Море с прошлого лета не изменилось. Хотя вряд ли бы кто заметил, если бы зимой воду спустили, а весной налили новую. Вода везде напоминает воду в других местах. У каждого есть свое собственное море, в него он и окунается. Таня зашла в воду по пояс и хотела поплавать, но ей пришлось отвечать на брызги остальных. Теплая вода захлестывала, мочила волосы, и они больше не пахли вареньем. Лучи солнца проникали не сразу во всю воду, а в те волны, где Таня ныряла, протыкая одну за другой.

Плывать на спине ее учил отец, показывая, как надо держать спину, как важно расслабиться. Когда он говорил долго, Таня уже переставала его слушать, а только смотрела, как его спина появляется и исчезает в водных проемах. У нее не получалось держаться на воде так же ровно и красиво. Ей казалось, она напоминает большой лопух с загнутыми обтрепанными краями, брошенный в воду. В следующий раз отец должен приехать только через неде-

– Allora ci vieni con noi al mare?

– Ma se sua nonna non la lascia!

Tanja corse ancora una volta sotto la finestra, controllò il sonno e cominciò a prepararsi per andare al mare con gli altri, in tutta l'estate per la prima volta. Quando erano già usciti tutti dal cortile, si voltò e alla finestra vide la nonna, pingue e agitata. Stava gridando, ma Tanja si nascose immobile dietro al gazebo.

– Tanja! Svergognata, vieni qui, con chi sto parlando! Tanja! Ma che storia è questa! Tanja! Avete visto Tanja? Tanja!

Tanja cercava di trovare parole per rispondere, ma in bocca sentiva solo la riva del mare. Guardava la nonna e pensava che alla sera per cena ci sarebbero state di nuovo le polpette che le aveva preparato. Quando Tanja si rifiutava di mangiare carne, nonna Maša ci rimaneva male, e allora le toccava di rimettersi a mangiarla, pensando che la mandria di animali di cui si era cibata diventava sempre più grande. E lei era il suo unico pastore. Tanja mangiava carne altrui e si chiedeva se ci fosse una differenza tra i piccoli delle mucche che masticava con le patate, e i piccoli umani che mangiavano i figli delle mucche. La carne era sempre di qualcun altro, pensava Tanja, e questo non le dava pace.

– Ehi, Tanja, vieni? Ti dobbiamo aspettare ancora tanto? È la tua cicciona quella che strilla?

– Non è cicciona.

Il mare non era cambiato dall'estate precedente. Difficilmente qualcuno si sarebbe accorto se l'acqua in inverno fosse stata tolta e in primavera ne avessero aggiunta di nuova. Dovunque l'acqua è simile a quella degli altri posti. Ognuno ha il suo mare ed è in quel mare che s'immerge. Tanja entrò nell'acqua fino alla cintola e voleva nuotare un po', ma le toccò rispondere agli schizzi degli altri. L'acqua tiepida la sferzava, le bagnava i capelli e non sapevano più di marmellata. I raggi del sole non penetravano subito in tutta la distesa d'acqua, ma solo nelle onde in cui Tanja si immerse, fendendole una dopo l'altra.

A nuotare sul dorso le aveva insegnato il padre, facendole vedere come bisognava tenere la schiena, come fosse importante rilassarsi. Quando parlava a lungo, Tanja smetteva di ascoltarlo e guardava soltanto come la sua schiena compariva e scompariva nei varchi dell'acqua. Lei non riusciva a stare a galla in modo così elegante e preciso. Le pareva di somigliare a un grande cardo con i bordi sfrangiati e ricurvi abbandonato in acqua. Suo padre sarebbe tornato di nuovo soltanto dopo una settimana. Aveva promesso di aggiustare la sua bicicletta, così sarebbe riuscita ad andarci finché non fosse tornata a scuola in città.

лю. Он обещал отремонтировать ее велосипед, чтобы она успела покататься, пока не уедет учиться в город. Видимо, хотел хоть в чем-то побыть отцом. Хотя бы в починке колеса. Открыв глаза, Таня заметила, что вода унесла ее далеко от других детей. Вода холодела, но выходить ей не хотелось, пусть и кожа на пальцах уже сморщилась, как у бабушки после ванной, что она принимала по субботам. Отец даже специально заказал для своей матери огромную ванную, в которую она помещалась целиком. Таня вдруг вспомнила: сегодня как раз суббота.

Сначала она бежала быстро, чуть не наступив на ящерицу, но потом решила, ничего страшного не произойдет, если субботняя бабушкина ванна состоится на три часа позже, и перешла на шаг. Если уж попадать под раздачу за побег на море, то пусть попадет и за это. У нее тоже может быть свое лето. Не все же каникулы сидеть в пропахшем супом бабкином доме. Таня залезла в дом через окно, внутри тихо. Бабушке было никуда не уйти без таниной поддержки, и та надеялась, что она снова уснула. Но в спальне никого не было. Таня проверила ключи – они по-прежнему лежали у зеркала в прихожей. Эти ключи баба Маша выторговала на барахолке прошлым летом, долго выбирала из нескольких полуржавых аналогов, пока не остановилась на том, что побольше. В конце концов, подумала тогда Таня, если человек так долго выбирает на барахолке старый ржавый ключ, должна быть дверь, которая открывается этим ключом. Но бабушкина дверь им не открылась, и она попросила мастера подфигурить ключ под ее замок.

– Таня! Та-а-ня!

Девочка побежала на звук в ванную и открыла дверь. Баба Маша сидела по пояс в воде и тряслась от холода. Ее лицо покраснело, а кожа потяжелела от влаги. Таня не знала, за что ей хвататься – за полотенца, чтобы прикрыть бабушкину наготу, или за ее большие руки, чтобы помочь выбраться из ванной.

– Не смотри на меня! Зачем смотришь? Мала еще смотреть! Дай полотенце!

– Прости, бабушка, прости! Давай нальем горячей воды! Ты же замерзла!

– Дура! Я не могу сдвинуться, чтобы слить воду! Третий час сижу! Где ты была? Я же сказала тебе, никуда не ходить!

Evidentemente, almeno in qualcosa, voleva essere un padre. Anche soltanto riparando una ruota. Quando riaprì gli occhi, Tanja si rese conto che l'acqua l'aveva portata lontano dagli altri bambini. L'acqua si faceva più fredda, ma lei non aveva voglia di uscire, anche se la pelle dei polpastrelli si era già fatta rugosa, come succedeva alla nonna dopo il bagno che di solito faceva il sabato. Il padre aveva addirittura ordinato appositamente per sua madre una vasca enorme, per farcela entrare tutta. Tanja all'improvviso ricordò: oggi era proprio sabato.

All'inizio corse veloce, per poco non pestò una lucertola, ma poi decise che non sarebbe successo niente di terribile se il bagno del sabato la nonna lo avesse fatto tre ore più tardi, e si mise a camminare. Se tanto doveva essere punita per la fuga al mare, ci poteva stare anche questo. Anche lei poteva avere la sua estate. Senza starsene tutte le vacanze a casa della nonna, intrisa dell'odore di zuppa.

Tanja entrò in casa arrampicandosi dalla finestra, dentro era tutto tranquillo. La nonna non poteva andare da nessuna parte senza il sostegno di Tanja, e lei sperava che si fosse addormentata di nuovo. Ma in camera da letto non c'era nessuno. Tanja controllò le chiavi: erano come prima sotto lo specchio in ingresso. Per quelle chiavi nonna Maša aveva contrattato a un mercatino delle pulci l'estate prima, selezionando a lungo esemplari simili, mezzi arrugginiti, finché non si era decisa per quello più grande. In definitiva, pensò allora Tanja, se una persona ci mette così tanto a scegliere in un mercatino una vecchia chiave arrugginita, dev'esserci una porta che si apre con quella chiave. Ma la porta di casa con quella chiave non si apriva, e la nonna aveva chiesto a un fabbro di adattarla alla sua serratura.

– Tanja! Ta-a-nja!

A quell'urlo la bambina corse in bagno e aprì la porta. Nonna Maša era seduta fino alla cintola nell'acqua e tremava dal freddo. Il suo viso era diventato rosso e la pelle era appesantita dall'umidità. Tanja non sapeva cosa fare – se prendere l'asciugamano per nascondere le nudità della nonna o le sue grandi mani per aiutarla a uscire dalla vasca.

– Non guardarmi! Perché mi guardi? Sei ancora piccola per guardare! Dammi l'asciugamano!

– Scusa nonna, scusa! Dai, versiamo dell'acqua bollente! Hai preso freddo!

– Stupida! Non riesco a spostarmi per togliere un po' d'acqua! Sto qui da tre ore! Dov'eri? Te l'avevo detto di non andare da nessuna parte!

– Nonna, scusa!

– Прости, бабушка!

Как огромный кит, которому стало тесно в воде, бабушка сидела на дне собственного моря, выплескивая прожитое на берег. Жизнь приземлялась на пол беззвучно и растекалась по плитке. Заметив, что грудь бабки похожа на старые китовьи плавники, Таня отвернулась. Она принесла из шкафа самое большое полотенце, чтобы укрыть ее целиком. Баба Маша вдруг разрыдалась, сплевывая слезы со слюнями в ванную, где они превращались в маленькие вспененные озера.

– А ты думала, что у бабки под халатом? Красота заветная?

– Бабушка, не плачь.

– А тут разхухры-мухры, троих детей родила. А вот – один уехал, у второго дела, третий – тебя вон поставил надо мной. Кому нужна бабка-то? Сидит тут враскоряку, как куча жирная, и ноет. Смотри, складок сколько. Кому я нужна такая?

– Мне нужна, бабушка, мне!

– Дура бабка у тебя, заперла внучку дома на все лето, дышать тебе не даю! А ты вон какая худенькая, солнца не видишь! Боюсь я, Таня, боюсь без тебя. Мне ведь и шагу одной ступить сложно, большая у тебя бабка. Видишь, нажила сколько, девать некуда. Сажу тут как слон, а вылезти не могу.

– Ничего не слон.

– Да я слышала, как твои девки во дворе меня бегемотом зовут.

Таня помогла бабушке вылезти из ванной, усадила ее на диван, укрыла одеялом и принесла горячий чай.

– Где была-то?

– На море.

– Красиво?

– Лавки новые поставили.

– Как бы я тоже хотела на море.

– Давай сходим, я же тебя все лето зову!

– Э, нет. Море из берегов выйдет, да и стыдно мне, слонихе такой, людей пугать. Вот было

Come un'enorme balena a cui il mare stesse stretto, la nonna sedeva sul fondo del proprio mare, spruzzando il suo vissuto sulla riva. La vita atterrava silenziosa sul pavimento e si spandeva sulle piastrelle. Notando che il seno della nonna somigliava a due vecchie pinne di balena, Tanja si voltò. Portò dall'armadio l'asciugamano più grande per coprirla tutta. All'improvviso nonna Maša scoppiò in singhiozzi, sputacchiando lacrime e saliva nella vasca, dove si trasformavano in un piccolo lago di bolle di sapone.

– Hai pensato a cosa c'è sotto la vestaglia della nonna? Un'arcana bellezza?

– Nonna, non piangere.

– Qui c'è l'abracadabra, ci ho partorito tre bambini, e poi? Uno se ne è andato, il secondo ha da fare, il terzo ti ha messo qui a starmi dietro. A chi serve una vecchia? Seduta qui a gambe larghe, come un ammasso di grasso, a piagnucolare. Guarda quanti rotolini. A chi serve una così?

– A me, nonna, serve a me!

– Hai una nonna stupida che ha tenuto sotto chiave la nipotina tutta l'estate, non ti faccio respirare! E guardati, sei così magra, non vedi mai il sole! Ho paura, Tanja, ho paura senza di te. È che faccio fatica anche solo a fare un passo, grassa come sono. Guarda, sono diventata così grossa che non sto più da nessuna parte. Me ne sto qui come un elefante, non riesco a trascinarci fuori.

– Ma che elefante!

– Sì, l'ho sentito che le tue amichette in cortile mi chiamano ippopotamo.

Tanja aiutò la nonna a uscire dal bagno, la fece sedere sul divano, la avvolse in una coperta e le portò un tè caldo.

– Allora, dov'eri?

– Al mare.

– Bello?

– Hanno messo dei nuovi chioschi.

– Come vorrei andare al mare anch'io.

– Andiamoci, dai, è tutta l'estate che te lo dico!

– Eh, no. Faccio straripare il mare, e mi vergogno, sono così elefantessa da spaventare la gente. Ci fosse un mare senza gente, ma dove ti giri è pieno! La Katja mi ha detto che pure la spiaggia dove facevamo il bagno da ragazze, una spiaggetta selvaggia, è affollata. No, il posto per un ippopotamo è la sua palude!

бы море без людей, но они же везде, куда ни сунься! Катька сказала, даже на том пляже, где мы в юности купались, дикий который, народу много. Так что бегемоту место в своем болоте! Неси еще плед. Спать твою бабку будем укладывать.

Укладывать бабку долго не пришлось, она быстро захрапела под двумя одеялами. Таня вышла в коридор и взяла телефон.

– Пап, привет, да, ела. Подожди, потом расскажу. А ты же здесь на море все места знаешь? Ну, надо. Ну, скажи! А где здесь море без людей?

Portami ancora una coperta. Mettiamo a dormire tua nonna.

Alla nonna bastò poco, si mise subito a russare sotto due coperte. Tanja andò in corridoio e prese il telefono.

– Pà, ciao, sì, ho mangiato. Aspe', poi ti racconto. Tu qui conosci tutti i posti al mare, no? Be', mi serve. Dimmi un po', dov'è qui un mare senza gente?

Отзыв о рассказе

Сюжет рассказа внешне прост и незамысловат. Внучка приезжает на каникулы к бабушке, которая живет у моря, но, как нередко случается, моря не видит. Все летнее время уходит у девочки на помощь в хозяйственных делах бабе Маше, страдающей от своей собственной старческой неуклюжести и бессилия. Тане хотелось бы выбраться к ровесникам во дворе, умчаться навстречу солнцу, погрузиться в теплые и ласковые волны манящего моря. Об этом же тайно мечтает и бабушка, стесняющаяся своей тяжеловесности, немощи и неприглядности.

Художественное мастерство рассказчика заключается как раз в том, что за видимым несовпадением их импульсивных желаний и индивидуальных потребностей скупыми выразительными средствами, с помощью точно подобранных неприятных жизненных ситуаций, обыденных деталей, раскрывается тепло и сердечность скрытых от постороннего взора сокровенных отношений, душевно-духовная связь разных поколений, в которой внучка и бабушка остаются друг для друга и солнцем, и морем, составляет единое нерасторжимое целое.

Борис Тарасов

Nota critica

La trama del racconto è apparentemente semplice. Una nipotina arriva per le vacanze dalla nonna che vive al mare, ma, come accade di frequente, il mare non lo vede. La bambina passa tutta l'estate ad aiutare nelle faccende di casa nonna Maša, sofferente per la sua senile goffaggine e per la mancanza di forze. Tanja vorrebbe trovare il tempo per andare dai suoi coetanei in cortile, correre incontro al sole, immergersi nelle onde tiepide e carezzevoli di quel mare così invitante. È lo stesso sogno che segretamente ha anche la nonna, che si vergogna della sua mole, della sua fragilità, del suo brutto aspetto.

L'abilità artistica del narratore consiste proprio nel fatto che, dietro a un'apparente incompatibilità dei desideri impulsivi e dei bisogni individuali dei due personaggi, con parsimonia di mezzi espressivi e attraverso situazioni quotidiane attentamente selezionate e dettagli prosaici, si rivelano il tepore e l'affetto delle relazioni intime nascoste agli sguardi esterni; e il legame sincero e interiore tra generazioni diverse, in cui nonna e nipote restano l'una per l'altra, forma una totalità unica e indissolubile con il sole e con il mare.

Boris Tarasov

Биография

Галина Узрютова родилась и живет в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный университет, факультет культуры и искусства. Пишет прозу, стихотворения, пьесы. Публиковалась в журналах «Современная драматургия», «Арион», «Симбирск», «Гвидеон», «Берлин. Берега», «Введенская сторона» и др., в литературных сборниках и антологиях. Ее стихи переводились на немецкий, английский, словенский языки, проза – на итальянский, словенский, латышский. Член Союза писателей Москвы, стипендиат Министерства культуры РФ. Как драматург успешно участвовала в конкурсах «Баденвайлер», «Действующие лица», Волошинский конкурс, «Евразия», «Любимовка». Участник множества международных литературных проектов. Лауреат премии имени Н.Н. Благова (2016), поэтической премии проекта «Русский Гулливер» (2014) и конкурса Европейской сети театрального перевода (2018), финалист премии «Bookscriptor» (2018) и премии «Радуга» (2015, 2017, 2018).

Biografia

Galina Uzrjutova è nata e vive a Ul'janovsk. Si è laureata presso la facoltà di Cultura e arte dell'Università Statale di Ul'janovsk. È autrice di prosa, poesia e *pièce* teatrali. Ha pubblicato sulle riviste “Sovremennaja dramaturgija”, “Arion”, “Simbirsk”, “Gvideon”, “Berlin. Berega”, “Vvedenskaja storona” e altre ancora, in almanacchi letterari e antologie. Le sue poesie sono state tradotte in tedesco, inglese e sloveno, le opere in prosa in italiano, sloveno e lettone. È membro dell'Unione degli Scrittori di Mosca e borsista presso il Ministero della Cultura della Federazione Russa. Come drammaturga ha partecipato con successo ai concorsi Badenvajler, Dejstvujuščie lica, Vološin, Evrazija, Ljubimovka. Partecipa a numerosi progetti letterari internazionali. Ha vinto il premio N.N. Blagov (2016), il premio di poesia del progetto Russkij Gulliver (2014) e il concorso Eurodram (Rete Europea per la Traduzione Teatrale, 2018). È stata finalista del Premio Bookscriptor (2018) e del Premio Raduga (2015, 2017, 2018).

GIOVANI TRADUTTORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Emanuele Bero	Эмануэле Беро
Pier Brudaglio	Пьер Брудальо
Cinzia Celone	Чинция Челоне
Martina Morabito	Мартина Морабито
Martina Napolitano	Мартина Наполитано

Emanuele Bero nasce nel 1993 a Torino. Conseguita la maturità classica nel 2012, si laurea in Scienze della mediazione linguistica nel 2015 a Torino e nel 2018 in Traduzione presso la Civica Scuola Superiore per Interpreti e Traduttori Altiero Spinelli della Fondazione Milano (SCM).

Nel 2014 pubblica con Genesi Editrice la raccolta di poesie *Asfalto*. Per la tesi magistrale ritraduce *Il pesce Isabel*, un racconto tratto da *How To Breathe Underwater* di Julie Orringer. Sotto la supervisione del prof. B. Osimo, ritraduce *Ragazzi* (2017) e *La sposa* (2018) di A.P. Čechov, disponibili in versione e-book. Nel 2017 traduce per EDT un capitolo del saggio *Note dal silenzio* di

Anna Beer (a cura di L.M. Pignataro). Attualmente fa parte del Comitato di Lettura della XXXII edizione del Premio Italo Calvino.

Эмануэле Беро родился в 1993 году в Турине. В 2012 окончил лицей, выпускник лингвистического факультета (Турин, 2015) и Высшей школы перевода «Альтьеро Спинелли» при Фонде Милано.

В 2014 году опубликовал сборник стихов «Асфальт» (издательство «Дженези Эдитриче»). Для выпускной работы в магистратуре заново перевел рассказ «Рыба Изабель» из книги Джулии Оррингер «Как дышать под водой». Под руководством профессора Б. Осимо выполнил новый перевод рассказов «Мальчики» (2017) и «Невеста» (2018) А. П. Чехова (доступны в электронном виде). В 2017 году перевел для издательства «EDT» главу из эссе Анны Беер «Записки из тишины» (под редакцией Л. М. Пиньятаро). В настоящее время является членом читательского комитета XXXII сезона Премии Итало Кальвино.

Pier Brudaglio (Modugno, 1992) è un giovane traduttore e interprete pugliese. Si è laureato in Lingue e letterature moderne a Pisa e, dopo diverse esperienze in Polonia, Russia e Regno Unito, si è specializzato in Traduzione e interpretariato a Genova nel 2018, traducendo dal russo alcuni racconti di guerra della raccolta *Il tempo del Donbass* (*Vremja Donbassa*). Da sempre appassionato di teatro, ha tradotto finora due *pièce* contemporanee dal russo, fra cui *The Polar Truth* di Jurij Klavdev, rappresentata nell'ambito del 61° Festival dei Due Mondi di Spoleto. Alla passione per la narrativa e il teatro coniuga l'attività di traduttore specialistico e interprete.

Пьер Брудальо (Модуньо, 1992) родом из Апулии. Выпускник факультета современных языков и литератур Пизанского университета, несколько лет учился в Польше, России и Великобритании, окончил курс письменного и устного перевода в университете Генуи (2018), перевел с русского языка несколько военных историй из сборника «Время Донбасса». Всегда увлекался театром, перевел две современные пьесы с русского языка, в том числе «Полярную правду» Юрия Клавдева, показанную на 61-м Фестивале Двух миров в Сполето. Любовь к художественной литературе и театру сочетает с работой устного и письменного переводчика.

Cinzia Celone nasce a Milano nel 1986. Si laurea nel 2011 all'Università Statale degli Studi di Milano in Mediazione linguistica e culturale. Dopo un'esperienza di studio a Mosca si sposta a Perm', dove lavora come insegnante di italiano all'Università Statale degli Studi e consegue prima la laurea specialistica alla facoltà di Lingue straniere e glottodidattica nel 2015 e successivamente, nel 2018, il dottorato di ricerca alla facoltà di Filologia, cattedra di Lingua russa e stilistica con una tesi sperimentale sulla metodica dell'insegnamento della lingua russa agli stranieri. Vincitrice dell'*essay contest* al Forum internazionale degli studi umanistici di Perm' nel 2014. Nello stesso anno partecipa alle riprese del film documentaristico *Ja zdec' živu: Pešnigort*.

Чинция Челоне родилась в Милане в 1986 году, в 2011 окончила Миланский государственный университет (факультет лингвистики и межкультурной коммуникации). Училась в Москве, затем переехала в Пермь, где работала преподавателем итальянского языка в Государственном университете. Выпускница факультета иностранных языков, кафедры методики преподавания иностранных языков (2015), окончила аспирантуру (факультет филологии, кафедра русского языка и стилистики), тема диссертации – новые методики преподавания русского языка иностранцам. Победительница конкурса эссе (в рамках Международного гуманитарного форума в Перми, 2014). В том же году участвовала в съемках документального фильма «Я здесь живу: Пешнигорт».

Martina Morabito (1990) sta concludendo un dottorato in Letteratura russa presso l'Università di Genova, con una tesi sulla dimensione spaziale del simbolismo russo, la sua geografia immaginaria e lo spostamento letterario verso oriente della Grecia.

Ha pubblicato *Crisantemi in coppa*, versi di canzoni, una raccolta di traduzioni di haiku e tanka scritti da Valerij Brjusov, Andrej Belyj e Konstantin Bal'mont. I suoi articoli accademici cercano di indagare il simbolismo da varie prospettive (*thing theory*, onomastica, *visual studies*, post-orientalismo).

Мартина Морабито (1990) – аспирантка Генуэзского университета. Ее диссертация посвящена русской литературе, теме пространства в русском символизме, его воображаемой географии и тяготению к востоку Греции.

Опубликовала сборник переводов хайку и танка написанных Валерием Брюсовым, Андреем Белым и Константином Бальмонтом («Хризантемы в чаше, тексты песен»).

В своих научных статьях рассматривает символизм с разных точек зрения (теория вещей, ономастика, визуальные исследования, посториентализм).

Martina Napolitano (1992) è dottoranda in Slavistica presso l'Università di Udine, ateneo dove ha conseguito la laurea magistrale nel 2016. Al centro delle ricerche della sua tesi di dottorato vi è l'opera dello scrittore russo contemporaneo Saša Sokolov. Precedentemente si è occupata di Vladimir Nabokov e Venedikt Erofeev. I suoi interessi si concentrano soprattutto sulla letteratura russa della seconda metà del Novecento, sulla letteratura *underground* e sulla prosa post-sovietica. È inoltre giornalista *free-lance* e collabora con diverse testate italiane e straniere, tra cui “La Stampa” e “Euronews”, occupandosi di Russia, spazio post-sovietico e Balcani. Autrice di alcuni reportage, nel 2018 è uscito il suo libro *Il futuro dopo Lenin. Viaggio in Transnistria* (DOTS Edizioni, 2018).

Мартина Наполитано (1992) окончила Университет г. Удине (2016), в настоящее время продолжает обучение в аспирантуре (кафедра славистики). В центре ее исследования творчество современного русского писателя Саши Соколова, также занималась произведениями Владимира Набокова и Венедикта Ерофеева. Сфера ее интересов – русская литература второй половины двадцатого века, литература «андеграунда» и постсоветская проза. В качестве журналиста–фрилансера сотрудничает в нескольких итальянских и зарубежных газетах, пишущих о России, постсоветском пространстве и Балканах (в том числе «Ла Stampa» и «Евроньюз»). Автор ряда репортажей, в 2018 году вышла ее книга «Будущее после Ленина. Путешествие по Приднестровью» (издательство «DOTS Edizioni»).

ALBO D'ORO DEL PREMIO RADUGA
ПОБЕДИТЕЛИ И ФИНАЛИСТЫ ПРЕМИИ «РАДУГА»

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova

Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva

Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova

Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola

Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli

Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti

Bulgun Čimidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko

Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova

Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi

Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero

Alëna Ćurbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah

Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3**Giovani narratori italiani**

Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova

Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova

Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi

Ekaterina Brjučhova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli

Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli

Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli

Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin

Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты

Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помаролли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алесандры Фьяндры

Итальянские финалисты

Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой автор»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani

Nicola Carboni, traduzione in russo di Marija Volodina

Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov

Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi

Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci

Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo

Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova

Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani

Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenčik

Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova

Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko

Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты

Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биги
Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алессандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты

Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской–Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская–Марцевая
и Элизабетта Спедиаччи

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты

Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы
Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони
Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Giovani narratori russi

Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala

Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni

Margarita Určeva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov

Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenčik

Sesta edizione, 2015. Almanacco letterario 6**Giovani narratori italiani**

Jennifer Bertasini, traduzione in russo di Marina Kuličichina

Chiara Paraggio, traduzione in russo di Zabava Puzickaja

Eleonora Recalcati, traduzione in russo di Marija Gojchman

Ambra Simeone, traduzione in russo di Natal'ja Gorbačëva

Noemi Turino, traduzione in russo di Anna Petrova

Giovani narratori russi

Irina Bogatyrëva, traduzione in italiano di Maria De Caro

Tat'jana Il'dimirova, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Ilaria Sicari

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Ambra Simeone e Dmitrij Filippov

Giovani traduttori dell'anno: Niccolò Galmarini e Marija Gojchman

Итальянские финалисты

Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик
Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой
Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Литературный альманах 6 – 2015 год

Российские финалисты

Ирина Богатырева, перевод на итальянский язык Марии Де Каро
Татьяна Ильдимирова, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Иларии Сикари
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Франчески Мاستруццо
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Дженнифер Бертазини, перевод на русский язык Марины Куличихиной
Кьяра Параджо, перевод на русский язык Забавы Пузицкой
Элеонора Рекалькати, перевод на русский язык Марии Гойхман
Амбра Симеоне, перевод на русский язык Натальи Горбачевой
Ноэми Турино, перевод на русский язык Анны Петровой

Победители в номинации «Молодой автор»: Дмитрий Филиппов и Амбра Симеоне
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Гойхман и Никколо Гальмарини

Settima edizione, 2016. Almanacco letterario 7

Giovani narratori italiani

Iacopo Barison, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Maria Gaia Belli, traduzione in russo di Jana Ar'kova

Pier Franco Brandimarte, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Pietro Federico, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Andrea Giovanni Taietti, traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Francesca Gasparini

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Lidia Perri

Aleksandr Evsjukov, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Tat'jana Šabaeva, traduzione in italiano di Marta Valeri

Giovani narratori dell'anno: Maria Gaia Belli e Aleksandr Evsjukov

Giovani traduttori dell'anno: Francesca Gasparini e Jana Ar'kova

Ottava edizione, 2017. Almanacco letterario 8

Giovani narratori italiani

Tommaso Giagni, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Elisa Guidotti, traduzione in russo di Jana Bogdanova

Petronilla La Volpe, traduzione in russo di Ekaterina Orlova

Claudia Valenti, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Antonio Vangone, traduzione in russo di Lev Kac

Литературный альманах 7 – 2016 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини
Евгения Декина, перевод на итальянский язык Лидии Перри
Александр Евсюков, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Татьяна Шабаетова, перевод на итальянский язык Марты Валери

Итальянские финалисты

Якопо Баризон, перевод на русский язык Анны Лентовской
Мария Гайя Белли, перевод на русский язык Яны Арьковой
Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Пьетро Федерико, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Андреа Джованни Тайетти, перевод на русский язык Ольги Никитиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Александр Евсюков и Мария Гайя Белли
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Арькова и Франческа Гаспарини

Литературный альманах 8 – 2017 год

Российские финалисты

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Кьяры Фоддис
Андрей Тимофеев, перевод на итальянский язык Федерики Москетты
Елена Тулушева, перевод на итальянский язык Маттео Чанки
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Якопо Винья-Тальянти

Giovani narratori russi

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Alice Bravin

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Chiara Foddis

Andrej Timofeev, traduzione in italiano di Federica Moschitta

Elena Tuluševa, traduzione in italiano di Matteo Cianchi

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Jacopo Vigna-Taglianti

Giovani narratori dell'anno: Elisa Guidotti e Elena Tuluševa

Giovani traduttori dell'anno: Jacopo Vigna-Taglianti e Jana Bogdanova

Nona edizione, 2018. Almanacco letterario 9

Giovani narratori italiani

Ida Amlesù, traduzione in russo di Julija Galatenko

Matteo Anichini, traduzione in russo di Marija Titievskaja

Alice Magnoni, traduzione in russo di Anna Tigaj

Marta Vitale, traduzione in russo di Ekaterina Spirova

Giuseppe Zarrella, traduzione in russo di Julija Gimatova

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Alice Bravin

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Irina Michajlova, traduzione in italiano di Roberta Sala

Timur Sazonov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Federico Iocca

Giovani narratori dell'anno: Ida Amlesù e Irina Michajlova

Giovani traduttori dell'anno: Federico Iocca e Julija Gimatova

Итальянские финалисты

Томмазо Джаньи, перевод на русский язык Светланы Малининой
Элиза Гвидотти, перевод на русский язык Яны Богдановой
Петронилла Ла Вольпе, перевод на русский язык Екатерины Орловой
Клаудия Валенти, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Антонио Вангоне, перевод на русский язык Льва Каца

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тулушева и Элиза Гвидотти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Богданова и Якопо Винья-Тальянти

Литературный альманах 9 – 2018 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Булат Ханов, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Ирина Михайлова, перевод на итальянский язык Роберты Салы
Тимур Сазонов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Федерико Йокки

Итальянские финалисты

Ида Амлезу́, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Маттео Аникини, перевод на русский язык Марии Титиевской
Аличе Маньони, перевод на русский язык Анны Тигай
Марта Витале, перевод на русский язык Екатерины Спировой
Джузеппе Дзаррелла, перевод на русский язык Юлии Гиматовой

Победители в номинации «Молодой автор»: Ирина Михайлова и Ида Амлезу́

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Юлия Гиматова и Федерико Йокка

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia
- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij
- 9 ALMANACCO LETTERARIO 10
- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia
- 15 Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera
- 17 Vladimir Grigor'ev
Agenzia Federale per la stampa e i mass media
- 20 Raduga
Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori
- 22 Giuria italiana
- 25 Giuria russa
- 29 GIOVANI NARRATORI ITALIANI
- 31 Daniele Dalle Nogare *Maurice l'Oscuro*
Traduzione in russo di Stanislav Lichouzov
- 43 Angelica Damiani *Dentro i corpi di animi estinti*
Traduzione in russo di Elena Kožina

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А.М. Горького
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 9
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 12 Борис Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы
- 16 Владимир Григорьев
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
- 20 «Радуга»
Итальянско–российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков
- 22 Итальянское жюри
- 25 Российское жюри
- 29 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 31 Даниэле Далле Ногаре *Темный Морис*
Перевод на русский язык Станислава Лихоузова
- 43 Анджелика Дамиани *В телах умерших душ*
Перевод на русский язык Елены Кожиной

- 57 Riccardo Marin *Case chiuse*
Traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva
- 69 Paolo Steffan *Fiaba*
Traduzione in russo di Svetlana Malinina
- 79 Lorenzo Vargas *Ottone sull'autobus*
Traduzione in russo di Margarita Kuz'mičëva
- 93 Giovani traduttori russi
- 99 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 101 Dmitrij Bosjačenko *Origliare*
Traduzione in italiano di Emanuele Bero
- 113 Bulat Chanov *Anche in quei momenti in cui*
Traduzione in italiano di Cinzia Celone
- 129 Andrej Ignat'ev *Un giorno incontrerò mio padre*
Traduzione in italiano di Pier Brudaglio
- 145 Anastasija Terent'eva *Varen'ka*
Traduzione in italiano di Martina Napolitano
- 163 Galina Uzrjutova *Un mare senza gente*
Traduzione in italiano di Martina Morabito
- 177 Giovani traduttori italiani
- 183 Albo d'oro del Premio Raduga

- 57 Риккардо Марин *Покинутые дома*
Перевод на русский язык Ксении Воробьевой
- 69 Паоло Стеффан *Сказка*
Перевод на русский язык Светланы Малининой
- 79 Лоренцо Варгас *Автобус Оттоне*
Перевод на русский язык Маргариты Кузьмичевой
- 93 Молодые российские переводчики
- 99 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 101 Дмитрий Босяченко *Подслушанный разговор*
Перевод на итальянский язык Эмануэле Бери
- 113 Булат Ханов *Даже в те моменты, когда*
Перевод на итальянский язык Чинции Челоне
- 129 Андрей Игнатъев *Когда-нибудь я встречу отца*
Перевод на итальянский язык Пьера Брудальо
- 145 Анастасия Терентьева *Варенька*
Перевод на итальянский язык Мартины Наполитано
- 163 Галина Узрютова *Море без людей*
Перевод на итальянский язык Мартины Морабито
- 177 Молодые итальянские переводчики
- 183 Победители и финалисты Премии «Радуга»

Almanacco letterario 10
Conoscere Eurasia Edizioni
è stato stampato nel mese di maggio 2019
da Unidea Srl, Via Casette 31
37024 Santa Maria di Negrar (VR), Italia

Литературный альманах – Выпуск 10
Издательство «Познаём Евразию»
напечатан в мае 2019 года
Удинея, виа Казетте, 31
37024 Санта Мария ди Неграр (Верона), Италия

Литературный институт
им. А.М.Горького

con il sostegno di

ГАЗПРОМБАНК
«Газпромбанк» (Акционерное общество)

con la partecipazione di

